

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

5

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2023

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

5

2023

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

5

2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. (Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синекокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., н. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2023

Издатель: Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция», 109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Isif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2023

Publisher: Russian Academy of Sciences
 Executor under contract No. 4Y-3A-130-22 LLC "United Editorial Office",
 109028, Moscow, Podkopaevsky lane, 5, office 6
 Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049, Russia.
 Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru.
 Website: https://ons-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Пантин В.И., Лапкин В.В.** Дестабилизация старого и формирование нового миропорядка: основные тенденции и альтернативы 7

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Минат В.Н.** Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмысленности» труда (отраслевой аспект на примере США) 19
- Чудинова К. О.** Исследования экономических отношений США и Японии: новые теоретические подходы и отдельные перспективные направления 33

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Белов В.Б.** Промышленные альянсы в политике индустриальной автономии Евросоюза 47
- Горохов С.А., Агафшин М.М., Дмитриев Р.В.** Управление транзитной миграцией в регионе Западных Балкан 62

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

- Голованова С.В., Корнеева Д.В., Заяц С.А.** Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС) 73

РОССИЯ И ЯПОНИЯ

- Никипорец-Такигава Г.Ю.** Немеинстримный японский политический дискурс в контексте новейших российско-японских отношений 87

В ФОКУСЕ КАЗАХСТАН

- Дмитриева М.О., Токолькошев Д.К., Шегирбаев О.А.** Перспективы укрепления логистического взаимодействия России и Китая в контексте «Нового Шелкового пути» и фактор Республики Казахстан 98
- Питулько К.В.** Правовой анализ формирования и развития местного самоуправления в Республике Казахстан 110

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Новокрещёнов А.В., Абдрахманова В.Б.** Патриотизм и миграционные настроения поколения Z Новосибирска и Новосибирской области накануне СВО 123

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

- Pantin V., Lapkin V.** Destabilization of the Old World Order
and the Formation of a New World Order: Main Trends and Alternatives 7

ECONOMIC THEORY

- Minat V.** Interconnected Dynamics of Duration, Productivity
and “Bullshit” of Labor (Branch Aspect on the Example of the USA) 19
- Chudinova K.** Studies of Economic Relations between the USA and Japan:
New Theoretical Approaches and Some Promising Areas 33

EUROPEAN STUDIES

- Belov V.** Industrial Alliances in the Policy of Industrial Autonomy
of the European Union 47
- Gorokhov S., Agafoshin M., Dmitriev R.** Transit Migration Management
in the Western Balkans 62

DIGITALIZATION

- Golovanova S., Korneeva D., Zayats S.** New Guidelines for Digital Platform
Competition Policy: A Comparative Analysis (Russia, USA, China, EU) 73

RUSSIA AND JAPAN

- Nikiporets-Takigawa G.** Japanese Non-Mainstream Political Discourse
in the Context of the Latest Russia-Japan Relations 87

KAZAKHSTAN IN FOCUS

- Dmitrieva M., Tokoldoshev D., Shegirbayev O.** Prospects for Strengthening
Logistics Cooperation between Russia and China in the Context
of the «New Silk Road» and the Factor of the Republic of Kazakhstan 98
- Pitulko K.** Legal Analysis of the Formation and Development
of Local Self-government in the Republic of Kazakhstan 110

SOCIAL STUDIES

- Novokreshchenov A., Abdrakhmanova V.** Patriotism and the Migration
Sentiments of Generation Z in Novosibirsk and the Novosibirsk Region
on the Eve of the SMO 123

УДК 327

DOI: 10.31857/S0869049923050015
EDN: NHXKNY

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

Оригинальная статья / Original article

Дестабилизация старого и формирование нового миропорядка: основные тенденции и альтернативы¹

© В.И. ПАНТИН, В.В. ЛАПКИН

Пантин Владимир Игоревич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), v.pantin@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4218-4579

Лапкин Владимир Валентинович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), vvlh@politstudies.ru. ORCID: 0000-0002-0775-2630

Представлен сравнительный анализ альтернативных сценариев формирования нового мирового порядка. Показано, что в начале 2020-х гг. происходит дестабилизация прежнего моноцентричного («униполярного») мироустройства. Основные признаки происходящих в нем сдвигов: социально-экономические и политические противостояния в западных и незападных странах, хаотизация системы международных отношений, возрастание количества и обострение региональных конфликтов, создание новых международных объединений и коалиций. Сделан прогноз о наиболее вероятном варианте смены миропорядка, который может воплотиться в период 2020-х – 2030-х гг. Выдвинуто предположение о роли в нем России.

Ключевые слова: новый мировой порядок, региональные конфликты, прогнозирование, международные отношения, Россия

Цитирование: Пантин В.И., Лапкин В.В. (2023) Дестабилизация старого и формирование нового миропорядка: основные тенденции и альтернативы // Общественные науки и современность. № 5. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049923050015, EDN: NHXKNY.

¹ Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

Funding. The article is published under a grant of the Russian Scientific Foundation (Project no. 23-18-00535).

Destabilization of the Old World Order and the Formation of a New World Order: Main Trends and Alternatives

© V. PANTIN, V. LAPKIN

Vladimir I. Pantin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), v.pantin@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4218-4579

Vladimir V. Lapkin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vvllh@politstudies.ru. ORCID: 0000-0002-0775-2630

Abstract. A comparative analysis of alternative scenarios for the formation of a new world order is presented. It is shown that in the early 2020s the former “monocentric” (“unipolar”) world order was destabilized. The main signs of the shifts taking place in it are socio-economic and political oppositions in Western and non-Western countries, the chaotic system of international relations, the increasing number and depth of regional conflicts, the creation of new international associations and coalitions. The forecast is made about the most probable variant of the change of the world order, which can come into being in the period of the 2020–2030s. An assumption has been made of the role of Russia in the changing world order.

Keywords: new world order, regional conflicts, forecasts, international relations, Russia

Citation: Pantin V., Lapkin V. (2023) Destabilization of the Old World Order and the Formation of a New World Order: Main Trends and Alternatives. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049923050015, EDN: NHXKNY.

Исследование изменений мирового порядка и прогнозирование сценариев развития – сложная и многоплановая проблема, требующая глубокого анализа мировых процессов и учета множества факторов [Кокошин, Панов 2014; Барановский 2017; Кортунов 2020; Комаров, Горбунова 2022]. Тем не менее необходимо искать движущие силы и прогнозировать возможные варианты изменений, в том числе чтобы снизить их негативные последствия и риски.

Радикальные сдвиги в соотношении сил между основными центрами мировой системы (наиболее влиятельными державами или союзами государств) составляют суть изменений мирового порядка. Они предполагают переход всей международной системы в новое состояние с иной организацией глобального управления [Huntington 1996; Kissinger 2014; Барановский 2017]. Ключевым элементом таких сдвигов, как правило, является смена мирового лидера (лидеров) и формирование новой иерархии центров силы. На протяжении истории мировой порядок менялся многократно, причем каждое из таких изменений сопровождалось глубокими технологическими, социокультурными и геополитическими сдвигами, социальными потрясениями и конфликтами [Kennedy 1989; Arrighi 1994; Modelski, Thompson 1996; Frank 1998].

В XX в. миропорядок трансформировался дважды. Первый раз – в ходе Второй мировой войны и в последующие два десятилетия, когда разгром нацистской Германии и милитаристской Японии привел к деконструкции колониальных империй и формированию биполярной системы международных отношений. Второй раз – в период 1990-х гг. после крушения биполярной системы из-за распада Советского Союза. В эти годы утвердился

«униполярный», моноцентричный мировой порядок с доминированием одной сверхдержавы и одного центра силы – США. Он оказался более нестабильным, чем биполярная система, и породил многочисленные кризисы и конфликты, а также хаос в международных отношениях [Duncombe, Dunne 2018; Караганов 2022].

Попытки сохранить моноцентричный миропорядок привели к глубокой экономической, социальной и политической дестабилизации во многих странах и регионах мира, к международным потрясениям вплоть до балансирования на грани глобальной катастрофы и ядерной войны. Бомбардировки Югославии в 1999 г., вторжение войск НАТО в Афганистан в 2001–2021 гг., оккупация США и их союзниками Ирака в 2003 г., бомбардировки Ливии в 2011 г., вмешательство американских войск в гражданское противоборство в Сирии, участие стран НАТО в конфликте на территории Украины, конфликт между США и КНР вокруг Тайваня разрушили систему двусторонних и многосторонних договоров, обеспечивающих международную безопасность. Одновременно усилилась санкционная война США и их союзников против России [Бубнова 2022] и ряда других стран.

Растущая дестабилизация сформировавшегося в 1990-е гг. «униполярного» мирового порядка вызвана глобальным характером происходящих технологических, социальных, экономических, геополитических и культурно-цивилизационных сдвигов, которые не может контролировать ни одна сверхдержава, даже такая мощная и системообразующая, как США. Концептуальное понимание природы глобальных сдвигов в мировой системе, происходящих на рубеже 2010-х – 2020-х гг., представлено ранее в модели эволюционных циклов мировой экономической и политической системы [Пантин, Лапкин 2014; Акаев, Пантин 2014]. Согласно этой модели, мировая система на рубеже 2010-х – 2020-х гг. вступила в фазу революции мирового рынка (геополитической и геоэкономической революции), причем эта бурная фаза в некоторых отношениях подобна аналогичному этапу (1945–1970 гг.) предыдущего эволюционного цикла. Напомним, что в тот период после разгрома нацистской Германии и милитаристской Японии возникла новая Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, сформировались новые международные институты, включая ООН, мировое лидерство окончательно и по всем позициям перешло от Великобритании к США. Тогда же получила независимость Индия (1947 г.), образовалась Китайская Народная Республика (1949 г.), и на протяжении 1950-х – 1960-х гг. распались почти все колониальные системы западноевропейских государств. Однако период 1945–1970 гг. стал и апогеем холодной войны – неслучайно он был насыщен международными конфликтами и сопровождался балансированием на грани ядерной войны, особенно во время Корейской войны 1950–1953 гг. и Карибского кризиса 1962 г.

Отсюда можно прогнозировать, что в период 2020-х – 2030-х гг. также будут происходить тектонические сдвиги в мировой политике и экономике, включая постепенное перемещение центра тяжести экономического и политического развития с Запада на Восток, формирование новых региональных и межрегиональных союзов и коалиций, изменение соотношения сил в международных отношениях и характера мирового лидерства. В этой связи следует подчеркнуть, что происходящие в первой четверти XXI в. и прогнозируемые ранее [Arrighi 1994; Делягин 2003; Пантин, Лапкин 2006] глобальные кризисы, внутреннее и международные конфликты закономерны – они вызваны деградацией прежнего и становлением нового миропорядка.

На дестабилизацию и деградацию прежнего «униполярного» мирового порядка, особенно явные после глобального кризиса 2008–2009 гг., указывали многие западные, прежде всего американские исследователи [Zakaria 2008; Acharya 2014; Colgan, Keohane 2017; Ikenberry 2018]. Некоторые количественные аспекты современной социально-политической дестабилизации проанализированы в ряде работ [Turchin 2013; Korotayev,

Meshcherina, Shishkina 2018]. В то же время прежний «униполярный», «американоцентричный» мировой порядок в силу огромных накопленных ресурсов и организационно-логистических достижений сохраняет инерционную устойчивость и вряд ли быстро уступит место новому миропорядку. Сложные, турбулентные процессы дестабилизации старого и формирования нового мирового порядка, для которых характерны ярко выраженный динамизм и изменение вектора мирового развития, не поддаются упрощенному телеологическому и линейному толкованию [*Мюллерсон* 2022, 37].

Последовательная смена этапов трансформации миропорядка, наблюдаемая с 2000-х гг., в определенной мере подобна происходившей в период между двумя мировыми войнами и в первые два десятилетия после Второй мировой войны. Британская империя контролировала в период своего наивысшего могущества около 40% поверхности земного шара (вместе с морями и океанами). Напомним, что для перехода мирового лидерства от Британской империи к Соединенным Штатам понадобились две мировые войны, разгром Германии и Японии, распад колониальных систем европейских стран. Лишь после этого утвердились новая биполярная система международных отношений и новый миропорядок.

Процессы дестабилизации прежнего и формирования нового миропорядка составляют неразрывное единство, и поэтому методологически их необходимо анализировать в тесной взаимосвязи – как «две стороны одной медали». От того, какой вариант дестабилизации прежнего мирового порядка станет доминирующим и как именно будет протекать его деконструкция, зависят пути и способы формирования нового миропорядка. Более того, для адекватного понимания происходящего в настоящем и для прогнозирования будущего важно иметь в виду, что процессы смены миропорядка включают целый ряд точек поворота (*turning points*), в которых меняется траектория социально-экономической и политической динамики. Определение и анализ таких точек открывают определенные возможности, чтобы прогнозировать тенденции мировой политической и экономической системы на основе циклически-волновой модели [*Modelski, Thompson* 1996; *Пантин, Лапкин* 2014]. О работоспособности этой модели свидетельствуют результаты прогнозирования ряда важных поворотных точек в мировом развитии, в частности, глобального кризиса 2008–2009 гг. [*Пантин, Лапкин* 2006, 315, 318, 412], а также конфликтов между Западом и Россией, между США и Китаем в начале 2020-х гг. [*Пантин, Лапкин* 2014, 405–407, 409].

Цель данной статьи – выявить наиболее вероятные сценарные варианты дестабилизации старого и формирования нового миропорядка, а также представить анализ основных тенденций, которые определяют изменение мироустройства. Методология работы включает применение циклически-волнового подхода к исследованию политической и экономической динамики [*Кондратьев* 1925; *Modelski, Thompson* 1996; *Пантин, Лапкин* 2006; *Гринин, Коротаев, Цирель* 2011], а также мир-системного подхода в интерпретации А.Г. Франка [*Frank* 1998] и Дж. Арриги [*Arrighi* 1994; *Arrighi* 2007]. Кроме того, использованы элементы сравнительного политического анализа, а также сценарный подход к прогнозированию политической и экономической динамики.

Изменение мирового порядка: тенденции, акторы и центры силы

Конкретные проявления глобальной дестабилизации связаны с непреодоленными в полной мере последствиями кризисов 2008–2009 и 2020–2021 гг., а также с последствиями глобальной эпидемии COVID-19. Эти феномены выражаются, в частности, в гибридной войне между странами Запада и России, в конфликте между США и Китаем, в политических расколах и противостоянии разных групп элиты в США, а также в миграционном, институциональном, долговом, энергетическом, экологическом кризисах [*Ferguson*

2014; Глазьев 2018; Кортунов 2020]. Такая концентрация различных, но взаимосвязанных кризисных явлений на небольшом (2010-е – 2020-е гг.) временном промежутке, как представляется, свидетельствует о том, что мировая экономическая и политическая система достигла своего «порога стабильности» и прежний мировой порядок будет меняться до тех пор, пока не достигнет нового, относительно устойчивого состояния.

Среди основных факторов и тенденций, определяющих дестабилизацию мирового порядка, следует выделить следующие. Во-первых, к ним относятся противоречивые последствия информационной, экономической и политической глобализации: с одной стороны, резко усилилось взаимодействие между разными странами, цивилизациями и регионами мира, а с другой, – возникли серьезные противоречия, дисбалансы и конфликты. Во многих, в том числе развитых, странах усилилось имущественное и социальное неравенство [Деягин 2003; Piketty 2014], возникли новые социальные, ценностные и этнокультурные размежевания, заметную роль в социальном расслоении стали играть так называемые цифровые расколы (digital divides), связанные с быстрым распространением цифровых технологий [van Dijk 2020]. В итоге процессы глобализации сделали мир более единым, но они же резко усилили конфликтность на всех уровнях – между элитами и массовыми группами, между инокультурными мигрантами и населением принимающих их стран, между государствами-нациями и наднациональными институтами, между западными странами и Россией, между динамично развивающимися странами Восточной Азии и остальным миром, между США и Китаем и т. п.

Во-вторых, быстрые технологические сдвиги, формирование нового технологического и мирохозяйственного уклада [Hirooka 2006; Глазьев 2018] сделали неизбежными масштабные экономические и политические трансформации [Akaev, Pantin 2014]. Однако основные акторы и институты, включая политические партии, социальные движения, государства, национальные и транснациональные элиты, оказались не в состоянии адекватно ответить на происходящие глобальные сдвиги и вызовы. Международные институты, в том числе МВФ, Всемирный банк, ООН, ВТО, также стали терять свою эффективность [Duncombe, Dunne 2018; Ikenberry 2018]. В результате такой асинхронности изменений резко усилились внутриполитические расколы и международные противоречия. Они вызвали на протяжении периода 2000-х – начала 2020-х гг. целый ряд следующих друг за другом волн экономической, социальной и политической дестабилизации: 2000–2001 гг. (кризис в США, террористические акты 11 сентября 2001 г., начало войны НАТО в Афганистане); 2008–2009 гг. (глобальный финансовый и экономический кризис, конфликт в Южной Осетии); 2011–2014 гг. («арабская весна», государственный переворот на Украине); 2020–2021 гг. (эпидемия COVID-19, экономический кризис, внутренний раскол и политическое противостояние в США в связи с президентскими выборами); 2022–2023 гг. (начало новой фазы конфликта на территории Украины, обострение гибридной войны между Россией и странами Запада, нарастание противоречий между США и Китаем).

В-третьих, экономический подъем Китая, Индии и ряда других азиатских стран способствовал резкому изменению баланса между разными центрами силы. С одной стороны, прежний мировой лидер (США) в ближайшие годы, видимо, сохранит способность эффективно отстаивать свое право на лидерство и не готов будет уступить его новому лидеру (например, Китаю). С другой стороны, гегемония США постепенно размывается и подтачивается в силу демографических, миграционных, геополитических и культурно-цивилизационных изменений и в самих Соединенных Штатах (как известно, внутренняя и внешняя политика США тесно взаимосвязаны), и во всем мире. Результатом стали нарастающая социальная дестабилизация в западных и незападных обществах, а также

крупные потрясения в мировой экономике и политике. На основании геополитических и геоэкономических изменений можно прогнозировать, что ответом целого ряда крупных незападных государств на попытки сохранить гегемонию США окажется продвижение альтернативных региональных институциональных порядков межгосударственного сотрудничества как в сфере экономики и финансов, так и в политической и военно-стратегической сферах.

Отмеченные тенденции при этом задают лишь поле возможностей изменения мирового порядка, но сами характер и структура нового миропорядка не predetermined. Существует целый ряд вариантов и сценариев его формирования, которые определяются борьбой между разными политическими акторами. К ним относятся также различные центры экономической, политической и военной силы, международные экономические и политические союзы, наднациональные и национальные элиты, транснациональные корпорации (ТНК) и глобальные финансовые структуры, медиа-империи, политические партии, общественные движения и др.

На роль мировых центров политической, экономической и военной силы, способных проводить глобальную политику, в настоящее время претендуют США, Китай, Европейский союз, Соединенное Королевство, Россия, Индия, а к числу региональных центров силы можно отнести Бразилию, Турцию, Саудовскую Аравию, Иран, Южно-Африканскую Республику. В результате сложного взаимодействия и переплетения интересов мировых и региональных центров силы в современном мире формируются гибкие и динамичные коалиции и форматы, в основе которых лежит общность интересов в решении тех или иных проблем и/или ответ на возникающие вызовы. Состав и количество членов коалиции или формата могут быстро меняться в зависимости от развития ситуации, как произошло, например, в отношениях между Россией, Турцией и Ираном после 2015 г. в связи с событиями в Сирии; между Китаем и Россией в начале 2020-х гг.; между Сирией и другими арабскими странами в 2023 г.

Примерами новых объединений и форматов незападных государств могут служить БРИКС и ШОС, в которых участвуют как мировые, так и региональные центры силы. Основные цели этих объединений – обеспечить безопасность и экономическое развитие. Россия играет в них важную, во многом цементирующую роль, выступая, в частности, посредником в сложных отношениях между двумя азиатскими гигантами – Китаем и Индией. Роль России как одновременно европейского и азиатского государства в этом плане весьма неоднозначна и сложна. Однако именно такое «двуединое» геополитическое положение России, ее традиционные связи со странами Азии, Африки и Латинской Америки, борьба с различными формами колониализма и неоколониализма определяют ее значение в изменении мирового порядка.

В то же время западные государства также формируют или расширяют свои коалиции и военно-политические союзы, направленные против России и Китая, например, продвигая НАТО на восток или формируя AUKUS (альянс Австралии, Соединенного Королевства и США). В эти коалиции США пытаются привлечь и незападные страны, в частности, Японию, Республику Корея и др. Как ни парадоксально, США и транснациональные финансовые элиты заинтересованы в усилении конфронтации, в дестабилизации мирового порядка, в то время как Китай, Индия, Россия, напротив, заинтересованы в глобальной экономической и политической стабильности, в постепенном и эволюционном изменении мирового порядка. В итоге мировая система раскалывается на противостоящие, но взаимосвязанные в экономическом отношении военно-политические блоки и коалиции. Перспективы такого противостояния, чреватого многочисленными рисками и угрозами, обусловлены прежде всего динамикой мировых процессов и тем, насколько

быстро ключевые центры силы и другие политические акторы смогут адаптироваться к быстро меняющимся условиям, адекватно отреагировать на происходящие изменения, не допустить глобального военного конфликта и сформировать новые, более эффективные международные институты [Барановский 2017].

Наиболее вероятные сценарии дестабилизации старого и формирования нового миропорядка

На основании анализа мировой экономической и политической динамики можно выделить следующие сценарии дестабилизации мирового порядка. Первый сценарий предполагает быструю и радикальную дестабилизацию экономики, политики и социальной сферы, сопряженную с глобальными кризисами, потрясениями и конфликтами и с относительно быстрым разрушением прежнего мирового порядка. В основе такого сценария лежат радикальное противостояние разных центров силы, хаотизация внутренней политики большинства государств и системы международных отношений в целом, а также ускоренное перемещение центра тяжести мирового экономического и политического развития из Атлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом сценарии, однако, неизбежны быстрая деградация мировой экономической и политической системы, ее распад на враждующие друг с другом военно-политические и экономические блоки с элементами «войны всех против всех». Исход подобного противостояния и всеобщей хаотизации может быть весьма разрушительным и даже катастрофическим. Вместе с тем, в рамках первого сценария возможны два альтернативных варианта. Либо мировой экономический и политический лидер в лице США останется прежним, но подвергнется коренной перестройке вместе с перестройкой коллективного Запада и всего *Rex Americana*. Либо произойдет относительно быстрый и радикальный переход к полицентричной модели мироустройства, при которой мировое лидерство будет в определенной мере децентрализовано между центрами экономической, политической и военной силы (например, между США, Китаем, ЕС, Россией, Индией). Однако и в том, и в другом случае при быстром и кардинальном изменении мирового порядка на протяжении 2020-х – 2030-х гг. неизбежно возникнут глубокие кризисы, социальные потрясения, разрушительные внутренние и международные конфликты.

Второй сценарий основан на постепенной, «ступенчатой» дестабилизации с адаптацией ведущих акторов и игроков международной политики и экономики к меняющейся ситуации. Такой сценарий означает достаточно длительное (на протяжении 2020-х и 2030-х гг.) сосуществование элементов прежнего и нового миропорядка (подобно тому, как в период *Interbellum* сохранялось сосуществование старого британского и нового американского миропорядков). Следствием подобного сценария станет относительно длительное доминирование США как мирового лидера, но с выраженным подавлением конкуренции как внутри коллективного Запада, так и в остальном мире. При этом сохранится глобальная тенденция подавления культурного и социально-политического разнообразия, т. е. прежний лидер будет последовательно торпедировать необходимые условия дифференциации и усложнения мировой системы. Прежние международные институты, которые были созданы после Второй мировой войны и в настоящее время во многом подконтрольны США (МВФ, Всемирный банк, ВТО, ВОЗ, ОБСЕ, G7 и др.), будут сосуществовать с новыми, недавно возникшими институтами, форматами взаимодействия и коалициями (например, G20, БРИКС, ШОС). Такой сценарий возможен в более или менее полном виде, поскольку в развитии мировой системы существует значительная инерция, а США как сверхдержава и как ведущий центр силы обладают огромными финансовыми, технологическими

и организационными ресурсами и не желают уступать мировое лидерство. Тем не менее, в рамках этого второго сценария из-за глобальных демографических, цивилизационных, геополитических и геоэкономических сдвигов рано или поздно неизбежно возникнет альтернатива. Либо будет установлен тотальный контроль американских и других транснациональных корпораций и финансовых структур в политике, экономике, социальной и информационной сферах (включая подавление любой конкуренции и любого инакомыслия). Либо на каком-то этапе этого сценария произойдет быстрая и весьма разрушительная деградация *Rex Americana* с переходом к первому сценарию.

Наконец, третий, наиболее вероятный, с нашей точки зрения, сценарий переформатирования мирового порядка предполагает ряд следующих друг за другом на протяжении 2020-х – начала 2030-х гг. международных кризисов и конфликтов, включая частичное балансирование на грани глобальной войны. Однако, благодаря формированию целого ряда гибких, динамичных политических коалиций и союзов государств на международной арене и системным реформам внутри отдельных стран, будут купированы риски всеобщей хаотизации во внутренней политике и в международных отношениях. Эти динамичные коалиции и союзы через ряд этапов реструктуризации внутренних и международных отношений постепенно образуют новый полицентричный миропорядок. Переход от моноцентричного к полицентричному мировому порядку с выстраиванием новой иерархии мировых и региональных центров политической, экономической и военной силы (США, Китай, Россия, ЕС, Индия, Бразилия, ЮАР, Иран, Турция и др.) в рамках этого сценария позволит сохранить достигнутый уровень единства и взаимосвязанности мировой системы. Такой переход способен заблокировать движение к распаду мира на противостоящие друг другу фрагменты и блоки. Более того, при таком сценарии с высокой вероятностью будут созданы условия для развития в будущем новой версии глобализации на более широкой многоцивилизационной и полицентричной основе, о чем, в частности, писал С. Хантингтон [*Huntington 1996*].

В ряду упомянутых выше динамичных коалиций и новых форматов в мировой политике и экономике, помимо G20, БРИКС и ШОС, свое место могут занять ЕАЭС и ВРЭП (Всестороннее региональное экономическое партнерство в Восточной Азии). Передача основных функций регулирования мировых экономических и политических процессов от старых международных институтов к новым форматам и коалициям, согласно этому сценарию, будет происходить без радикальной поляризации и хаотизации мировой системы, хотя и с немалыми потрясениями. Экономические кризисы, социальная дестабилизация и политические конфликты будут толкать мировую систему к установлению нового баланса сил и к созданию более гибких механизмов регулирования внутренних и международных процессов, преодолевающих дисфункции прежних глобальных институтов.

Более высокая, на наш взгляд, вероятность третьего сценария связана с тем, что он предполагает переход к новому миропорядку без острых и наиболее катастрофических конфликтов между основными центрами силы, а также без не слишком реалистичных допущений о возможности плавной и ступенчатой дестабилизации (второй сценарий). Третий сценарий не представляет собой «средний» или промежуточный между первым и вторым. В отличие от первого сценария, третий основан на презумпции взаимодействия разных центров силы, пусть и сопровождаемого неизбежными внутренними и международными конфликтами, но без радикального и бескомпромиссного противостояния. В то же время, в отличие от второго сценария, он предполагает не постепенный, а переломный, решительный характер дестабилизации мирового порядка с достижением определенной точки поворота, после которой последует быстрый и многоплановый переход к новому полицентричному мировому порядку. Дестабилизация прежнего мирового порядка, как следует из

анализа циклов мировой системы [Пантин, Лапкин 2014, 281, 414], достигнет критического значения к концу 2020-х – началу 2030-х гг., после чего будет происходить быстрое развитие новых институтов, союзов и коалиций как во внутренней, так и в международной политике и экономике с быстрой адаптацией основных экономических и политических игроков к меняющимся условиям. Иными словами, третий сценарий предполагает достижение некоей критической точки дестабилизации и перелома в мировом развитии, но без глобальной войны и тотальной хаотизации мировой экономики и политики.

Краткие выводы

Согласно примененному в данной работе циклически-волновому подходу к исследованию политической и экономической динамики, а также анализу конкретных тенденций международного развития весьма вероятным представляется достижение к концу 2020-х – началу 2030-х гг. критического, порогового значения социальной, экономической и политической дестабилизации мировой системы, ее вхождение в решающий этап перехода от прежнего «униполярного» к новому полицентричному мировому порядку. Этот поворот в глобальном развитии откроет перспективы роста культурно-цивилизационного и социально-политического разнообразия тесно взаимодействующих, но при этом различных моделей и паттернов, которое необходимо для эволюционного усложнения мировой системы. Такая тенденция усложнения мировой системы столкнется с тенденциями культурной и социально-политической унификации, которая характерна для «униполярного» мироустройства.

В то же время исход противостояния разных тенденций, акторов и центров силы отнюдь не предрешен. Разные сценарии перехода могут приводить к разным последствиям вплоть до глобальной катастрофы, если не будут найдены приемлемые для большинства глобальных акторов принципы формирования нового баланса сил. В сложной переходной ситуации многое будет зависеть от способности ведущих акторов предвидеть возникающие риски, гибко маневрировать, идти на необходимые компромиссы и принимать ответственные решения.

Сегодня ощущается явный дефицит такой гибкости и ответственности, что ведет к усугублению последствий многочисленных кризисов и потрясений. Тем не менее, общая ситуация в мире в условиях резкого усиления угрозы всеобщей катастрофы будет вынуждать проводить более адекватную и ответственную политику, искать разумные решения и компромиссы. Вопрос лишь в том, насколько сильной окажется крайне опасная инерция прежнего мышления элит, прежнего доминирования «униполярной» модели мироустройства, и не будут ли приняты необходимые решения и практические шаги слишком поздно.

Россия, благодаря своему географическому и геополитическому положению, а также исторически сложившимся связям со странами Востока, Запада и глобального Юга, способна сыграть важную роль в происходящем изменении мирового порядка, в обеспечении глобальной устойчивости и последовательных системных преобразований. Залогом этому может служить активное, в том числе посредническое участие России в таких объединениях и форматах, как БРИКС, ШОС, G20 и др. Многое будет зависеть от способности российского государства и общества использовать потенциал развития страны для полноценной модернизации, без которой Россия не сможет занять достойное место в формирующемся полицентричном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барановский В.Г. (2017) Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. № 3. С. 71–91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05
- Baranovsky V.G. (2017) Transformatsiya global'nogo miroporyadka: dinamika sistemnykh izmenenij [Transformation of Global World Order: Dynamics of Systemic Changes]. *Polis. Politicheskyye issledovaniya*. no. 3, pp. 71–91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05 (In Russ.)
- Бубнова Н.И. (2022) Тотальные санкции Запада против России в контексте «интегрированного сдерживания» // Общественные науки и современность. № 6. С. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049922060016
- Bubnova N.I. (2022) Total'nye sanktsii Zapada protiv Rossii v kontekste "integrirovannogo zderzhivaniya" [Total Sanctions of the West against Russia in the Context of "Integrated Deterrence"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049922060016 (In Russ.)
- Глазьев С.Ю. (2018) Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир. 768 с.
- Glaziev S.Yu. (2018). *Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirohozyaystvennom ukladah* [Leap into the Future. Russia in the New Technological and World-Economic Orders]. Moscow: Knizhnyi mir. 768 p. (In Russ.)
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Цирель С.В. (2011) Циклы развития современной Мир-Системы. М.: ЛИБРОКОМ. 248 с.
- Grinin L.E., Korotayev A.V., Tsirel S.V. (2011) *Tsikly razvitiya sovremennoy Mir-Sistemy* [Development Cycles of the Modern World-System]. Moscow: LIBROKOM. 248 p. (In Russ.)
- Деягин М.Г. (2003) Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М. 768 с.
- Delyagin M.G. (2003) *Mirovoi krizis. Obshchaya teoriya globalizatsii* [The World Crisis: General Theory of Globalization]. Moscow: INFRA-M. 768 p. (In Russ.)
- Караганов С. (2022) От конструктивного разрушения к собиранию // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 2. С. 52–69.
- Karaganov S. (2022) *Ot konstruktivnogo razrusheniya k sobiraniyu* [From Constructive Destruction to Collecting]. *Russia in Global Politics*. vol. 20, no. 2, pp. 52–69. (In Russ.)
- Кокошин А.А., Панов А.Н. (2014) Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 года. М.: КРАСАНД: URSS. 328 с.
- Kokoshin A.A., Panov A.N. (2014) *Makrostrukturnye izmeneniya v sisteme mirovoi politiki do 2030 goda* [Macro-Structural Changes in the World Politics System until 2030]. Moscow: KRASAND: URSS. 328 p. (In Russ.)
- Комаров И.Д., Горбунова М.Л. (2022) Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 5. С. 6–28. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01
- Komarov I.D., Gorbunova M.L. (2022) *Transformatsiya mirovogo poryadka cherez prizmu kul'turnykh izmereniy G. Hofstede* [World Order Architecture and G. Hofstede's Cultural Dimensions]. *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo*. vol. 15, no. 5, pp. 6–28. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01 (In Russ.)
- Кондратьев Н.Д. (1925) Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. Т. 1. № 1. С. 28–79.
- Kondratiev N.D. (1925) *Bol'shie tsikly kon'yunktury* [Big Cycles of World Conjunction]. *Voprosy kon'yunktury*. vol. 1, no. 1, pp. 28–79. (In Russ.)
- Кортунов А.В. (2020) Кризис миропорядка и будущее глобализации. Доклад РСМД. М.: НП РСМД. 60 с.
- Kortunov A.V. (2020) *Krizis miroporyadka i budushchee globalizatsii. Doklad RSMD* [Crisis of the World Order and the Future of Globalization. The Report to RSMD]. Moscow: NP RSMD. 60 p. (In Russ.)

Мюллерсон Р. (2022) От падения Берлинской стены до возведения новых ограждений // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 2. С. 34–51.

Mullerson R. (2022) Ot padeniya Berlinskoi steny do vozvedeniya novykh ograzhdenij [From the Fall of Berlin Wall to the Erection of New Barriers]. *Russia in Global Politics*. vol. 20, no. 2, pp. 34–51. (In Russ.)

Пантин В.И., Лапкин В.В. (2006) Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+. 448 с.

Pantin V.I., Lapkin V.V. (2006) *Philosophiya istoricheskogo prognozirovaniya: ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoi polovine XXI veka* [Philosophy of the Historical Forecasting: the Rhythms of History and the World Development Perspectives in the First Half of the XXI Century]. Dubna: Phoenix+. 448 p. (In Russ.)

Пантин В.И., Лапкин В.В. (2014) Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+. 456 с.

Pantin V.I., Lapkin V.V. (2014) *Istoricheskoe prognozirovaniye v XXI veke: Tsikly Kondratieva, evolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya* [Historical Forecasting in the XXI Century: Kondratieff Cycles, Evolutionary Cycles and the World Development Perspectives]. Dubna: Phoenix+. 456 p. (In Russ.)

Acharya A. (2014) *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 150 p.

Akaev A., Pantin V. (2014) Technological Innovations and Future Shifts in International Politics // *International Studies Quarterly*. Vol. 58. No. 4. Pp. 867–872.

Arrighi G. (1994) *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. London, New York: Verso. 416 p.

Arrighi G. (2007) *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London, New York: Verso. 418 p.

Colgan J.D., Keohane R.O. (2017) The Liberal Order is Rigged: Fix It Now or Watch It Wither // *Foreign Affairs*. Vol. 96. No. 3. Pp. 36–44.

Duncombe C., Dunne T. (2018) After Liberal World Order // *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. Pp. 25–42.

Ferguson N. (2014) *The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die*. London: Penguin Books. 174 p.

Frank A.G. (1998) *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, CA: University of California Press. 416 p.

Hirooka M. (2006) *Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 448 p.

Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 368 p.

Ikenberry G.C. (2018) The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. Pp. 7–23.

Kennedy P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. London: Vinter Books. 704 p.

Kissinger H. (2014) *World Order*. New York: Penguin Books. 432 p.

Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. (2018) A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis // *Democracy and Security*. Vol. 14. No. 4. Pp. 331–357.

Modelski G., Thompson W.R. (1996) *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics (Studies in International Relations)*. Columbia, SC: University of South California Press. 282 p.

Piketty Th. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Ms. and London: Harvard University Press. 685 p.

Turchin P. (2013) Modeling Social Pressures toward Political Instability // *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. Vol. 4. No. 2. Pp. 241–280.

Jan van Dijk (2020) *The Digital Divide*. Cambridge, Medford: Polity Press. 208 p.

Zakaria F. (2008) *The Post-American World*. New York, London: W.W. Norton & Company. 292 p.

Информация об авторах

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: v.pantin@mail.ru

Лапкин Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: vvlh@politstudies.ru

About the authors

Vladimir I. Pantin, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of Comparative Political Studies Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaya Str., 23. E-mail: v.pantin@mail.ru

Vladimir V. Lapkin, Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaya Str., 23. E-mail: vvlh@politstudies.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.08.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ECONOMIC THEORY

Оригинальная статья/ Original article

Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмысленности» труда (отраслевой аспект на примере США)

© В.Н. МИНАТ

Минат Валерий Николаевич, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева (Рязань, Россия), minat.valera@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8787-4274

Ценностная составляющая труда повышает роль проблемы взаимосвязи таких важнейших его характеристик, как производительность, продолжительность и «бессмысленность». Все они представляют собой не только социально-экономические, но и культурологические категории. Проведено моделирование взаимосвязей между этими характеристиками в динамике производительности двух отраслей американской экономики за длительный период времени. Применены приемы факторного анализа, который использует математический корреляционно-регрессионный аппарат, в сочетании с познанием структурных особенностей значения живого труда. Эмпирически подтверждена гипотеза о том, что в условиях долгосрочного повышения производительности труда, из-за которого сокращается продолжительность рабочего времени, постепенно формируется и развивается противоречие с этическим принципом «покупки» труда работодателем. Данная тенденция способствует стагнации и последующему увеличению рабочего времени за счет создания и диверсификации разных форм «бессмысленного труда». Показано, что рост затрат живого труда, выраженный, в частности, в выделении дополнительного рабочего времени на общественно бессмысленные работы, объективно замедляет производительность в строительстве и здравоохранении США.

Ключевые слова: производительность труда, рабочее время, бессмысленный труд, факторная производительность, живой труд, корреляционно-регрессионный анализ, США

Цитирование: Минат В.Н. (2023) Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмысленности» труда (отраслевой аспект на примере США) // Общественные науки и современность. № 5. С. 19–32. DOI: 10.31857/S0869049923050027, EDN: MURDPJ.

Interconnected Dynamics of Duration, Productivity and “Bullshit” of Labor (Branch Aspect on the Example of the USA)

© V. MINAT

Valery N. Minat, Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev (Ryazan, Russia), minat.valera@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8787-4274

Abstract. Within the framework of the generally accepted concept of the increasing role of materialized labor in productivity, a constant but slowing growth in the rate of labor productivity and a reduction in working hours, some paradoxes of labor productivity formed and developed in the past few decades. One of the paradoxical phenomena characteristic of industries with a traditionally high share of human labor is the increase in working hours due to additionally created jobs, assessed by D. Graeber as completely or partially meaningless (“bullshit”) labor. Such labor does not create value, but only participates in its redistribution in favor of the least valuable for society types of activity that, as a rule, serve the creation of a real product or socially significant service. This dynamic actualizes the problem of the relationship between productivity, duration and meaninglessness of labor, not only as socio-economic, but also cultural value. Based on data from the US Bureau of Labor Statistics and the results of factor analysis using a mathematical correlation-regression apparatus, the indicated relationships in the performance dynamics of two sectors of the US economy over a long period of time were modeled. It was empirically confirmed that in the context of a long-term increase in labor productivity, leading to a general reduction in working hours, a contradiction with the ethical principle of “purchasing” labor by the employer is gradually forming and developing, leading to stagnation and a subsequent increase in working hours due to the creation and diversification of different forms of meaningless labor. It is shown that the increase in the cost of living labor, expressed, in particular, in the need to allocate additional working time for socially meaningless work, objectively slows down productivity in construction and healthcare in the United States.

Keywords: labor productivity, working hours, bullshit jobs, factorial productivity, living labor, correlation-regression analysis, USA

Citation: Minat V.N. (2023) Interconnected Dynamics of Duration, Productivity and “Bullshit” of Labor (Branch Aspect on the Example of the USA). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 19–32. DOI: 10.31857/S0869049923050027, EDN: MURDPJ.

Введение

В условиях нарастающей глубины и системности мировых кризисов, которые особенно ярко выразились в «турбулентном десятилетии», неуклонно актуализируется проблема повышения эффективности экономики (соотношение затрат и результатов). От нее зависит качественное общественное развитие, которое включает в себя не только технико-технологический (инновации), но и социальный прогресс (количественный аспект представлен экономическим ростом). Известно, что важнейшим показателем эффективности хозяйственной деятельности выступает производительность труда (ПТ), которая зависит от различных элементов прогресса (факторов, влияющих как единично, так и комплексно, как в статике, так и в динамике). Они определяют не только величину (относительное или абсолютное значение), но и направленность прироста производительности¹.

¹ В настоящей работе не рассматриваются различные подходы к определению сущности научной категории ПТ в системе развития (движения) взаимосвязей и противоречий между трудом (трудовыми ресурсами) и овеществленным трудом в средствах производства или капиталом (фондами, инвестициями), что определяет различие подходов к анализу, оценке, прогнозированию производительности как многофакторного процесса или

Как верно отмечали классики экономической науки от К. Маркса до Дж. Кейнса, в конечном итоге «все производится трудом». Чем меньше продолжительность труда, затрачиваемого на единицу продукции, тем выше его производительность. Поскольку показателем продолжительности труда выступает рабочее время (РВ), именно эта категория объективно становится естественной мерой труда – по крайней мере, человеческого. Общественный прогресс выражается в сокращении затрат живого труда, который проявляется в уменьшении/экономии РВ, что объективно выступает одним из важнейших направлений повышения эффективности как живого, так и овеществленного труда. Российские ученые приходят к выводу о том, что, несмотря на замещение живого труда машинным (его уровень зависит от технологий доминирующего уклада), живой творческий труд в конечном итоге более производителен по сравнению с рутинным трудом, который дополняет автоматизация [Князев 2019; Акаев, Садовничий 2021]. Британские исследователи придерживаются такого же мнения: чем больше продукции производится в единицу РВ, тем важнее для общества его рациональное использование и ощутимее непроизводительные потери – и тем более незаменим творческий труд для будущего производства [Фриман 2016].

Соответственно, актуальнее становятся вопросы о том, какие затраты РВ необходимы, насколько эффективно используются фонды времени работников и оборудования, а также как РВ соотносится с досугом. Технологический прогресс, по идее, должен снижать затраты труда на единицу продукции, увеличивая время досуга занятых (еще Дж.М. Кейнс прогнозировал, что к 2030 г. рабочая неделя сократится до 15 часов, а рабочий день – до 3-х). Однако именно в этот период в экономике и социуме ведущих стран капиталистического мира возникла и стала нарастать (ускоряясь в условиях цифровизации и экономики знаний) проблема общественной эффективности труда, выраженная в снижении ценности последнего в качестве способности, потребности и обязанности человека [Шипилов 2021]. Снижение ценности труда выражается в том, что структура РВ меняется в пользу не просто повышения доли непроизводительных работ (прежде всего в рамках сектора услуг), а возрастания объема полностью или частично бессмысленного труда (БТ)². Последний в той или иной мере распространился во всех отраслях экономики и в самой культуре общества потребления [Гребер 2018]. На макроэкономическом уровне БТ наряду с производительным и непроизводительным трудом учитывается в величине ВВП каждой страны, искажая реальное состояние экономики и структуры рынка труда (проблема прекаризации труда). На уровне отраслей/секторов хозяйства (мезоуровне) специфика БТ зачастую способствует необоснованному росту РВ, снижая тем самым ПТ. Причем количественно рассчитать величину БТ в трудовом процессе и оценить ее долю в полных затратах труда на выработку продукции в единицу РВ зачастую невозможно.

Иными словами, взаимовлияние ПТ, РВ и БТ нельзя описать исключительно экономическими закономерностями, категориями и показателями с поправкой на перманентно повышающийся уровень технико-технологической оснащенности процесса труда. Такой подход широко представлен в научной литературе [Costa 2000]. Кроме того, анализ резуль-

факторной производительности. Тем более, «...обращение к известным в мировом научном сообществе реферативным базам данных, таким как SCOPUS и Web of Science, показывает, что в мировой экономической литературе сколько-нибудь значимых исследований, раскрывающих сущность производительности труда, сегодня не существует» [Афанасьев, Абдулов, Медведева 2018, 29].

² Профессор Лондонской школы экономики (этнограф по основной академической специальности) Д. Гребер называет такой труд «bullshit», что в русскоязычном переводе дословно означает «бред», «абсурд» или «бредовая работа». Он отмечает, что «...это настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так...» [Гребер 2018, 24].

татов исследований ведущих специалистов показывает, что также недостаточно описать изменения ПТ под влиянием РВ посредством воздействия социально-экономических [Floud et al. 2011] или структурно-экономических факторов (в т. ч. связанных с эффектом возрастающего дохода в развитых странах [Bell, Freeman 2001; Borjas 2016]³). Помимо прочего, некоторые российские и американские специалисты солидарны в мнении о том, что на протяжении XXI в. динамика (темпы роста) ПТ демонстрирует нециклический характер [Спрэг 2021; Губанов 2022]. Обоснованно ответить на вопросы о том, «чем должен быть занят» (качество труда) и «сколько занят» (продолжительность труда) работник для достижения такого уровня ПТ, который позволил бы говорить об эффективности прогресса в широком смысле (учитывая качественные изменения человеческого потенциала), можно на основе не только системного, но и междисциплинарного анализа. В последнем значимое место принадлежит культурологическим (морально-этическим) аспектам исследования взаимосочетаний стоимостного, временного и ценностного обоснования динамики ПТ. Однако в любом случае представить наглядные, хотя и не абсолютные, эмпирические доказательства способно математическое моделирование.

В частности, экономический подход традиционно представляет производственный процесс как увеличение затрат времени на изготавливаемую продукцию [Генкин 2019]. Однако постепенное изменение организации труда выражается в сокращении РВ на производство единицы продукции – прежде всего, за счет увеличения вклада овеществленного труда [Князев 2019]. ПТ в такой ситуации только возрастает. Однако морально-нравственная проблема «покупки» РВ работодателем не позволяет последнему сокращать его даже в условиях роста творческого и интеллектуального труда (сокращать РВ – значит снижать прибыль) [Гребер 2018]. Отсюда возникает «имитация бурной деятельности» (busywork)⁴, на которую приходится значительный объем БТ, скорректированного с учетом особенности субъективного восприятия времени в зависимости от т. н. «национальной специфики» культуры труда и досуга, тяжести (суммарного воздействия всех факторов трудового процесса на работника) и интенсивности (затрат энергии человека в единицу РВ) труда и т. д.

Экономика и общество Соединенных Штатов Америки представляют собой наиболее рельефный пример динамических изменений (движение противоречий и взаимосвязей) ПТ, РВ и БТ в историческом времени и культурно-ценностном пространстве. Целый ряд фундаментальных классических [Кучинский 1948; Кендрик 1967] и современных трудов [Спрэг 2021] посвящены выявлению тенденций ПТ в США, связанных в т. ч. с факторами условий труда и продолжительностью РВ. Именно перечисленные работы задают направление настоящего исследования по выявлению тенденций ПТ в зависимости от РВ и «нового» для указанных авторов явления – БТ.

В США сокращение продолжительности РВ исторически заторможено из-за эффекта замещения (помимо отмеченных выше эффекта дохода и «покупки РВ»), связанного с неизменно большим предложением труда из-за границы [Leijonhufvud 2008; Freeman 2008]. Вместе с тем, в Соединенных Штатах ценность труда традиционно высока [Snir, Harpaz 2012]. Тем не менее, до начала американской реиндустриализации и бурного развития экономики знаний в 2010-х гг. в стране наблюдалась общая тенденция к сокращению РВ под воздей-

³ В частности, проведенный на рубеже веков опрос работников в Германии показал, что они согласны на сокращение РВ даже при условии снижения заработной платы, т. е. в ущерб личному доходу [Bell, Freeman 2001].

⁴ Данный термин использует программист и специалист по управлению ИТ-отраслью Т. ДеМарко в своей книге с говорящим названием «На расслабоне: как преодолеть эмоциональное выгорание, имитацию бурной деятельности и миф о 100%-ой эффективности» [DeMarco 2001], в которой речь идет о бессмысленной занятости «айтишников», замаскированной демагогией о креативности персонала.

ствием международной конкуренции (со стороны стран и регионов с более дешевым трудом и продолжительным РВ), которая отражала мотивацию к снижению ценности труда в угоду досугу [Akerstedt, Kecerlund 2005]. Увеличение доли БТ объясняет стагнацию РВ в США на фоне высоких темпов его сокращения, например, в странах Евросоюза, где ставка подоходного налога значительно выше американской [Prescott 2004], а также ослабления влияния профсоюзов на продолжительность РВ и условия труда [Finnigan, Hale 2018].

Представленное исследование не затрагивает чрезвычайно важную проблему взаимосвязи ПТ, РВ и БТ с динамикой заработной платы, уровня жизни (в т. ч. здоровья) и доходов населения США. Следует констатировать, что долгосрочные тенденции динамики отмеченных показателей (ПТ и РВ) и характера труда (БТ) весьма изменчивы, что требует эмпирического анализа их изменений. Соответственно, возникает три вопроса: чья ПТ, РВ и БТ будут измеряться в исследовании, в расчете на какую единицу РВ будет устанавливаться ПТ и какие трудозатраты можно отнести к БТ?

Чтобы дать эмпирически обоснованный ответ на эти вопросы на основе подходов как американских [Спрэг 2021; Аткинсон 2022], так и российских [Мезоэкономика развития 2010] ученых избран уровень мезоэкономического отраслевого анализа. Исследование сосредоточено на секторальных примерах развития экономики США – строительстве (гражданском жилищном строительном секторе) и здравоохранении. Такой подход, называемый в американских исследованиях секторальным [LePatner 2008; Аткинсон 2022], основан на методике оценки отработанных часов для измерения ПТ [Уточненный метод... 2022]. Выбор указанных отраслей в качестве конкретных объектов исследования обусловлен, во-первых, относительно постоянной и сравнительно высокой трудозатратностью их деятельности (т. е. первостепенной значимостью живого труда). Во-вторых, их секторальный вклад в замедление роста ПТ в США за период 1997–2018 гг. был минимальным (в здравоохранении – нулевым, а в строительстве – практически нулевым [Спрэг 2021, табл. 12, приложение]) среди соответствующих услуговых и товарных секторов американской экономики.

Цель настоящего исследования – выявить тенденции взаимосвязанной динамики ПТ, РВ и БТ, которые отражают эффективность развития двух отраслей американской экономики за длительный период времени.

Гипотеза состоит в том, что долговременное повышение ПТ – несмотря на то что темп этого роста замедляется – приводит к постепенному сокращению РВ, что противоречит этическому принципу «покупки» труда работодателем. Данное противоречие приводит к стагнации и повышению продолжительности РВ за счет создания и диверсификации разных форм БТ.

Материалы и методы исследования

Хорошо известно, что уровень производительности труда можно выразить либо прямой (средняя выработка продукции в единицу РВ), либо обратной (трудоемкость единицы продукции) величиной. Анализируя отрасли строительства и здравоохранения США, следует отметить, что для расчета обеих величин необходимы данные об объеме выработанной продукции (в строительстве) или предоставленных услуг (в здравоохранении), а также о количестве затраченного на них РВ [Зубов 1990]. Согласно типологической группировке Р. Аткинсона (в соответствии с шестизначным кодом NAICS), на ПТ строительной отрасли США положительно влияют конкурентные силы и внутренние стимулы. Для здравоохранения США эти факторы, напротив, имеют малое значение. В то же время отрицательное воздействие на ПТ, связанное с РВ, в обеих отраслях оказывают одни и те же факторы: недостаток эффекта масштаба (преимущественно небольшой размер компаний) и узкая

специализация фирм, что увеличивает потери РВ при взаимодействии организаций разного профиля (например, участие дизайнеров-проектировщиков в строительно-монтажных работах или сотрудничество между специалистами семейной медицины и врачами-узкими специалистами). Возможности технологической модернизации для повышения ПТ достаточно высоки в строительстве, но слабы в здравоохранении.

Исследования автора показывают, что значение живого творческого труда в здравоохранении США, рыночном по своей сути (ориентированном на повышение нормы прибыли) и индивидуально-страховом по форме (не имеющем системности и изначальной социальной ориентации), постоянно возрастает – не только в качественно-стоимостном [Минат 2023а], но и в затратно-временном выражении [Минат 2022]. Вместе с тем, обе отрасли, которые представляют рыночную систему воспроизводства в динамике ПТ, напрямую зависят от сбыта, т. е. «навязанного» потребителю спроса. Соответственно, им необходимо строить как можно больше и лечить как можно дольше и сложнее. На «навязывание» спроса и строительные, и медицинские компании выделяют колоссальные фонды, измеряемые как в стоимостном выражении, так и в количестве дополнительного РВ, не оплачиваемого сверх нормативов. Таким образом, в любом случае эффективность – по крайней мере социальная – напрямую подменяется результативностью, а тайм-менеджмент – «тайм-маркетингом».

Следовательно, при выборе системы показателей, которые отражают факторную ПТ в разрезе РВ и БТ, можно условно ориентироваться на затраты отмеченных выше форм труда – частично либо полностью бессмысленных с точки зрения планировки, постройки и отделки жилого помещения или постановки диагноза, лечения и медицинского ухода. Статистический учет ПТ, а также продолжительности и структуры РВ в условиях изменений организации и интенсивности рабочего дня в США можно изучить на открытых данных за последние 120 лет. Однако количественно оценить БТ в разрезе интересующих нас отраслей на основе информации Бюро статистики труда США (BLS) возможно только за последние 60 лет. Используемый с 1991 г. уточненный метод оценки отработанных часов для измерения ПТ [Элдридж и др. 2022], учитывающий внеурочные часы («переработку») в структуре РВ, позволяет отразить долю БТ в динамике ПТ. Данные ограничения определяют хронологические рамки возможного моделирования: будут сравнены коэффициенты регрессии и основные статистические характеристики отраслевых моделей выработки за период времени, по которому доступны достоверные статистические данные.

Для оценки влияния РВ на ПТ в здравоохранении США можно использовать классические формулы, дополненные необходимыми коэффициентами и показателями, которые используют в американской статистике по здравоохранению. Они отражают динамизм этого влияния во времени. При анализе аналогичного влияния в строительной отрасли США реальную характеристику процесса труда в динамике искажают следующие показатели: 1) выработка в расчете на одного занятого разнообразным производительным и непроизводительным трудом либо стоимостной показатель ПТ при наличии структурных сдвигов в характере выполняемых работ и 2) РВ по трудоемкости. Отмеченное искажение связано прежде всего с недостатками нормирования труда в американском строительстве, где доминируют узко специализированные, преимущественно небольшие (по объему работ) компании, которые широко используют, в частности, сравнительно дешевый труд мигрантов с не поддающейся унификации профессиональной квалификацией. Чтобы оценить реальное влияние РВ на динамику ПТ в течение рабочего дня и рабочего года, использован индекс изменений бюджетов РВ (index of changes in working time budgets). Что касается анализа доли БТ в динамичной структуре РВ и, в конечном итоге, в ПТ (T_{bull}), в обеих отраслях учет полностью или частично бесполезных трудовых операций в мето-

дике исследования также опирается на количественные показатели из открытых источников Бюро трудовой статистики США.

Для оценки взаимосвязи между полученными показателями динамики ПТ, РВ и БТ для каждой из исследуемых отраслей применен традиционный корреляционно-регрессионный анализ. Он позволяет смоделировать искомую зависимость в динамике, т. е. с учетом фактора «время» (T). Согласно опыту моделирования ПТ, модель должна быть многофакторной – включать данные характеризующего явления в его развитии посредством динамических рядов, «разнесенных» по временным периодам. Уравнение регрессии в общем виде записано следующим образом:

$$\hat{y} = f(x_1, x_2, \dots, x_p, \dots, x_n, T), \quad (1)$$

где $\hat{y}$ – оценка условного математического ожидания (Mx), которая подразумевает, что искомая зависимость будет определена в среднем для всей совокупности компаний каждой изучаемой отрасли (согласно статистике США); $x_1, x_2, \dots, x_p, \dots, x_n$ – наблюдаемые аргументы-показатели функции f , представленные в таблице 1.

Таблица 1

Статистические показатели, используемые в корреляционно-регрессионном моделировании для определения факторной производительности

Table 1

Statistical indicators used in correlation-regression modeling to determine factor productivity

Показатель	Наименование
x_1	Отношение стоимости произведенной продукции / предоставленных услуг к объему основных работ по строительству или лечению, доли единицы
x_2	Коэффициент ритмичности выполнения строительно-монтажных работ или оказания медицинской помощи, %
x_3	Удельный вес специалистов высшей квалификации (инженеров или врачей) в общей численности занятых, %
x_4	Удельный вес непрофильных специалистов в общей численности занятых, %
x_5	Удельный вес затрат на повышение квалификации либо переподготовку занятых, %
x_6	Отношение суммы экономии от внедрения новой техники и инновационных технологий и изобретений к объему основных работ по строительству или лечению, %
x_7	Удельный вес оплаты дополнительно отработанного РВ в общем объеме оплаты труда занятых, %
x_8	Коэффициент текучести кадров, %
x_9	Коэффициент интенсивности оборота кадров, %
x_{10}	Коэффициент нетрудоспособности, рабочие дни/долл.
x_{11}	Удельный вес неявок на работу по уважительным причинам в фонде РВ, %
x_{12}	Удельный вес потерь в фонде РВ, %
x_{13}	Отношение стоимости расходов на разные виды дополнительного коммерческого обслуживания к объему основных работ, %
x_{14}	Динамика продолжительности РВ по периодам моделирования, отработанные часы

Источник: составлено автором по данным Бюро статистики труда США и [Уточненный метод... 2022].

Source: Compiled by the author based on data from the US Bureau of Labor Statistics and [Utochnennyi method... 2022].

Зависимость выработки (результатирующего признака y_{ij}) в отдельно взятой отрасли (i -й – строительство и j -й – здравоохранение) от определяющих ее показателей, в числе которых находятся РВ и время, ушедшее на частично и полностью БТ, характеризует ПТ и БТ в единицу отработанного времени. Показатель РВ включает в себя время на основную производственную (планировка, постройка и отделка жилых помещений – т.е., строительно-монтажные работы) или услугу (лечение граждан и медицинский уход за пациентами) деятельность. Показатель БТ отражает оплачиваемое потребителем (покупателем жилья или пациентом) время на оформительско-отчетную и сервисно-посредническую деятельность. Потенциальная функциональная связь с показателями в математическом виде записана так:

$$y_{ij} = f(x_{ij_1}, x_{ij_2}, \dots, x_{ij_n}, T) + \varepsilon_{ij}, \quad (2)$$

в виде линейной функции за каждый период времени (T):

$$\hat{y} = a_0 + a_1 x_{ij_1} + a_2 x_{ij_2} + \dots + a_n x_{ij_n} + \varepsilon_{ij}, \quad (3)$$

где $\hat{y}$ – оценка регрессии y_{ij} (выработки) по показателям каждой из двух исследуемых отраслей ($x_{ij_1}, x_{ij_2}, \dots, x_{ij_n}$); a_0 – свободный член уравнения регрессии; $a_1, a_2, \dots, a_n$ – коэффициенты регрессии; ε_{ij} – остаток по результатам ненаблюдаемых аргументов функции f в каждой отрасли.

На основе представленного методического инструментария, примененного к данным открытой базы Бюро статистики труда США за длительный период времени, проведен корреляционно-регрессионный анализ.

Результаты и обсуждение

Используя результаты цитируемых выше исследований, – в том числе методический аппарат, принятый в статистике США, – были обобщены показатели, отражающие долгосрочную динамику ПТ, РВ (за 120 лет) и БТ (за 60 лет) в строительстве и здравоохранении США. Соответствующие индексы за определенные периоды времени представлены в таблице 2.

Таблица 2

Индексы производительности, продолжительности и «бессмысленности» труда в строительстве и здравоохранении США в 1901–2020 гг. (% к предыдущему периоду)

Table 2

Indices of productivity, duration and “meaninglessness” of labor in construction and healthcare in the United States in 1901–2020 (% to the previous period)

Отрасль	Индексы (средние значения)	20-летние периоды времени, гг.					
		1901–1920	1921–1940	1941–1960	1961–1980	1981–2000	2001–2020
Строитель- ство	ПТ	100	165	168	120	104	92
	РВ	100	127	121	94	103	117
	БТ	н/д	н/д	н/д	100	144	159
Здравоох- ранение	ПТ	100	118	141	187	202	208
	РВ	100	130	123	118	125	136
	БТ	н/д	н/д	н/д	100	164	213

Источник: рассчитано автором по данным Бюро статистики труда США, с корректировкой данных по: [Кучинский 1948; Кендрик 1967; Costa 2000; Akerstedt, Kecrlund 2005; LePatner 2008; Finnigan, Hale 2018; Спрэг 2021; Уточненный метод... 2022; Минат 2022; Минат 2023а; Минат 2023б].

Source: calculated by the author based on data from the US Bureau of Labor Statistics, corrected for: [Kuchinsky 1948; Kendrick 1967; Costa 2000; Akerstedt, Kecrlund 2005; LePatner 2008; Finnigan, Hale 2018; Sprague 2021; Utochnennyi method.... 2022; Minat 2022; Minat 2023a; Minat 2023b].

Индексы отражают общепризнанную тенденцию замедления темпов роста ПТ в американской производственной сфере (в данном случае на примере строительной отрасли), которая началась в период 1961–1980 гг. Однако темпы роста ПТ в здравоохранении США на протяжении ста лет демонстрируют тренд на повышение. В то же время стоит учитывать, что расчет ПТ свидетельствует в основном об экономической и лишь косвенно о социальной эффективности развития отрасли. Последняя имеет первостепенное значение для сохранения здоровья населения – источника трудовых ресурсов США. Характерно то, что в обеих отраслях индексный рост РВ замедлился в середине прошлого века, вновь набрав темп к 2020 г. Одновременно в структуре РВ резко возросло количество мероприятий, которые в этом исследовании отнесены к БТ. Следует рассмотреть, есть ли связь между анализируемыми показателями – или это только совпадение, вызванное ростом информатизации, цифровизации и финансиализации передовой американской экономической системы, которая безусловно требует дополнительных затрат РВ на развитие сектора услуг.

Анализ результатов корреляционно-регрессионного моделирования может дать ответ на поставленный вопрос. Матрица коэффициентов парной корреляции (ρ) не приводится в данной работе целиком, однако она продемонстрировала, что по абсолютной величине все рассчитанные коэффициенты существенно меньше 0,8. Следовательно, в расчеты моделей можно включать все представленные в таблице 1 показатели. Итоговое сравнение элементов отраслевых моделей во времени (1991–2020 гг.) демонстрирует, прежде всего, схожесть общего факторного влияния на ПТ как строительной отрасли, так и здравоохранения США. На него указывают близкие значения полученных статистических характеристик, а именно корреляций (с дисперсионной проверкой) и аппроксимации (таблица 3).

Таблица 3

Сравнение коэффициентов регрессии и основных статистических характеристик отраслевых моделей выработки за 1991–2020 гг.

Table 3

Comparison of regression coefficients and main statistical characteristics of industry generation models for years 1991–2020

Коэффициент регрессии и статистические характеристики	Отраслевая модель выработки в строительстве США			Отраслевая модель выработки в здравоохранении США		
	1991–2000	2001–2010	2011–2020	1991–2000	2001–2010	2011–2020
1	2	3	4	5	6	7
a_1	–393,2	–454,4	–486,8	–550,2	–593,5	–677,2
a_2	38,0	44,8	47,8	28,5	36,3	35,8
a_3	29,2	34,6	36,4	33,4	30,5	30,2
a_4	–26,0	–29,5	–33,0	–30,1	–33,4	–36,6
a_5	2,6	2,9	3,4	4,9	7,8	9,2
a_6	7,6	12,7	15,4	12,4	15,9	20,3
a_7	8,8	14,8	22,2	7,4	16,7	22,1
a_8	–9,3	–13,6	–11,0	–5,3	–8,7	–9,6
a_9	5,2	8,8	7,6	2,6	4,0	5,2
a_{10}	–433,7	–554,4	–623,0	–798,8	–988,6	–1272,4
a_{11}	7,9	5,4	5,6	2,1	3,5	5,4
a_{12}	8,2	9,4	12,8	2,9	5,6	3,7

1	2	3	4	5	6	7
a_{13}	22,7	26,9	28,6	28,3	27,5	28,9
x_{14}	669,7	703,7	772,6	721,8	760,6	787,0
$\rho(\sigma)$	0,144	0,150	0,148	0,217	0,223	0,228
τ	0,287	0,294	0,289	0,329	0,338	0,341
v	0,399	0,453	0,473	0,522	0,563	0,546
R	0,926	0,938	0,930	0,944	0,949	0,943
R^2	0,887	0,897	0,889	0,900	0,922	0,905
F	9,0	9,7	9,1	9,2	10,3	9,4
F_1	47,1	65,8	70,1	70,7	74,3	70,9
ε'	2,57	3,02	3,50	2,87	2,95	2,89

Обозначения: R – коэффициент множественной корреляции; R^2 – множественный коэффициент детерминации; F – дисперсионное отношение для проверки значимости коэффициента корреляции; ε' – средняя относительная ошибка аппроксимации.

Источник: *рассчитано автором по данным Бюро статистики труда США.*

Source: *calculated by the author based on data from the US Bureau of Labor Statistics.*

Плавная динамика значений коэффициента вариации также характеризует количественную однородность исследуемых ПТ, РВ, БТ. На такой основе, анализируя соответствующие коэффициенты регрессии, можно сделать однозначный вывод о нецикличности изменения триады исследуемых явлений, что подтверждает ранее полученные результаты Спрэга и Губанова. Более того, в отраслях с доминированием живого труда (высококвалифицированного, на что указывает рост удельного веса затрат на повышение квалификации) последние 30 лет четко прослеживается тенденция к увеличению РВ (отработанные часы). Положительная динамика наблюдается и в значениях коэффициентов регрессии, связанных с показателями повышения стоимости расходов на дополнительные работы при сокращении доли стоимости основной продукции/услуг по отношению к затраченному РВ. Следовательно, доля БТ неуклонно возрастает – хотя и достаточно «плавно» (индексы из таблицы 1 значительно растут по причине «низкого старта» в статистике, которая берет отсчет с 1991 г.). Данная динамика наблюдается и в производственном строительном секторе, и в услуговом здравоохранении США, где рост происходит еще большими темпами. В этом же тренде увеличивается удельный вес оплаты дополнительного РВ (сверхурочного труда), а также растет текучесть и нетрудоспособность при относительной стабильности оборота кадров.

Выводы и рекомендации

Таким образом, выдвинутая гипотеза подтверждается эмпирически. Исследование продемонстрировало долговременное повышение ПТ. Замедление темпов этого роста, которое приводило к постепенному сокращению РВ, наблюдалось лишь в двадцатилетний период с 1961 по 1980 г. За отрезок с 1901 г. и до 1991 г. отсутствует возможность исследовать (статистически подтверждено), какую часть РВ использует работодатель для БТ, который не относится напрямую к основной работе (строительство или лечение). Тем не менее, культурологический подход проясняет, что длительное снижение РВ – при даже замедляемом росте ПТ – противоречит этическому принципу «покупки» труда работода-

телем. Данный парадокс постепенно приводит к стагнации (1961–1980 гг.) и дальнейшему повышению (1981–2020 гг.) продолжительности РВ за счет создания и диверсификации разных форм БТ (в особенности четко наблюдается в XXI в.).

Негативный экономический характер выявленной отраслевой динамики заключается в стагнации ПТ. Следует отметить, что она не снижается за счет иных факторов – прежде всего инновационной направленности, которые не рассматриваются в приведенных моделях. Стагнация возникает из-за дополнительных затрат труда на БТ к общему объему затрат оплачиваемого РВ. Общественный «убыток» выражается в том, что рассмотренные в статье социально значимые отрасли ведущей экономики мира на протяжении 120 лет не могут решить проблему недостаточной социальной эффективности использования живого квалифицированного труда в США. Трудовая «несвобода» и ограничение творчества в условиях снижения мотивации к труду и повышения ценности досуга объективно способствовали развитию одного из парадоксов ПТ, связанных как с количеством, так и с качеством РВ.

Парадокс можно описать схемой «повышение ПТ – сокращение РВ – развитие форм БТ – выделение дополнительного РВ – замедление ПТ». Данную ситуацию способны улучшить прогрессивные меры, связанные с формированием базового дохода работников и усилением гарантий труда в форме планирования роста и развития социально значимых отраслей экономики (по аналогии со стратегически значимыми для США). Политику сдерживания безработицы, нарастающей из-за высоких темпов роботизации и автоматизации производства, а также реальных перспектив внедрения искусственного интеллекта, Д. Гребер описывает как создание и расширение фиктивных рабочих мест, где человек вынужден заниматься БТ. Переход к ней не столько парадоксален, сколько диалектичен. В этом исследовании, основанном на корреляционно-регрессионном анализе динамики количественных величин, единство и борьба противоположностей исследуемых явлений рассмотрена в рамках аксиологического комплекса трудового процесса как блага. Последний сформировался в рамках бурно растущей капиталистической системы США, переходящей в посткапитализм. Для собственника средств производства (предпринимателя-капиталиста) рост свободного времени работника угрожает сокращением нормы прибыли, а снижение ценности труда – дополнительными издержками, связанными с трудозатратами и социальными гарантиями. Именно мезоотраслевой уровень исследования ПТ, РВ и БТ позволяет выявить секторальные особенности исторической динамики взаимосвязи исследуемых социально-экономических явлений, связанных с трудом – важнейшим аспектом общественного прогресса. Особое место в дальнейшем развитии результатов настоящего исследования имеет изучение роли профсоюзов, которые, как правило, имеют отраслевую структуру, в развитии БТ и соотношении РВ со свободным временем. Данные факторы влияют на секторальную ПТ в условиях технологического перехода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акаев А.А., Садовничий В.А. (2021) Человеческий фактор как определяющий производительность труда в эпоху цифровой экономики // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 45–58. DOI: 10.47711/0868-6351-184-45-58

Akaev A.A., Sadovnichij V.A. (2021) Chelovecheskij faktor kak opredelyayushchij proizvoditel'nost' truda v epohu cifrovoj ekonomiki [The Human Factor as a Determinant of Labor Productivity in the Era of the Digital Economy]. *Problemy prognozirovaniya*. no. 1, pp. 45–58. DOI: 10.47711/0868-6351-184-45-58 (In Russ.)

Аткинсон Р. (2022) Секторальная политика для стимулирования роста производительности // *Экономист*. № 10. С. 76–87.

Atkinson R. (2022) Sektoral'naya politika dlya stimulirovaniya rosta proizvoditel'nosti [Sectoral Policies to Stimulate Productivity Growth]. *Ekonomist*. no. 10, pp. 76–87. (In Russ.)

Афанасьев В.С., Абдулов Р.Э., Медведева Ю.М. (2018) Забытая категория экономической науки (К проблеме производительности труда) // *Вопросы политической экономии*. № 3. С. 29–41.

Afana'ev V.S., Abdulov R.E., Medvedeva Yu.M. (2018) Zabytaya kategoriya ekonomicheskoy nauki (K probleme proizvoditel'nosti truda) [Forgotten Category of Economic Science (On the Problem of Labor Productivity)]. *Voprosy politicheskoy ekonomii*. no. 3, pp. 29–41. (In Russ.)

Генкин Б.М. (2019) Методы повышения производительности и оплаты труда: монография. М.: Норма: ИНФРА-М. 160 с.

Genkin B.M. (2019) *Metody povysheniya proizvoditel'nosti i oplaty truda* [Methods for Increasing Productivity and Wages]. Moscow: Norma: INFRA-M. 160 p. (In Russ.)

Гребер Д. (2018) Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. Пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс. 500 с.

Greber D. (2018) *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Job. Treatise on the Spread of Meaningless Labor]. Translation from English. Moscow: Ad Marginem Press. 500 p. (In Russ.)

Губанов С. (2022) Россия и США: соотношение производительности труда // *Экономист*. № 9. С. 19–21.

Gubanov S. (2022) Rossiya i SShA: sootnoshenie proizvoditel'nosti truda [Russia and the USA: The Ratio of Labor Productivity]. *Ekonomist*. no. 9, pp. 19–21. (In Russ.)

Зубов В.М. (1990) Как измеряется производительность труда в США. М.: Финансы и статистика. 144 с.

Zubov V.M. (1990) *Kak izmeryaetsya proizvoditel'nost' truda v SShA* [How Labor Productivity is Measured in the US.]. Moscow: Finansy i Statistika. 144 p. (In Russ.)

Кендрик Дж. (1967) Тенденции производительности в США. Пер. с англ. М.: Статистика. 314 с.

Kendrik Dzh. (1967) *Tendencii proizvoditel'nosti v SShA* [Productivity Trends in the US]. Translation from English. Moscow: Statistika. 314 p. (In Russ.)

Князев Ю. (2019) Парадоксы производительности труда // *Общество и экономика*. № 10. С. 39–61. DOI: 10.31857/S020736760007149-2

Knyazev Yu. (2019) Paradoxy proizvoditel'nosti truda [Paradoxes of Labor Productivity]. *Obshchestvo i ekonomika*. no. 10, pp. 39–61. DOI: 10.31857/S020736760007149-2 (In Russ.)

Кучинский Ю. (1948) История условий труда в США с 1789 по 1947 г. Пер. с нем. М.: Гос. изд. иностр. лит-ры. 396 с.

Kuchinskij Yu. (1948) *Istoriya uslovij truda v SShA s 1789 po 1947 g.* [History of Working Conditions in the USA from 1789 to 1947]. Translation from German. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature. 396 p. (In Russ.)

Мезоэкономика развития (2010) Ред.: Г. Б. Клейнера. М.: Наука, 944 с.

Mezoekonomika razvitiya [Meso-economics of Development] (2010). Ed(s): G. B. Klejner. Moscow: Nauka. 944 p. (In Russ.)

Минат В.Н. (2022) Динамика пространственного неравенства в развитии здравоохранения США и государственная региональная политика // *Федерализм*. Т. 27. № 1. С. 130–149. DOI: 10/21686/2073-1051-2022-1-130-149

Minat V.N. (2022) Dinamika prostranstvennogo neravenstva v razvitii zdravooohraneniya SShA i gosudarstvennaya regional'naya politika [Dynamics of Spatial Inequality in the Development of US Health Care and State Regional Policy]. *Federalizm*. vol. 27, no. 1, pp. 130–149. DOI: 10/21686/2073-1051-2022-1-130-149 (In Russ.)

Минат В.Н. (2023а) Оценка стоимостного выражения эффекта труда в здравоохранении США и неравенство обеспеченности медицинскими услугами // Вопросы политической экономии. № 1. С. 58–77. DOI: 10.5281/zenodo.7850858

Minat V.N. (2023a) Ocenka stoimostnogo vyrazheniya efekta truda v zdravoohranenii SShA i neravenstvo obespechennosti medicinskimi uslugami [Estimation of the Value of the Labor Effect in US Health Care and Inequality in the Provision of Medical Services]. *Voprosy politicheskoy ekonomii*. no. 1, pp. 58–77. DOI: 10.5281/zenodo.7850858 (In Russ.)

Минат В.Н. (2023б) Парадокс производительности труда в экономике США: рост интенсивности, напряженности и «бессмысленности» // *AlterEconomics*. Т. 20. № 3. С. 603–620. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.6

Minat V.N. (2023b) Paradoxs proizvoditel'nosti truda v ekonomike SShA: rost intensivnosti, napryazhennosti i «bessmyslennosti» [The Labor Productivity Paradox in the US Economy: Increasing Intensity, Tension and “Meaninglessness”]. *AlterEconomics*. vol. 20, no. 3, pp. 603–620. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.6 (In Russ.)

Спрэг Ш. (2021) Замедление роста производительности труда в США: анализ на уровне экономики и отраслей // *Экономист*. № 5. С. 13–53.

Spreg Sh. (2021) Zamedlenie rosta proizvoditel'nosti truda v SShA: analiz na urovne ekonomiki i otraslej [Slowing US Productivity Growth: An Analysis at the Level of the Economy and Industries]. *Ekonomist*. no. 5, pp. 13–53. (In Russ.)

Элдридж Л., Пабилония С., Палмер Д., Стюарт Д., Варгезе Д. (2022) Уточненный метод оценки отработанных часов для измерения производительности // *Экономист*. № 11. С. 31–60.

Eldridzh L., Pabiloniya S., Palmer D., Styuart D., Vargeze D. (2022) Utochnennyy metod ocenki otrabotannyh chasov dlya izmereniya proizvoditel'nosti [An Improved Method for Estimating Hours Worked to Measure Productivity]. *Ekonomist*. no. 11, pp. 31–60. (In Russ.)

Фриман А. (2016) Сумерки машинокраического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии. № 4. С. 37–60.

Friman A. (2016) Sumerki mashinokraticeskogo podhoda: nezamenimyy trud i budushchee proizvodstva [The Twilight of the Machinecratic Approach: Indispensable Labor and the Future of Production]. *Voprosy politicheskoy ekonomii*. no. 4, pp. 37–60. (In Russ.)

Шипилов А.В. (2021) Труд и отношение к нему: до и после модерна // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0

Shipilov A.V. (2021) Trud i otnoshenie k nemu: do i posle moderna [Labour and Attitude towards It: Before and After Modernity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0 (In Russ.)

Akerstedt T., Kecklund G. (2005) The Future of Work Hours – the European View // *Industrial Health*. Vol. 43. Pp. 80–84.

Bell L.A., Freeman R.B. (2001) The Incentive for Working Hard: Explaining Hours Worked Differences in the US and Germany // *Labour Economics*. Vol. 8. Pp. 181–202.

Borjas G.J. (2016) *Labor Economics*. Seventh Edition. McGraw-Hill Education. 569 p.

Costa D.L. (2000) The Wage and the Length of the Work Day: From the 1890s to 1991 // *Journal of Labor Economics*. Vol. 18. No 1. Pp. 156–181.

DeMarco, T. (2001) *Slack, Getting Past Burnout, Busywork, and the Myth of Total Efficiency*. New York: Broadway Books. 248 p.

Finnigan R., Hale J.M. (2018) Working 9 to 5? Union Membership and Work Hours and Schedules // *Social Forces*. Vol. 96. June. Pp. 1541–1568.

Floud R., Fogel R.W., Harris B. (2011) *The Changing Body: Health, Nutrition, and Human Development in the Western World since 1700*. NBER. Cambridge: Cambridge University Press. 431 p.

Freeman R.B. (2008) Why Do We Work More Than Keynes Expected? // In: Revisiting Keynes: Economic Possibilities for our Grandchildren. Ed(s): Pecci L., Piga G. Cambridge, U.S.: Massachusetts Institute of Technology. Pp. 135–142.

Leijonhufvud A. (2008) Spreading the Bread Thin on the Butter // In: Revisiting Keynes: Economic Possibilities for our Grandchildren. Ed(s): Pecci L., Piga G. Cambridge, U.S.: Massachusetts Institute of Technology. Pp. 117–124.

Prescott E.C. (2004) Why Do Americans Work So Much More Than Europeans? Federal Reserve Bank of Minneapolis // Quarterly Review. Vol. 28. No. 1. July. Pp. 3–33.

Sallaz J.J. (2013) Labor, Economy, and Society. Polity Press. Cambridge. 199 p.

Schor J.B. (1991) The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure. New York: Basic Books. 247 p.

Snir R., Harpaz I. (2012) Beyond Workaholism: Towards a General Model of Heavy Work Investment // Human Resource Management Review. Vol. 22. Pp. 232–243.

Информация об авторе

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева. Адрес: 390044, Россия, Рязань, ул. Костычева, д. 1. E-mail: minat.valera@yandex.ru

About the author

Valery N. Minat, Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Department of Economics and Management, Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev. Address: 390044, Russia, Ryazan, Kostycheva Street, 1. E-mail: minat.valera@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 27.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 11.07.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 339.9

DOI: 10.31857/S0869049923050039
EDN: MRBHSZ

Оригинальная статья / Original article

Исследования экономических отношений США и Японии: новые теоретические подходы и отдельные перспективные направления¹

© К.О. ЧУДИНОВА

Чудинова Ксения Олеговна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), xenia.chudinova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5557-8956

На разных этапах послевоенного развития экономические отношения США и Японии были объектом пристального внимания экономистов в силу их сложности и многогранности. В первую очередь исследованию подвергались экспорт технологий, рост двусторонней внутриотраслевой торговли и торговли промежуточными товарами, интернационализация экономик США и Японии, деятельность американских и японских ТНК и фрагментация производства в Восточной Азии, а также формирование цепочек создания стоимости. Значительный теоретический и практический интерес представляет эволюция подходов и методов, которые исследователи используют для анализа двусторонних экономических связей. Одним из наиболее продуктивных направлений в изучении международной торговли стала новая теория П. Кругмана и ее модификации. Представлен выборочный обзор научно-исследовательских работ, которые иллюстрируют применение новой и «новейшей» теории торговли и ряда других перспективных подходов к изучению американо-японских отношений.

Ключевые слова: США, Япония, фрагментация, ТНК, глобальные цепочки создания стоимости

Цитирование: Чудинова К.О. (2023) Исследования экономических отношений США и Японии: новые теоретические подходы и отдельные перспективные направления // Общественные науки и современность. № 5. С. 33–46. DOI: 10.31857/S0869049923050039, EDN: MRBHSZ.

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

Studies of USA and Japan Economic Relations: New Theoretical Approaches and Some Promising Developments

© K. CHUDINOVA

Ksenia O. Chudinova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), xenia.chudinova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5557-8956

Abstract. In the post-war period economic relations between the United States and Japan were the subject of research by many economists due to their complexity, versatility, and sometimes contradictory nature. Such topics as export of technologies, bilateral intra-industry trade and trade in intermediate goods growth, the gradual internationalization of the economies of the United States and Japan, the fragmentation of production in East Asia, the development of value chains were studied in many works. One of the most productive are P. Krugman's new trade theory as well as some other promising approaches and methods that provide an opportunity to study trade and investment relations between the United States and Japan in more depth.

Keywords: USA, Japan, trade, multinational enterprises, GVCs

Citation: Chudinova K.O. (2023) Studies of USA and Japan Economic Relations: New Theoretical Approaches and Some Promising Developments. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 33–46. DOI: 10.31857/S0869049923050039, EDN: MRBHSZ.

Многочисленные исследования экономистов из разных стран посвящены эволюции американо-японских двусторонних экономических отношений, а также «треугольной» модели торговли с вовлечением экономик Восточной Азии (ВА), в результате которой в регионе возникли международные производственные сети беспрецедентного уровня сложности. Полученные результаты зачастую не укладывались в рамки классической и неоклассической теории международной торговли, из-за чего их отдельные положения исследователи пересматривали и развивали, а также создавали новые концепции. В частности, возникли такие новые методологические подходы, как теория П. Кругмана, а затем и «новейшая» теория торговли, разработка которой продолжается. Они дали дополнительные инструменты ученым, которые успешно применяли данные подходы, чтобы получить более полное и точное представление о различных измерениях торговых и инвестиционных связей между США и Японией. Изначально специалисты концентрировали внимание на «японском экономическом чуде» и дисбалансах в торговле и потоках прямых иностранных инвестиций (ПИИ) между Японией и США. Затем фокус исследований сместился на «азиатскую фабрику» – феномен поразительного экономического развития Китая и экономической взаимозависимости между крупнейшими экономиками мира, связанными сетями глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). В настоящее время все больше работ рассматривают такие темы, как технологическое соперничество между США и КНР, новый виток промышленной революции и перспективы следующего этапа глобализации.

США и Япония: исследование феномена внутриотраслевой и внутрифирменной двусторонней торговли

С 1950-х гг., когда в Японии начался период быстрого экономического роста, и до начала 2000-х гг. от четверти до трети экспорта японской продукции приходилось на США [Bergsten, Ito, Noland 2001]. Развитие тесных связей с Америкой, а также бурный экономический рост Японии и «новых индустриальных стран» сначала объясняли в рамках модификаций классической и неоклассической теорий торговли.

Ко второй половине 1980-х гг. японские производители стали конкурировать с американскими компаниями в широком спектре отраслей обрабатывающей промышленности, где фирмы из США ранее доминировали – от стали и автомобилей до полупроводников и бытовой электроники [Wickes 2021]. Возрастающий импорт считали причиной ослабления американской промышленности и сокращения рабочих мест, из-за чего между США и Японией начались серьезные разногласия. В отдельные периоды они перерастали в торговые войны.

В силу своего масштаба и противоречивости экономические отношения США и Японии в то время стали предметом множества исследований – в особенности в период обострения торговых конфликтов в 1980-х гг. Такие вопросы, как «закрытость японского рынка», наличие «особой экономической системы» у Японии, непохожей на системы других развитых стран, и «игра по другим правилам» вызывали глубокую озабоченность у американского бизнеса и политиков. Соответственно, было необходимо проводить новые исследования и подкреплять полученные выводы эмпирическими данными [Krugman 1991; Krugman 1995].

Неоклассический анализ изучал сравнительные преимущества на отраслевом уровне, объясняя их различиями в производительности или обеспеченности факторами производства. Однако к 1980-м гг., когда возникла т. н. «новая теория торговли», в нее постепенно включили фирмы – поставщики уникальных брендов и дифференцированной продукции, а также модель монополистической конкуренции. Новая методология, основу которой предложил П. Кругман, объясняла распространенность внутриотраслевой торговли между странами с аналогичными технологиями и ресурсами – явление, которое нельзя было смоделировать с помощью традиционного определения сравнительных преимуществ² [Krugman 1995; Bernard, Jensen, Redding, Schott 2007].

Исследования конца 1980-х – середины 1990-х гг., проводимые в парадигме «новой теории торговли», большое внимание уделяли изучению феномена внутриотраслевой торговли Японии с США. Все больше работ были посвящены особенностям американо-японских экономических отношений в контексте взаимодействия ТНК и их филиалов. Поскольку политические решения во многом зависели от интерпретации данных двусторонней торговли, американские экономисты должны были предложить новые концепции, отвечающие на вопрос, можно ли считать японский рынок уникально закрытым. Для решения этой задачи специалисты уделяли особое внимание анализу поведения компаний. Они пытались выявить, представляют ли собой структуры и практики в рамках «кэйрэцу»³ масштабные препятствия для американского импорта.

² Analytical Frameworks for Global Value Chains: An Overview. In: Global Value Chain Development Report 2017. World Bank. 2017. (<https://ssrn.com/abstract=3074988>).

³ Устойчивые группы формально независимых друг от друга предприятий, ядро которых составляют крупные корпорации, вокруг которых группируются мелкие и средние компании.

Многие исследователи подчеркивают, что внутриотраслевая торговля Японии имеет в значительной степени внутрифирменный и даже «внутрисетевой» характер: потоки товаров перемещались в рамках сетей вокруг «кэйрэцу». Соответственно, именно изучение специфики работы «кэйрэцу» должно было найти ответ на вопрос о «недостаточном» и «асимметричном» японском импорте из развитых стран [Krugman 1995; Lawrence 1991; Lawrence 1993]. Как обобщают исследователи Дж. Линкольн и М. Симотани, вопрос об экономических последствиях деятельности концернов часто рассматривали на двух взаимосвязанных уровнях: как принадлежность к «кэйрэцу» влияет на конкурентоспособность и эффективность отдельных компаний, а также какие преимущества и недостатки система «кэйрэцу» имеет для экономики в целом [Lincoln, Shimotani 2009].

Оживленную полемику ученых вызывают вопросы измерения импорта, а также воздействия деятельности «кэйрэцу» на экспорт и импорт (см., напр., [Saxonhouse 1993] и [Noland 1997]). Дискуссии о том, что феномен «кэйрэцу» значит для торговли, какую пользу и вред он приносит, продолжались до начала 2000-х гг. Постепенно эта тема перестала привлекать внимание исследователей. К началу XXI в. в результате масштабных институциональных и экономических изменений в Японии и в мире данный феномен перестал быть уникальной характеристикой японской экономики. Промышленные сети и цепочки создания стоимости в рамках бывших «кэйрэцу» стали воспринимать в большей степени как «обычные» ТНК и производственные цепочки без какой-либо японской специфики. Дж. Линкольн и М. Симотани отмечают, что «японская экономика, безусловно, сохраняет свои отличительные черты, но в отношении... управления деловыми организациями она теперь намного ближе к англо-американскому Западу» [Lincoln, Shimotani 2009].

Новый этап глобализации и рост международного производства отчасти изменил природу международной конкуренции. С 1980-х гг. развитие ИКТ-технологий, снижение транспортных издержек и либерализация торговли существенно удешевили перенос производственных мощностей, в результате чего интеграция быстро углубилась и расширилась. Производственные процессы оказались фрагментированы и локализованы в различных регионах, росли ПИИ в создание промышленной базы, значительно возросла торговля компонентами и промежуточными товарами⁴ [Antràs 2020]. Резкий приток японского и американского капитала в страны Восточной Азии был частью всемирного «взрыва» инвестиций, который произошел в значительной степени из-за быстрой экспансии транснациональных компаний за рубеж.

Как пишет японский исследователь С. Урата, с 1980-х гг. ПИИ стали основным средством осуществления глобальной стратегии японских фирм, поскольку бизнес-среда, в которой они работали, резко изменилась. Торговые конфликты с партнерами – в первую очередь с США, укрепление иены, рост заработной платы и производственных расходов, а также другие факторы привели к массовому оттоку капитала из Японии. Чтобы справиться с неблагоприятными условиями и расширить свой экспорт японские фирмы активно использовали различные типы глобальных стратегий, такие как инвестирование и другие формы международного сотрудничества [Urata 1998]. Японские фирмы и ПИИ сыграли важную роль в формировании международных производственных сетей в Восточной Азии – в особенности в электротехнической промышленности.

США оставались основным экспортным рынком для экономик Восточной Азии, включая Японию. Американские компании также были одной из основных движущих сил раз-

⁴ An Investment Perspective on Global Value Chains. World Bank. 15.06.2021. (<https://www.worldbank.org/en/topic/competitiveness/publication/investment-perspective-on-global-value-chains>).

вития производственных сетей через торговые связи и ПИИ. В результате между Японией, странами Восточной Азии и США сложилась «треугольная» модель торговых отношений, в которой рынок США выступал важным двигателем роста для экспортоориентированных экономик региона.

Фрагментация производственных процессов: «трехсторонняя» торговля между США, Японией и экономиками ВА и ее анализ

Чтобы понять сложные цепочки поставок, которые начали формироваться в 1980-х гг., исследователям нужно было разработать методологическую основу. С ее помощью предстояло объяснить, как фирмы выбирают между аутсорсингом и интеграцией, с одной стороны, и между местными и зарубежными источниками поставок, с другой⁵. Ключевым для понимания международной торговли и распределения сравнительных преимуществ между странами в рамках текущего этапа глобализации стало изучение потоков ПИИ, а также механизмов фрагментации производственной деятельности и видов организации производства за рубежом⁶.

Теория фрагментации продемонстрировала значительный результат в анализе феномена восточноазиатской интеграции. Японские экономисты М. Андо и Ф. Кимура в своей известной работе «Формирование международных производственных и торговых сетей в Восточной Азии» (2005 г.) подчеркивают, что во второй половине 1990-х гг. в Восточной Азии значительно возрос как экспорт, так и импорт промышленных деталей и компонентов. Они показывают, как формирование вертикальных производственных цепочек по всей ВА коренным образом изменило модели торговли в регионе. Для изучения производственных/распределительных сетей исследователи расширяют аналитическую основу теории фрагментации и вводят два измерения: фрагментация с точки зрения географической удаленности и фрагментация с точки зрения дезинтеграции корпоративной деятельности (внутрифирменные или межфирменные сделки, включая различные виды аутсорсинга) [Ando, Kimura 2005; Obashi 2022].

Этот подход зарекомендовал себя как продуктивный и лег в основу ряда дальнейших исследований механики международных производственных сетей в ВА. Постепенно контуры новой методологии прорабатывали более детально и дополняли новыми соображениями. В частности, серию работ на эту тему выпустили сами М. Андо и Ф. Кимура. В статье, опубликованной совместно с экономистом С.В. Арндт в 2006 г., они изучали деятельность японских и американских компаний в Восточной Азии и других регионах. Ученые пришли к выводу, что традиционные источники выгоды от торговли, такие как различные технологические возможности и обеспеченность ресурсами, по-прежнему играют ключевую роль. Компании переносили производство и сборку компонентов в локации с наименьшими затратами, а на затраты влияли, в первую очередь, преимущества местоположения. Однако на новом этапе трансграничной фрагментации производства наблюдалось разделение труда на уровне не отраслей, а производственных процессов – произошла «эволюция глобальной экономики от традиционных моделей к новым формам организации» [Ando, Arndt, Kimura 2006]. Как отмечали исследователи А. Обаси и Ф. Кимура в своей работе 2008 г., «в Восточной Азии мы столкнулись с одновременным развитием фрагментации экономической деятельности на уровне фирм и формированием агломе-

⁵ Ibid.

⁶ Analytical Frameworks for Global Value Chains: An Overview. In: Global Value Chain Development Report 2017. World Bank. 2017. (<https://ssrn.com/abstract=3074988>).

раций на уровне отраслей, чего еще не произошло в других развивающихся регионах мира» [Kimura, Obashi 2008]. А. Обаси подчеркивает, что ПИИ сыграли ключевую роль в формировании международных производственных сетей и стали важнейшим фактором для регионального экономического развития в странах ВА, которое произошло благодаря модернизации промышленности. Восточная Азия, которая состоит из экономик с разным уровнем экономического развития (и разными ценами на факторы производства), стала подходящим регионом для трансграничных производственных сетей многонациональных предприятий, превратившись в «азиатскую фабрику» [Obashi 2022].

Теория фрагментации и ее расширения в значительной степени подготовила базу для анализа и объяснения деятельности многонациональных предприятий на новом этапе глобализации. Однако сети, которые создавали компании, явно выходили за рамки концепции фрагментации производства. Данные сети охватывали различные типы трансграничных производственных связей, в том числе торговлю сырьевыми товарами и услугами в дополнение к промышленным деталям и компонентам [Obashi 2022].

Анализ феномена азиатского «экономического чуда» и разработка новой методологии происходили медленнее фрагментации производства и формирования сложных трансграничных производственных сетей вокруг ТНК. Появлялись новые исследования, которые опирались на новейшие статистические данные, отличавшиеся высокой степенью дезагрегации. В них основное внимание уделяли деятельности и решениям компаний на уровне взаимодействия между фирмами, а не на уровне стран и отраслей, как происходило прежде.

Американские и японские компании в «новейшей» теории международной торговли

К середине 1990-х гг. многие специалисты, в том числе сам П. Кругман, отмечали некоторые ограничения новой теории торговли. Она все еще не могла объяснить ряд вопросов относительно деятельности ТНК в международной экономике: среди них – определение границ компаний, причины, побуждающие их к интернализации, сделкам по заключению альянсов с другими корпорациями и др. [Krugman 1995]. К тому же теория по-прежнему фокусировалась на отраслях, рассматривая фирмы внутри них как однородные, с одинаковыми технологиями и ресурсами [Helpman 2014].

Эмпирические наблюдения Э. Бернарда и Б. Дженсена, сделанные в середине 1990-х гг. и подтвержденные в работах других исследователей, стимулировали интерес к разработке новых моделей международной торговли, которые учитывали бы новые факты экспортного поведения фирм. Авторы обращали внимание на то, что экспортирующие и неэкспортирующие фирмы сосуществуют в одной и той же отрасли, но имеют значительные отличия [Greenaway, Kneller, McGowan 2013]. Компании-экспортеры были крупнее и производительнее неэкспортеров, а также платили работникам более высокую заработную плату. Помимо прочего, крупные экспортеры обслуживали иностранные рынки в непропорционально большой степени. Другими словами, существовала корреляция между характеристиками фирм и их участием во внешнеторговой деятельности [Helpman 2014]. Неспособность более ранних стандартных моделей ответить на вопрос о том, почему экспортирующие фирмы могут сосуществовать с неэкспортерами в одной и той же отрасли, привела к разработке новой методологии. Как пишут в первой главе «Справочника по международной экономике» экономисты М. Мелиц и С. Реддинг, сначала новый подход объяснял большую производительность экспортеров прямой связью между экспортом и производительностью труда. Следующим шагом к изменениям стало появление доступ-

ной информации о деятельности зарубежных филиалов и об импорте на уровне фирм, что способствовало дезагрегации данных о производственных процессах. Появилась возможность изучать, какие промежуточные ресурсы производятся внутри фирмы, а какие она закупает, а также учитывать, где именно расположено производство [Melitz, Redding 2014].

В результате рамки исследований были расширены, чтобы учесть то обстоятельство, что некоторые фирмы предпочитают производить продукцию за границей, а не экспортировать ее. Специалисты по международной торговле стали изучать стратегии интернационализации фирм и влияние этих стратегий на их производительность. Значительные усилия были направлены на то, чтобы разобраться в причинно-следственных связях между производительностью труда и экспортом на уровне фирмы. Одним из прорывов стало появление в начале 2000-х гг. модели М. Мелица, в которой он выделяет неоднородные фирмы, отличающиеся по уровню производительности. Данная модель послужила одной из основ для целого пула исследований, которые объясняют различные аспекты деятельности ТНК в международных экономических отношениях, а также развитие сетей ГЦСС вокруг многонациональных компаний.

В дальнейшем исследования сосредоточились на расширении и дополнении модели неоднородных компаний. Также ученые изучали, каким образом фирмы могут изменять свою производительность посредством решений об ассортименте производимой продукции, инновациях, технологиях и организации производства [Melitz, Redding 2014]. Новые модели дали более совершенные инструменты для изучения сложной сети торговых потоков и ПИИ, включая границы ТНК и глобальные цепочки поставок. Они позволили рассмотреть влияние международной торговли на безработицу и неравенство – аспекты глобализации, которые вызывают множество опасений [Gopinath, Helpman, Rogoff 2014].

Японские исследователи начали применять и дополнять эти модели уже в начале 2000-х гг. Полученные выводы о преимуществах ТНК в целом совпадали с результатами американских и европейских специалистов. В рамках данной работы невозможно дать обзор всех этих трудов, поэтому следует привести результаты наиболее показательных из них. Одной из первых работ, опиравшихся на модель неоднородных фирм М. Мелица, стало исследование канадских ученых К. Хэда и Дж. Риса, опубликованное в 2003 г. На основе данных по 1070 крупным японским предприятиям авторы продемонстрировали, что компании, которые инвестируют в заграничные предприятия и экспортируют, отличаются более высоким уровнем производительности, чем те, которые только экспортируют [Head, Ries 2003]. В работе 2005 г. экономисты К. Киета и С. Урата констатируют, что многонациональные предприятия составляют меньшинство, но, тем не менее, они доминируют в японской торговле. По состоянию на 2000 г. только 12,4% японских компаний относились к этой категории, но на них приходилось 93,6 и 81,2% японского экспорта и импорта соответственно [Kiyota, Urata 2008]. Результаты коррелируют с данными по американским ТНК, которые Э. Бернارد с коллегами получили в середине 2000-х гг. [Bernard, Jensen, Redding, Schott 2007]. Авторы также подчеркивают, что ТНК «вырастают» из крупных экспортеров или импортеров. Экспортеры решают, становятся ли многонациональной фирмой, осуществляя прямые иностранные инвестиции. В то же время ПИИ и экспорт не замещают, а, скорее, дополняют друг друга [Kiyota, Urata 2008].

Похожие результаты дает исследование японских ученых К. Киеты и Ф. Кимуры. При анализе они опираются на модель Хелпмана, Мелица и Йипла, в которой рассматриваются не только экспорт, но и горизонтальные ПИИ. Выводы исследователей также согласуются с результатами работ по другим странам: японские фирмы, которые занимаются экспортом и осуществляют ПИИ, представляют собой меньшинство. Наиболее производительны те фирмы, которые занимаются и инвестированием в зарубежные мощ-

ности, и экспортом. Экспорт и ПИИ не взаимозаменяемы – они, скорее, дополняют друг друга при глобальных операциях ТНК. Производительность выступает важным фактором, объясняющим решение о вывозе капитала, а также об экспорте. Более того, и экспорт, и ПИИ повышают производительность компаний [Kimura, Kiyota 2006].

Многочисленные исследования на микроуровне по разным странам продемонстрировали, что международная торговля непропорционально сосредоточена «в руках» небольшого количества очень крупных фирм-«суперзвезд», которые производят дифференцированную продукцию в большом количестве отраслей для многих экономик.

Благодаря новым подходам появилась возможность моделировать поведение ТНК, в том числе их решения о горизонтальных и вертикальных ПИИ, а также о комплексных стратегиях интеграции [Baldwin, Okubo 2014].

Так, Р. Болдуин и Т. Окубо (2014 г.) в своей широко цитируемой работе, которая опирается на отраслевые данные, предложили концепцию «сетевых» ПИИ и продемонстрировали характеристики деятельности японских ТНК в различных регионах. Горизонтальные связи внутри компаний определялись в зависимости от доли местных продаж филиалов, вертикальные – как доля закупок промежуточных компонентов за рубежом. Авторы отмечают, что прогресс в информационных и коммуникационных технологиях увеличил эффективность распределения производственных мощностей в пространстве, а связь между торговлей и инвестициями стала более сложной и более тесной. Анализируя данные за период с 1996 по 2005 г., Болдуин и Окубо приходят к выводу, что японские ПИИ в большинстве отраслей и в большинстве экономик были «сложными»: компании участвовали и в горизонтальной, и в вертикальной интеграции, а многие их филиалы – в международных производственных сетях, особенно в Азии. Они называют это явление «сетевыми ПИИ» [Baldwin, Okubo 2014].

Однако схема работы японских ТНК в Северной Америке была более горизонтально специализированна и резко контрастировала с организацией производства в ЕС и в Азии. Авторы приходят к выводу, что филиалы в США участвуют в международных производственных цепочках в очень ограниченной степени. Их деятельность в большей степени «напоминает импортозамещающую сборку», цель которой – продать товар на американском рынке. К примеру, в электронной промышленности (производстве комплектующих и компьютеров) филиалы японских компаний покупали почти 100% промежуточных продуктов в Японии и продавали почти 100% продукции в США. По сути, базирующиеся в США производства собирали произведенные в Японии компоненты – предположительно, чтобы избежать прямого импорта конечных товаров. Такие связи нельзя назвать чисто горизонтальными, поскольку местные закупки промежуточных продуктов практически отсутствовали. При изготовлении телефонов японские филиалы в США покупали около трети ресурсов на местном рынке, а остальное импортировали из Азии, при этом доминирующую роль в поставках играла Япония. Почти 100% продукции продавали на местном рынке. Что касается японских инвестиций в автомобилестроительную промышленность в Северной Америке, здесь конфигурация больше всего походила на классический случай горизонтальных ПИИ и создание экспортной платформы для продаж на региональном рынке, в первую очередь – на американском [Baldwin, Okubo 2014].

Если 1990-е гг. были периодом преимущественно «классических» ПИИ, то, по мнению Р. Болдуина, 2000-е гг. уже можно считать первой фазой сложных ПИИ, когда ТНК начали широко использовать сочетания разных стратегий, которые включали в себя внутрифирменную торговлю, инвестиции и создание экспортных платформ для обслуживания рынков третьих стран [Baldwin, Okubo 2014].

Концепция глобальных цепочек создания стоимости и новые измерения двусторонних отношений

Для понимания международной торговли и распределения сравнительных преимуществ между странами на текущем этапе глобализации было важно изучить потоки ПИИ и виды организации производства за рубежом, в том числе аутсорсинг. Прямые иностранные инвестиции стали основной движущей силой расширения глобальных цепочек создания стоимости в течение последних нескольких десятилетий. Возникновение и эволюция ГЦСС «являются результатом инвестиционных и торговых решений ТНК, когда компании фрагментируют и перемещают свою производственную деятельность между странами. ГЦСС включают трансграничные потоки всех факторов производства: капитала, товаров, услуг, людей, технологий и знаний»⁷. По мнению испанского экономиста П. Антраса, в последние годы в теории международной торговли произошла «вторая революция, которая во многих отношениях аналогична той, что произошла тридцать лет назад, когда экономисты разработали “новую теорию торговли”». Вариации модели с неоднородными компаниями, в которой компромисс между аутсорсингом и интеграцией определяют в рамках теории неполных контрактов, оказались весьма продуктивными для анализа феномена ГЦСС на уровне фирм [Antràs 2016].

Согласно широко известной хронологии глобализации швейцарского экономиста Р. Болдуина, «вторая волна» – «разделение в пространстве этапов производства, ранее сконцентрированных на фабриках и в офисах» – активно развивалась в 1990-х гг. [Baldwin 2016]. Масштабные изменения в международной торговле были обусловлены технологическими усовершенствованиями в производственном процессе, развитием инфраструктуры и транспортных систем, переходом на качественно иной уровень информационно-коммуникационных технологий и их распространением. Как пишет П. Антрас, совокупный эффект этих факторов наряду с либерализацией торговли и переходом социалистических стран к рыночной экономике на географию мирового производства оказался больше, чем сумма воздействий этих сил по отдельности [Antràs 2020].

Новые разработки в сфере ИКТ позволили координировать сложные производственные процессы в режиме реального времени. В результате компании из развитых стран смогли разделять производство на несколько сегментов, каждый из которых соответствовал определенной задаче: проектирование, закупка деталей, сборка и распределение. Сегменты часто перемещали за пределы национальных границ – в локации, где поставленные задачи выполняли наиболее эффективно⁸.

В 2000-е гг. в производственных сетях Восточной Азии произошли структурные изменения. По состоянию на 2007 г. крупнейшими экономическими партнерами КНР были США и Япония. Соединенные Штаты представляли собой самый важный рынок сбыта китайского экспорта, Япония занимала третье место. Китай был третьим по значимости экспортным направлением и главным источником импорта для США, а также вторым экспортным направлением и основным источником импорта для Японии. Китай находился в центре производственных сетей, в которых Япония была крупнейшим источником импорта промежуточных товаров, а США – основным пунктом назначения экспорта, в том числе и промежуточных товаров [Dean, Lovely, Mora 2009]. А. Обаси и Ф. Кимура на при-

⁷ An Investment Perspective on Global Value Chains. World Bank. 15.06.2021. (<https://www.worldbank.org/en/topic/competitiveness/publication/investment-perspective-on-global-value-chains>).

⁸ Analytical Frameworks for Global Value Chains: An Overview. In: Global Value Chain Development Report 2017. World Bank. 2017. (<https://ssrn.com/abstract=3074988>).

мере сектора машиностроения демонстрируют, что за период 2007–2013 гг. Китай занял доминирующее положение в экономике, хотя многонациональные предприятия, включая японские и корейские фирмы, продолжали играть в производстве особую роль. Японские производственные сети уступали позиции китайским компаниям. Отчасти такая динамика обусловлена различными негативными потрясениями: глобальным финансовым кризисом, землетрясением в Тохоку в 2011 г., укреплением иены и «запутанной экономической политикой» [Kimura, Obashi 2016].

Р. Болдуин и Т. Окубо подчеркивают, что «по сути, фирмы из стран Группы семи научили китайских рабочих производить детали и конечные товары мирового класса, которые те никогда не смогли бы произвести, используя только китайские технологии... Глобализация, основанная на знаниях, изменила сравнительные преимущества Китая» [Baldwin, Okubo 2014]. Если в 1990 г. Германия, США и Япония были тремя хабами, в которых концентрировались трансграничные потоки товаров, то к 2019 г. Китай в значительной степени занял место Японии в качестве центра формирования производственных сетей в Азии, а также заменил Соединенные Штаты на позиции второго по масштабу мирового центра ГЦСС⁹.

После 30 лет быстрого роста доля торговли товарами в мировой экономике стабилизировалась примерно в 2008 г. На текущем этапе интеграционные процессы обусловлены не столько перемещением промышленных товаров, ресурсов и капитала, как это было до финансового кризиса 2007–2008 гг., сколько потоками услуг, нематериальных активов, знаний и ноу-хау. Например, в период с 2010 по 2019 г. трансграничные потоки данных увеличивались на 45% в год¹⁰.

Снижение роли производственного сектора в развитых странах – естественное явление, которое отражает частичную деиндустриализацию экономики и переход к сфере услуг. Японские компании стали выпускать меньше промышленной продукции, поскольку заняли другие «этажи» (зачастую уникальные ниши) цепочек создания стоимости: исследования и разработки, дизайн продукта, маркетинговые услуги и др. Страна остается одним из глобальных лидеров в таких отраслях, как автомобилестроение, химическая промышленность, компьютеры и электроника, а также машиностроение¹¹. В частности, на долю японских фирм приходится 35% мировых поставок оборудования для производства полупроводников и примерно половина поставок полупроводниковых материалов¹².

Экономики США и Японии по-прежнему тесно связаны посредством ГЦСС в различных, преимущественно наукоемких, отраслях. Японские предприятия создали мощную промышленную базу в США. Стоимостной объем японских накопленных прямых инвестиций в США в 2021 г. составил 690 млрд долл. Рост притока японских ПИИ в экономику США за последнее десятилетие можно охарактеризовать как «пожизненное инвестиционное обязательство» японских компаний в Америке^{13, 14}.

⁹ An Investment Perspective on Global Value Chains. World Bank. 15.06.2021. (<https://www.worldbank.org/en/topic/competitiveness/publication/investment-perspective-on-global-value-chains>).

¹⁰ Global flows: The ties that bind in an interconnected world. McKinsey Global Institute. 15.11.2022. (<https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world>).

¹¹ Banking on growth: Ensuring the future prosperity of Japan. McKinsey and Co. 22.08.2022. (https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/banking-on-growth-ensuring-the-future-prosperity-of-japan#).

¹² The Semiconductor Supply Chain: Assessing National Competitiveness. Center for Security and Emerging Technology. January 2021. (<https://cset.georgetown.edu/publication/the-semiconductor-supply-chain/>).

¹³ Japan's U.S. Investment Dynamic 2022. Japan External Trade Organisation. 2022. (https://www.jetro.go.jp/ext_images/usa/2022/Japan-US_Investment_Report/Japans_US_Investment_Dynamics2022.pdf).

¹⁴ International Trade and Investment Country Facts, Japan. Bureau of Economic Analysis. 2023. (<https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#614>).

Двусторонние связи США и Японии в высокотехнологичных отраслях особенно важны в эпоху «четвертой промышленной революции». В условиях роста неопределенности, рисков и экзогенных шоков как государства, так и отдельные компании стремятся повышать устойчивость цепочек создания стоимости, укреплять и защищать свою производственную базу. Подход «экономическая безопасность – это национальная безопасность» все больше влияет на формирование экономической политики разных стран. Как Япония, так и США в 2021–2022 гг. приняли ряд новых законов, создавая комплекс мер по обеспечению «экономической безопасности». Такие меры включают в себя как промышленную политику, направленную на реструктуризацию ГЦСС в критически важных отраслях и развитие приоритетных направлений, так и жесткий контроль над трансфером технологий. США и Япония активно объединяют усилия в этой сфере. Обе стороны отдают приоритет ужесточению экспортного контроля и научно-производственной кооперации по укреплению и развитию стратегически важных ГЦСС – в первую очередь в полупроводниковой промышленности и поставках полезных ископаемых.

Меняется и тематика академических исследований. В дополнение к традиционному вниманию к различным аспектам функционирования ТНК и цепочек создания стоимости в условиях глобализации все больше работ посвящено таким темам, как протекционизм и торговые конфликты (см., например, сопоставление американско-японских торговых войн и противостояния США с КНР при президенте Д. Трампе [Urata 2020]). Также интерес вызывают вопросы устойчивости цепочек поставок и распространения волновых эффектов от шоковых явлений по ГЦСС (см., напр., исследования перебоев с поставками у американских филиалов японских компаний после землетрясения в Японии 2011 г. [Boehm, Flaaen, Pandalai-Nayar 2015] или последствий пандемии COVID-19 и торговой войны США и КНР для ГЦСС [Kimura 2021]), воздействия тарифных ограничений на различные звенья цепочек поставок (например, последствия американско-китайской торговой войны для японских ГЦСС [Zhang 2021]). Большое внимание исследователи уделяют изменениям ГЦСС и роли цепочек создания стоимости в распространении инноваций в условиях четвертой промышленной революции, энергетического перехода и цифровой трансформации.

Выводы

«Новейшая» теория международной торговли пока находится в процессе становления, но она уже позволяет глубже изучать различные аспекты эволюции и динамики экономической интеграции США и Японии в условиях развития глобализации, расширения деятельности ТНК и формирования глобальных и региональных цепочек добавленной стоимости, в том числе в Восточной Азии.

В текущих условиях особую важность имеет анализ, который выявляет взаимосвязи между инвестициями, торговлей и ГЦСС. Способность компаний справляться с внеэкономическими потрясениями, поддерживать устойчивые цепочки поставок и конкурировать в усложнившейся среде будет играть огромную роль для экономического роста и экономической безопасности на национальном и глобальном уровнях. Протекционизм и промышленная политика, которые вновь стали важными составляющими внешнеторговой стратегии многих стран (включая США и Японию), будут значительно влиять на цепочки создания стоимости в стратегически важных отраслях и приводить к трансформации и реконфигурации ГЦСС. Изучение этих изменений и их последствий становится одной из важных задач на ближайшую перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ando M., Arndt S.W., Kimura F. (2006) Production Networks in East Asia: Strategic Behavior by Japanese and U.S. Firms. Microeconomics Working Papers, East Asian Bureau of Economic Research. (<https://EconPapers.repec.org/RePEc:eab:microe:21886>)
- Ando M., Kimura F. (2005) The Formation of International Production and Distribution Networks in East Asia // In: International Trade in East Asia. Ed(s): T. Ito, A.K. Rose. National Bureau of Economic Research. Pp. 177–216. (<https://EconPapers.repec.org/RePEc:nbr:nberch:0194>)
- Antràs P. (2020) De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age // In: 2021 ECB Forum: “Central Banks in a Shifting World” Conference Proceedings. Harvard University. 49 p. (https://scholar.harvard.edu/sites/scholar.harvard.edu/files/antras/files/deglobalization_sintra_antras.pdf)
- Antràs P. (2016) Global Production: Firms, Contracts, and Trade Structure. Princeton: Princeton University Press. 336 p.
- Baldwin R. (2016) The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge: Harvard University Press. 330 p.
- Baldwin R., Okubo T. (2014) International Trade, Offshoring and Heterogeneous Firms // Review of International Economics. Vol. 22. Issue 1. Pp. 59–72.
- Bergsten F.C., Itō T., Noland M. (2001) No More Bashing: Building a New Japan-United States Economic Relationship. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics. 352 p.
- Bernard A., Jensen B., Redding S., Schott P. (2007) Firms in International Trade // Journal of Economic Perspectives. Vol. 21. No. 3. Pp. 105–130. (<http://www.princeton.edu/~reddings/pubpapers/FirmsTradeJEP2007>)
- Boehm C., Flaaen A., Pandalai-Nayar N. (2015) Input Linkages and the Transmission of Shocks: Firm-Level Evidence from the 2011 Tōhoku Earthquake. US Census Bureau Center for Economic Studies. Paper No. CES-WP-15-28. 77 p.
- Dean J.M., Lovely M.E., Mora J. (2009) Decomposing China-Japan-U.S. Trade: Vertical Specialization, Ownership, and Organizational Form // Journal of Asian Economics. Vol. 20. Issue 6. Pp. 596–610.
- Gopinath G., Helpman E., Rogoff K. (2014) Preface // In: Handbook of International Economics. Volume 4. Amsterdam: Elsevier. Pp. 13–24. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780444543141000185>)
- Greenaway D., Kneller R., McGowan D. (2013) Firms’ Internationalisation Strategies: The Evidence // In: Palgrave Handbook of International Trade. Pp. 160–196.
- Head K., Ries J. (2003) Heterogeneity and the FDI versus Export Decision of Japanese Manufacturers // Journal of the Japanese and International Economies. Vol. 17. Issue 4. Pp. 448–467.
- Helpman E. (2014). Foreign Trade and Investment: Firm-level Perspectives // Economica. Vol. 81. No. 321. Pp. 1–14.
- Kimura F. (2021) The Impact of COVID-19 and the US-China Confrontation on East Asian Production Networks // Seoul Journal of Economics. Vol. 34. No. 1. Pp. 27–41. (<http://www.sje.ac.kr/xml/28117/28117.pdf>)
- Kimura F., Kiyota K. (2006) Exports, FDI, and Productivity: Dynamic Evidence from Japanese Firm // Review of World Economics. Vol. 142. No. 4. Pp. 695–719.
- Kimura F., Obashi A. (2008) East Asian Production Networks and the Rise of China: Regional Diversity in Export Performance. Keio/Kyoto Joint Global COE Discussion Paper Series 2008-004. (http://ies.keio.ac.jp/old_project/old/gcoe-econbus/pdf/dp/DP2008-004.pdf)
- Kimura F., Obashi A. (2011) Production Networks in East Asia: What We Know so Far. ADBI Working Paper. No. 320. 30 p. (<https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156175/adbi-wp320.pdf>)
- Kimura F., Obashi A. (2016) The Role of China, Japan, and Korea in Machinery Production Networks. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). Working Paper DP-2016-10. (<https://www.eria.org/ERIA-DP-2016-10.pdf>)

- Kiyota K., Urata S. (2008) The Role of Multinational Firms in International Trade: The Case of Japan // *Japan and the World Economy*. Vol. 20. Issue 3. Pp. 338–352.
- Krugman P. (1991) Introduction to “Trade with Japan: Has the Door Opened Wider?” // In: *Trade with Japan: Has the Door Opened Wider?* Cambridge: National Bureau of Economic Research, Inc. Pp. 1–8. (<https://www.nber.org/system/files/chapters/c8658/c8658.pdf>)
- Krugman P. (1995) Increasing Returns, Imperfect Competition and the Positive Theory of International Trade // In: *K. Handbook of International Economics*. Vol. 3. 1st Ed. Pp. 1243–1277.
- Lawrence R.Z. (1991) How Open Is Japan? // In: *Trade with Japan: Has the Door Opened Wider?* Cambridge: National Bureau of Economic Research, Inc. Pp 9–50. (<https://www.nber.org/system/files/chapters/c8659/c8659.pdf>)
- Lawrence R. Z. (1993) Japan’s Different Trade Regime: An Analysis with Particular Reference to Keiretsu // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. No. 3. Pp. 3–19. (<https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.7.3.3>)
- Lincoln J.R., Shimotani M. (2009) Whither the Keiretsu, Japan’s Business Networks? How Were They Structured? What Did They Do? Why Are They Gone? IRLE Working Paper No. 188-09. 47 p. (<https://irle.berkeley.edu/files/2009/Whither-the-Keiretsu-Japans-Business-Networks.pdf>)
- Melitz M. J., Redding S.J. (2014) Heterogeneous Firms and Trade // In: *Handbook of International Economics*. 4th Ed. Amsterdam: Elsevier. Pp. 1–54. (<https://scholar.harvard.edu/sites/scholar.harvard.edu/files/melitz/files/finalproofs.pdf>).
- Noland M. (1997) Public Policy, Private Preferences, and the Japanese Trade Pattern // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 79. Issue 2. Pp. 259–266.
- Obashi A. (2022) Overview of Foreign Direct Investment, Trade, and Global Value Chains in East Asia. Working Paper No. DP-2021-50. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). 44 p. (<https://EconPapers.repec.org/RePEc:era:wpaper:dp-2021-50.pdf>)
- Saxonhouse G. R. (1993) What Does Japanese Trade Structure Tell Us about Japanese Trade Policy? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. No. 3. Pp. 21–43. (<https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.7.3.21>)
- Urata S. (1998) Explaining the Poor Performance of Japanese Direct Investment in the United States // *Japan and the World Economy*. Vol. 10. Issue 1. Pp. 49–62.
- Urata S. (2020) US-Japan Trade Frictions: The Past, the Present, and Implications for the US-China Trade War // *Asian Economic Policy Review*. Vol. 15. Issue 1. Pp. 141–159.
- Wickes R. (2021) Trade Deficits and Trade Conflict: The United States and Japan // *Japan and the World Economy*. Vol. 60.
- Zhang H. (2021) The US-China Trade War: Implications for Japan’s Global Value Chains // In: *Geopolitics, Supply Chains and International Relations of East Asia*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 41–59.

Информация об авторе

Чудинова Ксения Олеговна, научный сотрудник Центра североамериканских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: xenia.chudinova@gmail.com

About the author

Ksenia O. Chudinova, Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya st. 23. E-mail: xenia.chudinova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 04.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.08.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 328.1, 329.1

DOI: 10.31857/S0869049923050040
EDN: MPXXYT

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EUROPEAN STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Промышленные альянсы в политике индустриальной автономии Евросоюза¹

© В.Б. БЕЛОВ

Белов Владислав Борисович, Институт Европы РАН (Москва, Россия), belov@instituteofeurope.ru. ORCID: 0000-0002-6258-2355

Представлен анализ деятельности созданных в 2017–2023 гг. промышленных альянсов ЕС, а также связанных с ними так называемых «важных проектов общеевропейского интереса» (IPCEIs). Исследованы мотивы их создания и первые итоги деятельности в контексте формируемого Брюсселем технологического суверенитета социально-экономического пространства Евросоюза в рамках стратегической (включая технологическую) автономии. Особое внимание уделено роли Германии и Франции в создании и эволюции промышленной политики ЕС. Они последовательно выступают за увеличение государственной поддержки при создании «европейских компаний-чемпионов» и их закрепление в ведущих мировых экономических нишах. Показано, что Европейская комиссия рассматривает данные альянсы в качестве важного фактора сохранения и повышения международной конкурентоспособности народнохозяйственного комплекса ЕС и его промышленных экосистем.

Ключевые слова: Европейский союз, Германия, Франция, Европейская комиссия, стратегическая автономия, суверенитет, экономическое пространство, конкуренция, промышленные альянсы

Цитирование: Белов В.Б. (2023) Европейские промышленные альянсы в политике индустриальной автономии Евросоюза // Общественные науки и современность. № 5. С. 47–61. DOI: 10.31857/S0869049923050040, EDN: MPXXYT.

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article is published within the framework of the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies Competition and Cooperation” under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to conduct major research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement N 075-15-2020-783).

Industrial Alliances in the Policy of Industrial Autonomy of the European Union

© V. BELOV

Vladislav B. Belov, Institute of Europe RAS (Moscow, Russia), belov@instituteofeurope.ru. ORCID: 0000-0002-6258-2355

Abstract. The activities of the EU industrial alliances created in 2017–2023, as well as “important projects of common European interest” (IPCEIs) interacting with them are analyzed. The motives for their creation and the first results of their activities in the context of the socio-economic space of the European Union formed by Brussels within the framework of strategic (including industrial) autonomy are examined. Particular attention is paid to the role of Germany and France in the launch and evolution of the EU’s industrial policy. These countries consistently advocated increasing state support of “European champion companies” and their consolidation in the world’s leading economic niches. It is shown that the European Commission considers these alliances to be an important factor in maintaining and increasing the international competitiveness of the EU economic complex and its industrial ecosystems.

Keywords: European Union, EU, Germany, France, European Commission, strategic autonomy, sovereignty, economic space, competition, industrial alliances

Citation: Belov V.B. (2023) European Industrial Alliances in the Policy of Industrial Autonomy of the European Union. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no 5, pp. 47–61. DOI: 10.31857/S0869049923050040, EDN: MPXXYT.

Одно из направлений современной промышленной политики Европейского союза – создание индустриальных альянсов в стратегически важных для хозяйственного пространства (экономического штандорта²) ЕС отраслях и сферах. Их цель – повысить его конкурентоспособность за счет объединения в рамках государственно-частного партнерства капиталов из различных стран ЕС, формировать на конкурентных основах новые модели взаимодействия крупного, среднего и малого бизнеса, чтобы стимулировать его инновационную и инвестиционную активность, создавать высококвалифицированные рабочие места, повышать эффективность цепочек создания стоимости. По сути, они представляют собой открытые сетевые платформы, среди прочего использующие инструментарий проектов общеевропейской значимости. Они призваны конкурировать с крупными международными концернами, в первую очередь из США и Китая, и содействовать формированию стратегической индустриальной автономии народнохозяйственного комплекса ЕС, включая его цифровой и технологический суверенитет. В отечественной и иностранной научной литературе до сих пор отсутствовали работы, посвященные комплексному рассмотрению этой важной темы. Исследователи обращали внимание на ее отдельные аспекты, например, в рамках изучения европейской промышленной политики ЕС [Сидорова 2018, 2023; Цуренищikov 2020, 2021; Landesmann, Stöllinger 2020; Szczepański 2020; Terzi, Singh, Sherwood 2022], цифровой, водородной и сырьевой стратегий ЕС [Кондратьев 2022; Кондратьева 2019, 2023], отдельных индустриальных альянсов [Белов 2019, 2020a, 2020b; Невская 2021; Yarosh-Dmytrenko et al. 2022; Carlo, Schmitz 2023; The EU’s Industry...2021]. Настоящая статья призвана восполнить данный пробел.

² Под экономическим штандортом понимается целенаправленно сформированное хозяйственно-политическое пространство, которое обладает набором конкурентных преимуществ, позволяющих привлекать и удерживать основные производственные факторы. См. Белов В.Б. (2015) Хозяйственно-политическое и социально-экономическое пространство Германии // В: Современная Германия. Экономика и политика. Ред.: Белов В.Б. М.: Весь мир, ИЕ РАН. С. 54–77.

Роль и место промышленности в стратегической автономии ЕС

Европейская комиссия под руководством Ж.-К. Юнкера (2014–2019 гг.) в условиях роста конкуренции между североамериканским, китайским и европейским штандортами последовательно выдвигала обоснования повысить комплексную независимость пространства ЕС. Ф. Могерини, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, в Генеральной стратегии Евросоюза в 2016 г. в отношении военно-политических аспектов такого подхода сформулировала понятие «стратегической автономии», понимая ее как «способность самостоятельно принимать решения и реализовывать их совместно с партнерами или независимо» на основе существующих институциональных и материальных инструментов [Стратегическая автономия ЕС...2020; Шпангер 2021; Щербак 2020]. Затем европолитики расширили его и на социально-экономическую сферу [Мельникова 2020; Невская, Квашинин 2021; Сидорова 2023]. Ключевым для Брюсселя стало положение о необходимости повысить устойчивость, самодостаточность и конкурентоспособность хозяйственно-политического пространства Евросоюза за счет усиления роли государства в поддержке экономических субъектов и защите стратегических отраслей от «недружественных» иностранных инвесторов. Основными апологетами данного подхода стали Германия и Франция в лице тогдашних глав профильных экономических министерств – П. Альтмайера и Б. Ле Мэра.

Еврокомиссия 13 сентября 2017 г. опубликовала сообщение «Инвестиции в умную, инновационную и устойчивую промышленность. Новая стратегия промышленной политики ЕС», в котором впервые сформулировала комплексный подход к будущему развитию индустриального сектора. Ее положения легли в основу решений шестой конференции «Друзей промышленности», состоявшейся 18 декабря 2018 г. в Париже. На конференции профильные министры из 18 стран-членов ЕС обсудили и уточнили предложения еврочиновников. Среди прочего они указали на необходимость определить к 2019 г. стратегические цепочки создания стоимости в рамках приоритетных европейских технологических проектов, к которым они отнесли электрические аккумуляторные батареи, автономные транспортные средства, полупроводники, кибербезопасность, суперкомпьютеры и робототехнику. Министры выступили за более тесную координацию мер европейской политики по повышению конкурентоспособности промышленного сектора, включая разработку планов действий и целевых промышленных программ по каждой из выявленных стратегических цепочек. Они также договорились, что необходимо изменить ряд положений европейского конкурентного права, касающихся механизмов государственной поддержки бизнеса, чтобы усилить конкурентные преимущества субъектов европейской промышленности, а государство более эффективно реагировало на рыночные сбои. Участники конференции согласились, что эволюция антимонопольных правил ЕС должна быть направлена на создание более эффективных условий для слияния и поглощения компаний, чтобы учитывать конкурентную ситуацию на международных рынках³.

Глава германского Министерства экономики и энергетики (BMWi) П. Альтмайер при поддержке французского коллеги Б. Ле Мэра настоял на включении в итоговый документ пункта об углублении кооперации в сфере прорывных технологий. В совместном коммюнике оба политика выразили готовность содействовать формированию в ЕС крупных индустриальных альянсов.

³ В 2018 г. Берлин и Париж обратились в Еврокомиссию с просьбой поддержать идею создания консорциума французского и немецкого концернов – Alstom и Siemens. Новая структура должна была стать основным европейским игроком на мировом рынке локомотивов, на котором ведущие позиции занимали американские и получающие поддержку государства китайские корпорации. Однако Брюссель в лице комиссара М. Вестхагена такую сделку не разрешил, сославшись на ее несоответствие политике ЕС в сфере конкуренции.

стриальных корпораций, в первую очередь в сфере полного цикла производства аккумуляторов для электромобилей, создания машин, наделенных искусственным интеллектом, и во внедрении качественно новых инновационных разработок. Тогда же они выступили за ускорение развития созданного в 2017 г. Европейского батарейного альянса и превращение его в «символ новых амбиций» промышленности Евросоюза. Свои предложения Альтмайер и Ле Мэр конкретизировали в манифесте 19 февраля 2019 г. Они предложили наделить Совет ЕС правом делать исключения из антимонопольного законодательства для значимых с народнохозяйственной точки зрения слияний европейских корпораций; в особых случаях разрешать государственное субсидирование наиболее важных из них, в первую очередь в стратегических инфраструктурных и промышленных секторах; обеспечить защиту новейших технологий и критически важных субъектов от продажи их хозяйствующим лицам государств, не входящих в Евросоюз.

Существенную роль в продвижении этих идей сыграл проект давно ожидаемой новой немецкой промышленной политики. BMWi представило его зимой 2019 г. Проект содержал предложения по совершенствованию национального и европейского конкурентного механизма и обосновывал необходимость активной государственной поддержки компаний. После его обсуждения с основными отечественными бизнес-группами интересов и внесения существенных дополнений и изменений в предложенную концепцию Кабинет министров в ноябре 2019 г. принял соответствующий документ. Многие из его постулатов были учтены в «Европейском зеленом курсе», представленном в декабре того же года новым составом ЕК под руководством У. фон дер Ляйен. Брюссель опубликовал «Новую промышленную политику ЕС» 10 марта 2020 г. Ее подготовили при активном участии немецких и французских экспертов и включили ряд предложений прежнего состава ЕК [см.: Сидорова 2018, Циренчиков 2020]. Одним из ее основных положений стало требование создать европейские индустриальные альянсы в стратегически важных для экономики Евросоюза сферах. В этом контексте еврочиновники сформулировали положение о 14 промышленных экосистемах, к которым они отнесли следующие: аэрокосмическая и оборонная; агропродовольственная; строительная; цифровая; электронная; энергоемкая; текстильная; возобновляемые источники энергии; здравоохранение; мобильно-транспортно-автомобильная; социальная экономика и гражданская безопасность; туристическая; культурная и креативная; розничная торговля. Они также поставили задачу организовать эффективное взаимодействие между ними⁴.

Важные проекты общеевропейского значения

Относительно новые для ЕС сетевые структуры в форме альянсов должны были тесно взаимодействовать с механизмом «важных проектов общеевропейского интереса» (IPCEI)⁵. Введенный во многом по инициативе Берлина и Парижа в практику ЕС в середине нулевых годов, он первоначально предусматривал возможность выделения национальными государствами финансовых средств на предпринимательские инициативы в области исследований, разработок и инноваций, а также охраны окружающей среды. В 2014 г. ЕК расширила их до всех сфер экономической деятельности с потенциалом для

⁴ A New Industrial Strategy for Europe (2020). Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social committee and the Committee of the Regions. Brussels, 10.3.2020. COM (2020) 102 final. 16 p.

⁵ Возможность утверждения государственной помощи для «важных проектов, представляющих общеевропейский интерес», предусматривает Статья 107(3)(b) Договора о функционировании Европейского союза.

продвижения проектов, способных с помощью государства исправить «провалы рынка» и привлечь частные инвестиции⁶. До начала 2020 г. количество IPCEI было минимальным. Первыми стали два инфраструктурных проекта (строительство двух мостов – между Германией и Данией, а также между Швецией и Данией) [Szczepański 2020]. Затем последовали проекты в области микроэлектроники и аккумуляторов. В марте 2018 г. ЕК учредила Стратегический форум по IPCEI и создала в его рамках экспертную группу высокого уровня, объединившую представителей государственных структур, промышленных групп интересов и научно-образовательного сообщества. Более пяти лет она работает над исследованием существующих и будущих ключевых стратегических цепочек добавленной стоимости, вырабатывает предложения по взаимодействию между ЕС, его государствами-членами и промышленными субъектами, а также предлагает конкретные рекомендации по направлениям и содержанию инвестиционных процессов.

Пандемия коронавируса и ее последствия побудили ЕК в мае 2021 г. внести ряд дополнений в прошлогоднюю мартовскую стратегию по промышленной политике, включая усиление поддержки существующих промышленных альянсов и создание новых [Циренищikov 2021]. В этом контексте оба документа дали дополнительный импульс для увеличения количества IPCEI. На фоне заметного политического сдвига нового состава ЕК в сторону укрупнения технологического суверенитета и стратегической автономии экономического штандорта активизировались дебаты о том, как способствовать появлению «европейских чемпионов». Не только Брюссель, но и все большее количество национальных правительств, экспертов и групп интересов стали солидаризироваться с германо-французской позицией, признавая, что механизм и инструментарий «важных проектов» могут быть полезными для создания новых производственно-сбытовых цепочек, а также то, что они обладают пока невосребованным потенциалом для долгосрочной конкурентоспособности и роста экономики ЕС. Более того, выдвинуто требование внести изменения в действующие правила с целью упростить доступ экономических субъектов к IPCEI. Эти пожелания ЕК учла и в конце 2021 г. разработала ряд предложений по совершенствованию их структуры и механизмов.

Европейские промышленные альянсы

Положительный опыт первых важных пилотных проектов общеевропейского интереса в сфере микроэлектроники и аккумуляторов оказался востребованным при организации в 2018–2023 гг. новых промышленных альянсов. Их основные цели и задачи соответствуют целеполаганиям «Европейского зеленого курса», конкретизированным в положениях ключевых стратегий ЕС – в первую очередь, промышленной, цифровой и водородной. Все альянсы встроены в европейские промышленные экосистемы и содействуют взаимодействию между ними. Изначально было определено, что деятельность этих сетевых структур и их членов строится на принципах партнерства, инклюзивности, разнообразия, прозрачности и открытости для всех заинтересованных сторон.

Европейский батарейный альянс (European Battery Alliance, EBA). Европейский батарейный альянс создан в 2017 г. Он играет ключевую роль в выполнении принятого в 2018 г. [Невская 2021] Стратегического плана действий по аккумуляторам и в этом отношении – в достижении климатической нейтральности экономики ЕС к 2050 г. – Евросоюз к 2030 г. должен удовлетворять до 90% своего спроса за счет аккумуляторов европейского произ-

⁶ Kriterien für die Würdigung der Vereinbarkeit von staatlichen Beihilfen zur Förderung wichtiger Vorhaben von gemeinsamem europäischem Interesse mit dem Binnenmarkt. Mitteilung der Kommission (2014/C 188/02). ([https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014XC0620\(01\)&qid=1606910989553&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014XC0620(01)&qid=1606910989553&from=EN)).

Европейский альянс чистого водорода (European Clean Hydrogen Alliance, ECH2A). ECH2A был создан 8 июля 2020 г. для поддержки определенных в только что принятой Европейской водородной стратегии целей и задач широкомасштабного внедрения экологически чистого («зеленого») водорода к 2030 г. Он стал основной частью водородной экосистемы, которую экспертная группа ЕК в ноябре 2019 г. отнесла к одному из шести стратегических и ориентированных на будущее промышленных секторов (наряду с экологически чистыми автономными транспортными средствами; интеллектуальным здравоохранением; индустриальным Интернетом вещей; низкоуглеродной промышленностью и кибербезопасностью)¹⁰. Альянс объединил промышленные компании, представляющие всю водородную цепочку создания стоимости, профильные государственные структуры, научно-исследовательское и инновационное сообщество, а также представителей гражданского общества¹¹. Они занимаются НИОКР, пилотными проектами в сфере импорта, внутреннего производства, хранения, транспортировки и использования экологического и низкоуглеродного водорода, а также мобилизацией необходимых для этого инвестиционных ресурсов. Особое внимание уделяется производству электролизеров, строительству трубопроводной инфраструктуры и заправочных станций, а также развитию партнерских сетей в ЕС в области исследований, разработок и инноваций [Белов 2020а]. Учредители изначально подчеркивали, что Альянс приглашает к сотрудничеству всех, кто хочет «участвовать и вносить свой вклад во внедрение возобновляемого и низкоуглеродистого водорода с точки зрения предложения, спроса и распределения» и «кто будет использовать возобновляемый и низкоуглеродистый водород в целях декарбонизации промышленных процессов и экономики в целом»¹².

У ECH2A нет постоянного органа управления. Его заменяет трехуровневая гибкая модель. Во-первых, это шесть «Круглых столов руководителей»¹³. По своей сути, это рабочие группы, отвечающие за отдельные тематические направления оперативной деятельности, в т. ч. за формирование портфеля проектов и инвестиционных программ для их выполнения; выявление препятствий и узких мест в сферах использования водорода; разработку вопросов регулирования и стандартизации; определение приоритетов НИОКР; оптимизацию водородных стратегий ЕС и политику ЕС и его государств-членов. Во-вторых, это пленарная ассамблея Альянса в форме «Водородного форума ЕС». Она собирается минимум один раз в год для обсуждения текущей работы, политических и технических вопросов, состояния и перспектив развития водородного рынка, диалога с представителями различных институтов Евросоюза, а также для координации и рационализации совместных действий. В-третьих, это совещания высокого уровня, не имеющие фиксированной конфигурации и организуемые на уровне уполномоченных или заместителей председателя Европейской комиссии. ЕК выступает в роли посредника между всеми участниками, содействуя координации их деятельности в рамках различных направлений работы Альянса [Белов 2020а]. Участники ECH2A в начале 2023 г. выполняли около 840 водородных проектов по всей цепочке создания стоимости, содействуя формированию первого полномасштабного рынка водорода в мире.

¹⁰ Strengthening Strategic Value Chains for a future-ready EU Industry – report of the Strategic Forum for Important Projects of Common European Interest. 05.11.2020. (<https://ec.europa.eu/docsroom/documents/37824>).

¹¹ Актуальный список членов ECH2A см.: European Clean Hydrogen Alliance members. European Commission. March 2023. (<https://ec.europa.eu/docsroom/documents/55434>).

¹² Declaration of the European Clean Hydrogen Alliance. European Commission. 22/10/2020. (<https://ec.europa.eu/docsroom/documents/42603>).

¹³ Roundtables of the European Clean Hydrogen Alliance. European Commission. (https://single-market-economy.ec.europa.eu/industry/strategy/industrial-alliances/european-clean-hydrogen-alliance/roundtables-european-clean-hydrogen-alliance_en).

За три года с точки зрения сетевого управленческого координатора он стал одной из «лучших практик» среди промышленных альянсов Евросоюза, в т. ч. в рамках координации своей работы с участниками двух IPCEI, проводимых с 2022 г. – Hy2Tech и Hy2Use.

Европейский сырьевой альянс (European Raw Materials Alliance, ERMA). Авторы первоначальной версии новой промышленной стратегии ЕС (март 2020 г.) предупреждали, что определенный в «Европейском зеленом курсе» стратегический переход к климатически нейтральной экономике смещает зависимость европейского штандорта от ископаемого топлива в сторону зависимости от критических неэнергетических сырьевых материалов (Critical Raw Materials, CRM). На фоне обострения глобальной конкуренции за CRM их основная часть поступает в Германию извне Евросоюза. В этой связи Еврокомиссия поставила задачу обеспечить диверсификацию их закупок и надежность поставок. Она стала еще более актуальной в рамках постпандемического восстановления европейской экономики. 3 сентября 2020 г. ЕК предложила План действий по критически важному сырью и одновременно опубликовала свое первое исследование по роли CRM для стратегических технологий и секторов ЕС на период до 2030 и 2050 гг. В конце сентября одним из первых шагов по его выполнению стало создание Европейского сырьевого альянса. Он создан по образу и подобию только что организованного Европейского батарейного альянса и объединил в рамках сетевой структуры участников из сфер исследования, производства, потребления, переработки и регулирования CRM. Их взаимодействие призвано обеспечить устойчивое снабжение критически важными сырьевыми материалами ведущие индустриальные экосистемы Евросоюза, устранить пробелы и уязвимости в цепочке создания стоимости редкоземельных элементов и постоянных магнитов, включая барьеры на пути перехода к экономике замкнутого цикла, обеспечить снижение зависимости от внешних рынков, определение направлений, необходимых для диверсификации инвестиций, а также учет их социально-экономического влияния на страны-экспортеры.

В середине 2023 г. альянс объединял около 700 участников из примерно 50-ти стран. Количество намеченных и уже претворенных в жизнь инвестиционных проектов составляло около пятидесяти, а их объем оценивался в 15 млрд евро. Они должны быть завершены до 2030 г. Брюссель надеется, что с их помощью Евросоюз сможет сам полностью удовлетворять потребность в некоторых критических материалах. В рамках альянса созданы два кластера, один из которых занимается редкоземельными металлами и магнитами, а другой – материалами для хранения и преобразования энергии.

Управляет и координирует деятельность ERMA одно из восьми финансируемых Евросоюзом инновационных сообществ – Европейский институт инноваций и технологий (European Institute of Innovation and Technology, EIT), EIT RawMaterials. По сути, это один из крупнейших сетевых консорциумов в мире, занимающихся сырьевыми ресурсами. Он объединяет около 300 партнеров из различных отраслей промышленности, образовательных и научных организаций из большинства стран ЕС, представляющих всю цепочку создания стоимости критического сырья: от разведки, добычи и переработки полезных ископаемых до их замещения, переработки и повторного использования в рамках циркулярной экономики. Деятельность сырьевого альянса в первую очередь важна для батарейного альянса. Между ними организовано тесное взаимодействие [Белов 2020b].

Европейский альянс солнечной фотоэлектрической промышленности (European Solar Photovoltaic Industry Alliance)¹⁴. Альянс был создан 9 декабря 2022 г. в соответствии со Стратегией ЕС в области солнечной энергетики¹⁵, принятой в мае 2022 г. в рамках Плана

¹⁴ European Solar Photovoltaic Industry Alliance. (<https://solaralliance.eu/>).

¹⁵ Solar energy. European Commission. (https://energy.ec.europa.eu/topics/renewable-energy/solar-energy_en); REPowerEU: New industrial Alliance to boost the EU's solar power and energy security. European Commission.

REPowerEU. Альянс призван обеспечить устойчивость и стратегическую автономию всей европейской производственно-сбытовой цепочки солнечных фотоэлектрических систем, включая производство поликремния, слитков, пластин, элементов, модулей их вторичную переработку. Основным приоритетом участники выбрали инвестиционную сферу – определение направлений капиталовложений, поиск источников финансирования, устранение барьеров на пути инвестиций. Фотовольтаика наряду с ветровой служит основой возобновляемой энергетики и декарбонизации экономики. Основным конкурентом выступает Китай, который Брюссель хочет последовательно вытеснить с европейского рынка. К 2025 г. годовые вертикально интегрированные производственные мощности ЕС по производству систем фотовольтаики с помощью членов альянса должны достигнуть 30 ГВт. Численность занятых должна увеличиться на 400 тыс. человек. Головная управленческая структура – EIT InnoEnergy – еще одно инновационное сообщество упомянутого EIT. В органы управления также входят Европейский совет по производству солнечной энергии и ассоциация Solar Power Europe.

*Европейский альянс по промышленным данным, периферийным и облачным технологиям (European Alliance for Industrial Data, Edge and Cloud)*¹⁶. Альянс создан в июле 2021 г. в соответствии с принятой в начале 2020 г. Стратегией ЕС в сфере данных и обновленной в мае 2021 г. промышленной стратегией. Его основная цель – укрепить позиции отраслей экономики государств Евросоюза в облачных и периферийных технологиях, а также содействовать удовлетворению спроса на них со стороны частных компаний и государственных структур, работающих с т.н. высокочувствительными категориями данных и заинтересованных в их безопасности. Объединив широкий круг игроков, за два года он превратился в стратегическую платформу повышения конкурентоспособности промышленности ЕС и укрепления цифрового и технологического суверенитета Европейского союза и его стран-членов. Среди основных результатов – создание для ЕК обновленной стратегической промышленной дорожной карты по облачным технологиям¹⁷ и разработка требований к облачной платформе для сектора авиации, безопасности и обороны¹⁸.

Европейский альянс по процессорам и полупроводниковым технологиям (The Alliance on Processors and Semiconductor Technologies). Деятельность данного Альянса непосредственно связана с предыдущим. Он также образован в июле 2021 г. и призван содействовать созданию Евросоюзом собственной микроэлектронной экосистемы. Такие положения сформулированы в рамках «Цифровой декады» и «Цифрового компаса», определивших направления развития полупроводниковой стратегии ЕС [Кондратьева 2023]. Среди них – укрепление лидерства и собственного потенциала для внедрения инноваций в производство передовых чипов и превращение их в коммерческие продукты; создание основы для существенного увеличения производственных мощностей к 2030 г.; решение проблемы нехватки квалифицированных кадров, привлечение новых талантов и поддержка квалифицированной рабочей силы; разработка комплексных подходов к глобальным цепочкам поставок чипов.

Деятельность альянса охватывает два основных блока:

09.12.2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_7617).

¹⁶ European Alliance for Industrial Data, Edge and Cloud. European Commission. (<https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/cloud-alliance>).

¹⁷ European industrial technology roadmap for the next-generation cloud-edge. EU Alliance for Industrial Data, Cloud and Edge. European Commission. 04 July 2023. 185 pp. (<https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/european-alliance-industrial-data-edge-and-cloud-presents-its-first-deliverables>).

¹⁸ European Alliance for Industrial Data, Edge and Cloud presents its first deliverables. 5G Infrastructure Public Private Partnership. August 2023. (<https://5g-ppp.eu/newsletter-30-august-2023/>).

- укрепление европейской экосистемы проектирования электроники, включая переносовые узлы и аппаратные решения с открытым исходным кодом, ориентированные на разработку мощных ресурсосберегающих процессоров;
- создание необходимых производственных мощностей, в т. ч. тестирование сборки, совершенствование упаковки с привлечением местных и глобальных игроков для производства следующего поколения надежных процессоров, электронных компонентов и технологий, предполагающих переход к производству передового типа энергосберегающих полупроводников от 16 нм до 10 нм, а также от 5 нм до 2 нм и выше.

Промышленный альянс по возобновляемым и низкоуглеродным производственно-сбытовым цепочкам (Renewable and Low-Carbon Fuels Value Chain Industrial Alliance). Альянс стартовал 6 апреля 2022 г. Он объединяет фирмы, имеющие отношение к производству и поставкам возобновляемых и низкоуглеродистых видов топлива в сферах авиации и морских перевозок. Речь идет о практическом воплощении инициатив EC Fuel EU Maritime и Refuel EU Aviation initiatives, сформулированных в июле 2021 г. в рамках программы Fit for 55. Поставлена цель содействовать сокращению выбросов парниковых газов в транспортном секторе на 90% к 2050 г. Предполагается использовать полученные результаты и в секторе автомобильного транспорта. Как и в Европейском альянсе чистого водорода, в этой структуре организована работа нескольких тематических круглых столов по соответствующим аспектам координации всей цепочки создания стоимости. В 2022–2023 гг. основными направлениями их работы стали: определение наиболее экономически и экологически приемлемых видов транспортного топлива, а также оценка сильных и слабых сторон их производственно-сбытовых цепочек; определение пробелов в стандартизации, сертификации и безопасности; поиск и оценка возможностей государственного и частного финансирования; формирование портфеля инвестиционных проектов; выявление возможной синергии авиационных и морских перевозок с другими видами транспорта.

Альянс за авиацию с нулевым уровнем выбросов (Alliance for Zero Emission Aviation, AZEA). AZEA – это добровольная европейская инициатива частных и государственных субъектов, поддержанная Европейской комиссией, заинтересованных в ускорении подготовки к вводу в коммерческую эксплуатацию самолетов с водородными и электрическими двигателями. О создании данного альянса было объявлено 24 июня 2022 г. Он непосредственно связан с предыдущим объединением. В него вошли авиастроители, авиационные компании, аэропорты, поставщики топлива, агентства по стандартизации и сертификации, группы, представляющие интересы пассажиров и занимающиеся защитой окружающей среды, а также регулирующие органы.

В заключение отметим два важных проекта общеевропейского интереса, играющие одну из важнейших ролей в обеспечении индустриальной автономии хозяйственного пространства Евросоюза. В той или иной мере они связаны со всеми индустриальными экосистемами и промышленными альянсами. Речь идет о сфере микроэлектроники.

Особая роль принадлежит первому, по сути, пилотному проекту в сфере микроэлектроники – IPCEI on Microelectronics. Его создали Германия, Франция, Италия и Великобритания, а ЕК его поддержала в 2018 г. В 2021 г. к нему присоединилась Австрия. 29 компаний, среди которых исследовательские организации, малые и средние предприятия, сотрудничают с множеством других партнеров, в т. ч. расположенных в других странах. Основными направлениями технологической кооперации выступают разработка и производство энергоэффективных чипов, силовых полупроводников, датчиков, передового оптического оборудования и комплектующих. Важная особенность IPCEI on Microelectronics: полученные примерно по 45 субпроектам новые технологические знания распространяются среди всех участников европейской индустрии микроэлектроники¹⁹. ЕК одобрила предоставление участникам 1,9 млрд евро, которые в свою очередь привлекли около 6,5 млрд (см. табл. 1).

¹⁹ IPCEI on Microelectronics. (<https://www.ipcei-me.eu/>).

Таблица 1

IPCEI, одобренные Евросоюзом в 2018–2023 гг.

Table 1

IPCEIs approved by the EU in 2018–2023

	IPCEI микро-электроника	IPCEI аккумуляторы (1) 2019	IPCEI аккумуляторы (2) 2021	IPCEI водород Hy2Tech 2022	IPCEI водород Hy2Use 2022	IPCEI микроэлектроника и КТ 2023	Всего
Кол-во компаний	29	17	42	35	29	56	208
Кол-во проектов	43	22	46	41	35	68	255
Одобренная гос. помощь, млрд евро	1,9	3,2	2,9	5,4	5,2	8,1	26,7
Ожидаемые частные инвестиции, млрд евро	6,5	5,0	9,0	8,8	7,0	13,7	50,0
Гос-ва-участники	Австрия, Германия, Италия, Франция, Британия	Бельгия, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Польша, Швеция	Австрия, Бельгия, Хорватия, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Италия, Польша, Словакия, Испания, Швеция	Австрия, Бельгия, Чехия, Германия, Дания, Эстония, Греция, Испания, Финляндия, Франция, Италия, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия	Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Греция, Италия, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия, Испания, Швеция, Норвегия	Австрия, Германия, Греция, Чехия, Ирландия, Испания, Италия, Мальта, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Финляндия, Франция	21 гос-во (участие в мин. одном IPCEI)

Источник: Important Projects of Common European Interest (IPCEI). European Commission. 2023. (https://competition-policy.ec.europa.eu/state-aid/legislation/modernisation/ipcei_en).

Source: Important Projects of Common European Interest (IPCEI). European Commission. 2023. (http://competition-policy.ec.europa.eu/state-aid/legislation/modernisation/ipcei_en).

Успех пилотного начинания побудил Брюссель создать в июле 2023 г. второй аналогичный проект в микроэлектронной отрасли, расширив сферу его деятельности на коммуникационные технологии – IPCEI Micro Electronics and Communication Technologies (IPCEIME/CT). В нем участвуют компании и организации 14 стран, в т. ч. из Австрии, Германии, Греции, Чехии, Ирландии, Испании, Мальты, Нидерландов, Польши, Румынии, Словакии, Финляндии и Франции. На поддержку исследований и промышленного внедрения микроэлектроники и информационно-коммуникационных технологий Еврокомиссия предоставила 8,1 млрд евро. Это должно привлечь дополнительные 13,7 млрд евро частных инвестиций (см. табл. 1). Предварительно 56 участников запланировали 68 проектов. Их основная цель: содействовать технологическому прогрессу во всех народнохозяйственных секторах, в первую очередь, в сфере связи, ИКТ, технологий искусственного интеллекта и квантовых вычислений. Среди приоритетов господдержки – разработка датчиков, преобразующих аналоговые сигналы в цифровые; процессоров и микросхем памяти; новых материалов и механизмов. Первые из этих продуктов должны появиться на рынке уже в 2025 г. Входящие в проект государства рассчитывают, что инициативы получат поддержку со стороны национальных производственных, логистических и энергетических фирм, заинтересованных в ускорении двойного перехода к климатически нейтральной экономике. В свою очередь еврочиновники исходят из того, что инвестируемые в рамках данного проекта многомиллиардные средства обеспечат технологическое и промышленное лидерство ЕС в области полупроводников, а также повысят надежность цепочек поставок и экономической безопасности европейского штандорта.

Выводы

Промышленным альянсам наряду с выполнением важных проектов общеевропейских интересов принадлежит значительная роль в достижении ключевых политических целей ЕС по обеспечению стратегической автономии, устойчивости и международной конкурентоспособности европейского хозяйственного пространства. Их деятельность наполняет конкретным содержанием многочисленные стратегии и законодательные акты, принятые Брюсселем в 2019–2023 гг. и направленные на создание к 2050 г. климатически нейтральной экономики, отвечающей будущим цифровым вызовам. Одним из сравнительных и, наверное, главных преимуществ альянсов служат сетевой характер сотрудничества и согласованные совместные действия участников, заинтересованных в устранении противоречий и поиске общего знаменателя. К «лучшим практикам» следует отнести альянсы в сфере аккумуляторов, водорода и критически важных материалов.

Сетевые структуры основаны на принципах открытости, прозрачности, разнообразия и инклюзивности. Круг участников охватывает всю полноту соответствующих цепочек создания стоимости и представляет практически все народнохозяйственные сферы – федеральные, земельные, местные органы власти, промышленный малый, средний и крупный бизнес, финансово-кредитные институты, субъекты инвестиционной и инновационной деятельности, университеты, научно-исследовательские институты, гражданское общество, профсоюзы и др., в т. ч. и из стран, не входящих в Евросоюз. Именно в этом контексте они содействуют повышению конкурентоспособности европейского экономического пространства. Однако выявить ее конкретные количественные показатели представляется трудноразрешимой задачей.

Альянсы не участвуют в принятии решений о политике, нормативно-правовом регулировании или финансировании. Тем не менее законодательные и исполнительные структуры ЕС и отдельные государства могут учитывать их практические рекомендации. ЕК не финан-

сирует деятельность альянсов напрямую, а они не участвуют в выборе потенциально важных проектов общеевропейского интереса, однако тесно взаимодействуют с его субъектами.

Представляется, что и сетевые промышленные структуры, и IPCEI следует относить к косвенным протекционистским инструментам Евросоюза для обеспечения максимально высокой степени стратегической автономии его экономического, в первую очередь индустриального, пространства, которые объективно искажают механизмы конкуренции европейского штандорта с другими мировыми пространствами.

В целом пятилетний опыт деятельности европейских промышленных альянсов с точки зрения их позитивной роли в сетевой поддержке экономических субъектов в различных секторах индустрии в условиях цифровой и энергетической трансформации современной экономики представляет интерес как для России (особенно на фоне санкционного давления со стороны стран коллективного Запада), так и для ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белов В.Б. (2019) Европейский батарейный альянс // Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 98: сентябрь – ноябрь. С. 21–25. DOI: 10.15211/eufacts420192125
- Belov V. (2019) Yevropeyskiy batareynnyy al'yans [European Battery Alliance]. *Yevropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*. no. 98, pp. 21–25. DOI: 10.15211/eufacts420192125. (In Russ.)
- Белов В.Б. (2020a) Европейский альянс чистого водорода // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. № 5. С. 52–59. DOI: 10.15211/vestnikieran520205259
- Belov V. (2020a) Yevropeyskiy al'yans chistogo vodoroda [European Clean Hydrogen Alliance]. *Nauchno-analiticheskiy Vestnik IE RAN*. no. 5, pp. 52–59. DOI: 10.15211/vestnikieran52020525. (In Russ.)
- Белов В.Б. (2020b) Европейский сырьевой альянс // Научно-аналитический вестник ИЕР АН. № 6. С. 22–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620202231>
- Belov V.B. (2020b) Yevropeyskiy syr'yevoy al'yans [European Raw Materials Alliance]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. no. 6, pp. 22–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62020223>. (In Russ.)
- Кондратьев В.Б. (2022) Роль критически важных сырьевых материалов в условиях экономической неопределенности: опыт ЕС // Горная промышленность. № 4. С. 94–102. (<https://doi.org/10.30686/1609-9192-2022-4-94-102>)
- Kondrat'yev V.B. (2022) Rol' kriticheski vazhnykh syr'yevykh materialov v usloviyakh ekonomicheskoy neopredelennosti: opyt ES [The Role of Critical Raw Materials in Economic Uncertainty: The EU Experience]. *Gornaya promyshlennost*. no. 4, pp. 94–102. (<https://doi.org/10.30686/1609-9192-2022-4-94-102>). (In Russ.)
- Кондратьева Н.Б. (2019) Цифровизация единого рынка ЕС // В: Европа между трех океанов. Ред.: Ал. А. Громыко, В.П. Федоров. М.: Нестор-История. С. 379–395.
- Kondrat'yeva N.B. (2019) Tsifrovizatsiya yedinogo rynka YES [Digitalization of the EU Single Market]. In: *Yevropa mezhdu trekh okeanov*. Ed(s): Al. A. Gromyko, V.P. Fedorov. Moscow: Nestor-Istoriya. Pp. 379–395. (In Russ.)
- Кондратьева Н.Б. (2023) Господдержка в Европейском союзе: ослабление наднационального контроля и пятикратный рост // Научные труды ВЭО России. 241 том. С. 204–212. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-204-212
- Kondrat'yeva N.B. (2023) Gospodderzhka v Yevropeyskom soyuze: oslableniye nadnatsional'nogo kontrolya i pyatikatnyy rost [State Support in the European Union: Weakening of Supranational Control and Fivefold Growth]. *Nauchnyye trudy VEO Rossii*. no. 241, pp. 204–212. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-204-212. (In Russ.)
- Мельникова Ю. (2020) «Стратегическая автономия» в политике ЕС: под силу ли Европе манипулировать США и Китаем? // Аналитические статьи РСМД. 5 ноября. (<https://russiancouncil.ru/>)

analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/-strategicheskaya-avtonomiya-v-politike-es-pod-silu-li-evrope-manipulirovat-ssha-i-kitaem)

Mel'nikova YU. (2020) "Strategicheskaya avtonomiya!" v politike ES: pod silu li Evrope manipulirovat' SSHA i Kitaem? ["Strategic Autonomy" in EU Policy: Is Europe Capable of Manipulating the US and China?]. *Analiticheskie stat'i RSMD*. 5th November. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/-strategicheskaya-avtonomiya-v-politike-es-pod-silu-li-evrope-manipulirovat-ssha-i-kitaem>) (In Russ.)

Невская А.А. (2021) Опыт ЕС в построении стратегических цепочек добавленной стоимости: пример аккумуляторной отрасли // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 12. С. 109–117. (<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-109-117>)

Nevskaya A.A. (2021) Opyt YES v postroyenii strategicheskikh tsepochek dobavlennoy stoimosti: primer akkumulyatornoy otrasli [EU Experience in Building Strategic Value Chains: The Case of the Battery Industry]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. vol. 65, no. 12, pp. 109–117. (<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-109-117>). (In Russ.)

Невская А.А., Квашнин Ю.Д. (2022) Концепция открытой стратегической автономии ЕС: соединяя несоединимое // *Российский экономический журнал*. № 6. С. 64–77. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77

Nevskaya A.A., Kvashnin YU.D. (2022) Kontseptsiya otkrytoy strategicheskoy avtonomii ES: soyedin-yaya nesoyedinimoye [The Concept of Open Strategic Autonomy of the EU: Connecting the Incompatible]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. no. 6, pp. 64–77. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77 (In Russ.)

Сидорова Е.А. (2018) Промышленная политика и ее финансирование в ЕС // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 119–124.

Sidorova Ye.A. (2018) Promyshlennaya politika i yeyo finansirovaniye v ES [Industrial Policy and Its Financing in the EU]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*. no. 6, pp. 119–124. (In Russ.)

Сидорова Е.А. (2023) Концепция стратегической автономии в экономике ЕС: проблемы и перспективы реализации. Тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 17 мая. (<https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2023/17052023-TEZ-Sidorova.pdf>)

Sidorova Ye.A. (2023) Kontseptsiya strategicheskoy avtonomii v ekonomike YES: problemy i perspektivy realizatsii. Tезisy doklada k zasedaniyu Uchenogo soveta IMEMO RAN 17 maya [The Concept of Strategic Autonomy in the EU Economy: Problems and Prospects for Implementation. Abstracts of the Report for the Meeting of the Scientific Council of IMEMO RAS on May 17]. (<https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2023/17052023-TEZ-Sidorova.pdf>). (In Russ.)

Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией (2020) Ред.: Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир». 368 с.

Strategicheskaya avtonomiya YES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia] (2020) Ed(s.): N.K. Arbatova, A.M. Kokeyev. IMEMO RAN. Moscow: Ves' Mir. 368 p. (In Russ.)

Циренщиков В.С. (2020) Очередная версия промышленной политики ЕС // *Современная Европа*. № 6. С. 153–162. DOI: 10.15211/soveurope62020153162

Tsirenschikov V.S. (2020) Ocherednaya versiya promyshlennykh politiki YES [The Next Version of the EU Industrial Policy]. *Sovremennaya Yevropa*. no. 6, pp. 153–162. DOI: 10.15211/soveurope62020153162. (In Russ.)

Циренщиков В.С. (2021) Обновление промышленной стратегии ЕС // *Европейский Союз: факты и комментарии*. Выпуск 104: март – май. С. 27–30. DOI: 10.15211/eufacts220212730

Tsirenschikov V.S. (2021) Obnovleniye promyshlennoy strategii YES [Update of the EU Industrial Strategy]. *Yevropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*. no. 104, pp. 27–30. DOI: 10.15211/eufacts220212730

Шпангер Х.-Й. (2021) Неуловимая концепция в процессе становления // *Россия в глобальной политике*. Т. 19. № 5. С. 107–112. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-107-112.

Shpanger KH.-Y. (2021) Neulovimaya kontseptsiya v protsesse stanovleniya [An Elusive Concept in the Process of Formation]. *Rossiya v global'noy politike*. no. 5, pp. 107–112. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-107-112. (In Russ.)

Щербак И. (2020) Стратегическая автономия ЕС и проблемы формирования внешнеполитической повестки в эпоху пандемии // Современная Европа. № 6. С. 29–40. DOI: 10.152111/soveurope120202940

Shcherbak I. (2020) Strategicheskaya avtonomiya YES i problemy formirovaniya vneshnepoliticheskoy povestki v epokhu pandemii [Strategic Autonomy of the EU and the Problems of Forming a Foreign Policy Agenda in the Era of a Pandemic]. *Sovremennaya Evropa*. no. 6, pp. 29–40. DOI: 10.152111/soveurope120202940. (In Russ.)

Carlo D.D., Schmitz L. (2023): Europe First? The Rise of EU Industrial Policy Promoting and Protecting the Single Market // *Journal of European Public Policy*. Vol. 30. Issue 10. DOI: 10.1080/13501763.2023.2202684

Landesmann M., Stöllinger R. (2020) The European Union's Industrial Policy: What are the Main Challenges? // Policy Notes and Reports 36. January. 36 pp.

Szczepański M. (2020) Important Projects of Common European Interest. Boosting EU Strategic Value Chains. European Parliamentary Research Service. November. 10 p. ([https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659341/EPRS_BRI\(2020\)659341_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659341/EPRS_BRI(2020)659341_EN.pdf))

Terzi A., Singh A., Sherwood S. (2022) Industrial Policy for the 21st Century: Lessons from the Past. European Commission. 40 p. (https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-02/dp157_en_industrial_policy.pdf)

The EU's Industry Alliances (2021) Friends of the Earth Europe. April. 15 p. (<https://friendsoftheearth.eu/wp-content/uploads/2021/05/The-EUs-Industrial-Alliances.pdf>).

Yarosh-Dmytrenko L., Martyniak, I., Domyshe-Medyanyk A., Lukianets-Shakhova V., Yasinska T. (2022) Business Alliances in the Economy of EU Countries // *Amazonia Investiga*. No. 11. Pp. 249–258. (<https://doi.org/10.34069/AI/2022.53.05.25>)

Информация об авторе

Белов Владислав Борисович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. E-mail: belov@instituteofeurope.ru

About the author

Vladislav B. Belov, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Scientific Director, Head of the Country Studies Department and the Center for German Studies, Institute of Europe RAS. Address: 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya st., 11/3. E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 08.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.08.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 327.8:061.1EC+325(497-15)

DOI: 10.31857/S0869049923050052
EDN: MQBHKA

Оригинальная статья/ Original article

Управление транзитной миграцией в регионе Западных Балкан¹

© С.А. ГОРОХОВ, М.М. АГАФОШИН, Р.В. ДМИТРИЕВ

Горохов Станислав Анатольевич, Институт Африки РАН (Москва, Россия), stgorohov@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9984-6054

Агафшин Максим Михайлович, Институт Африки РАН (Москва, Россия), agafoshinmm@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0245-0481

Дмитриев Руслан Васильевич, Институт Африки РАН (Москва, Россия), dmitrievrv@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4018-9832

Европейский миграционный кризис превратил государства Западных Балкан в важнейший транзитный регион из стран Азии и Африки в государства Европейского союза. Именно ЕС как основной реципиент переселенцев проводит активную политику по управлению миграцией на территории стран западнобалканского региона. Главной целью политики руководства ЕС становится снижение масштабов нелегальных переселений и реформирование системы предоставления убежища за счет ее секьюритизации и экстернализации. В свою очередь государства Западных Балкан, взяв курс на евроинтеграцию, вынуждены следовать всем политическим решениям властей ЕС. Однако данные решения приводят к увеличению миграционного давления на страны региона, фактически превращая Западные Балканы в буферную зону, которая выполняет функцию фильтрации нелегальных мигрантов.

Ключевые слова: Западные Балканы, Европейский союз, транзитная миграция, миграционная политика, экстернализация, секьюритизация

Цитирование: Горохов С.А., Агафшин М.М., Дмитриев Р.В. (2023) Управление транзитной миграцией в регионе Западных Балкан // Общественные науки и современность. № 5. С. 62–72. DOI: 10.31857/S0869049923050052, EDN: MQBHKA.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00123, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

Transit Migration Management in the Western Balkans

© S. GOROKHOV, M. AGAFOSHIN, R. DMITRIEV

Stanislav Gorokhov, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
stgorohov@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9984-6054

Maksim Agafoshin, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
agafoshinmm@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0245-0481

Ruslan Dmitriev, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
dmitrievrv@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4018-9832

Abstract. The European migrant crisis has turned the Western Balkans states into the most important transit region from Asia and Africa to the European Union. Being the main recipient of migrants the EU carries an active migration management policy on the territory of the Western Balkan region. The main purposes of the EU's migration policy are to reduce the scale of illegal migration and reform the asylum system by means of securitization and externalization. In turn, the Western Balkans states heading for European integration are forced to follow all the political decisions of the EU authorities in the field of migration, hoping for an early entry into the organization. However, these decisions lead to an increase in migration pressure on the countries of the region, actually turning the Western Balkans into a buffer zone that performs the function of filtering the flows of illegal migrants.

Keywords: Western Balkans, European Union, transit migration, migration policy, externalization, securitization

Citation: Gorokhov S., Agafoshin M., Dmitriev R. (2023) Transit Migration Management in the Western Balkans. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 62–72. DOI: 10.31857/S0869049923050052, EDN: MQBНКА.

Территорию региона Западных Балкан можно очертить по-разному, исходя из географических, геополитических или культурно-этнических принципов. В контексте анализа миграции и ее регулирования предпочтительнее использовать геополитический принцип. Само понятие «Западные Балканы» возникло в Брюсселе в 1999 г. в результате Процесса стабилизации и ассоциации (SAP), который предусматривал возможное членство стран Балканского полуострова в ЕС² [Pippan 2004]. Первым шагом на пути их интеграции стала готовность соответствовать Копенгагенским критериям³, включая «уважение к демократическим ценностям ЕС и приверженность их продвижению». Исходя из соблюдения действующих правил первыми в ЕС были приняты Словения и Хорватия.

Ныне в регион Западных Балкан входят Албания, Босния и Герцеговина (БиГ), Северная Македония, Сербия, Черногория, а также частично признанная Республика Косово. Обладающий культурными, этническими и религиозными особенностями Балканский регион заметно отличается от стран Западной Европы, составляющих ядро Евросоюза. Поэтому балканские страны было решено принимать в ЕС постепенно, не все сразу, подготавливая их общество к «демократическим ценностям ЕС». Однако политические элиты Евросоюза прекрасно осознают важное геополитическое значение этих стран [Пономарева, Арляпова 2023]. Один из классиков западной политической мысли З. Бжезинский писал, что Балканы

² Stabilisation and Association Process. European Commission. 30.06.2023. (https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/glossary/stabilisation-and-association-process_en).

³ European Council in Copenhagen 21–22 June 1993 Conclusions of the Presidency. European Commission. 30.06.2023. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/DOC_93_3).

«...расположенные по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке...имеют важное значение с геополитической точки зрения» [Бжезинский 1999, 150]. Поэтому в ЕС понимают необходимость разработки многоаспектной политики в отношении Западных Балкан, цель которой – добиться полного экономического и политического доминирования в регионе. Необходимым условием достижения этой цели становится стремление устранить в регионе влияние других политических игроков, прежде всего России и Китая, а также Турции и арабских стран Персидского залива [Калоева 2019; Markovic, Khaze 2022].

Согласно официальной позиции ЕС, перспектива вступления в этот союз должна стать стимулом для реформ на Западных Балканах. Страны региона на протяжении многих лет вынуждены были модернизировать экономику и законодательство, чтобы соответствовать критериям Процесса стабилизации и ассоциации. В дополнение к действовавшим нормам Евросоюз инициировал новые региональные инициативы сотрудничества с Западными Балканами [Щербак 2021]. Так возникли Брдо-Брионский (2013 г.) и Берлинский (2014 г.) процессы, в рамках которых обсуждают вопросы модернизации миграционного законодательства, легальной миграции, а также противодействия потокам нелегальной миграции на Западных Балканах. Кроме того, с 2018 г. проводятся ежегодные саммиты ЕС – Западные Балканы, в повестку которых традиционно включают вопросы, касающиеся миграции населения и сотрудничества в области пограничного контроля. В настоящее время все государства региона получили официальный статус кандидатов на вступление в ЕС. Однако имея в виду пример Турции, которая располагает этим статусом уже почти четверть века, можно предположить, что вступление государств Западных Балкан в ЕС отнюдь не гарантировано [Hasanova 2022].

Транзитная миграция на Западных Балканах: действия ЕС

Одной из основных причин усиленного внимания Евросоюза к интеграции государств Западных Балкан стало стремление ограничить доступ на свою территорию мигрантов из развивающихся стран [Абрамова 2015; Тимакова 2022]. Особую актуальность для ЕС вопросы миграционной политики приобрели в 2015 г., когда всего за несколько лет Евросоюз вынужден был принять 2,5 млн беженцев⁴ – беспрецедентный случай в послевоенной европейской истории. Ключевым направлением для перемещений в Европу стал Балканский маршрут, позволявший переселенцам из стран Ближнего Востока и Африки, минуя Западные Балканы, добираться до Западной и Северной Европы, прежде всего Германии и Швеции [Агафошин, Горохов, Дмитриев 2023]. Так, из почти 1 млн беженцев, нашедших убежище в Германии в 2015 г., около 800 тыс. следовали через Западные Балканы, в том числе более 600 тыс. были зарегистрированы в центре приема в Прешеве (Сербия)⁵. Таким образом, благодаря своему геополитическому положению Западные Балканы стали регионом транзитной миграции, своеобразным мостом для переселенцев из развивающихся стран, стремящихся обосноваться в ЕС. Рекордное количество прибытий в Европейский союз по Балканскому маршруту пришлось на 2015 г. (табл. 1). В дальнейшем оно стало

⁴ First instance decisions on applications by citizenship, age and sex annual aggregated data. Eurostat. 30.06.2023. (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asydcfsta/default/table).

⁵ Mandić D. (2017). Anatomy of a Refugee Wave: Forced Migration on the Balkan Route as Two Processes. 30.06.2023. (<https://www.europenowjournal.org/2017/01/04/anatomy-of-a-refugee-wave-forced-migration-on-the-balkan-route-as-two-processes/>).

сокращаться вследствие прежде всего изменения миграционной политики ЕС в рамках тренда на обеспечение безопасности.

Таблица 1.

**Нелегальные пересечения границ ЕС через Западно-Балканский маршрут,
2009 г. – июль 2023 г.**

Table 1.

Illegal border crossings of the EU on the Western Balkan route, 2009 – July 2023

Год	Количество нелегальных пересечений границы, чел.
2009	3089
2010	2371
2011	4658
2012	6291
2013	19957
2014	43355
2015	764033
2016	130325
2017	12179
2018	5869
2019	15152
2020	26969
2021	61735
2022	145600
2023 июль	52232

Источник: составлено авторами по Monitoring and risk analysis. Migratory map. Frontex. 07.08.2023. (<https://frontex.europa.eu/what-we-do/monitoring-and-risk-analysis/migratory-map/>)

Source: compiled by the authors on the basis of Monitoring and risk analysis. Migratory map. Frontex. 07.08.2023. (<https://frontex.europa.eu/what-we-do/monitoring-and-risk-analysis/migratory-map/>).

Слабо контролируемое масштабное перемещение в Европу людей из регионов с иными культурой, религией и образом жизни привело к ужесточению в странах ЕС общественного дискурса относительно иммиграции. В результате вопросы миграционной политики стали частью широкой дискуссии об обеспечении безопасности стран Евросоюза, их защиты от угроз экономической нестабильности, терроризма и роста преступности. Наблюдалась своего рода дегуманизация переселенцев, которых стали воспринимать как угрозу национальной безопасности и социальной сплоченности европейских стран [Арбатова 2022], а само прибытие в Евросоюз миллионов мигрантов приобрело отрицательную коннотацию, получив название «европейского миграционного кризиса». Во многих странах ЕС на выборах усилилась поддержка партий с антимиграционной риторикой [Агафшин 2020].

Таким образом, Евросоюз столкнулся с насущной необходимостью выработать новую миграционную политику, чтобы управлять масштабными потоками беженцев и нелегальных мигрантов, а также повысить эффективность защиты и безопасности государств-членов. Решение этой сложной задачи предполагало тесное сотрудничество с соседями, в том числе в регионе Западных Балкан. Вследствие восприятия роста количества переселенцев как угрозы безопасности и вынесения миграционного регулирования в область внешней политики сформировались главные тренды миграционной политики Союза, обусловившие ее секьюритизацию и экстернализацию. Страны Западных Балкан были вынуждены

следовать в фарватере миграционной политики ЕС, соответствие которой оценивалось в качестве одного из критериев их готовности к членству в организации.

Первоначально, в 2015 г., Евросоюз, как и государства Западных Балкан, оказался совершенно не готов к резкому росту миграционных потоков, что объясняет несколько запоздалую реакцию на эту тенденцию. Миграционная политика ЕС формировалась поэтапно, как ответ на развитие миграционного кризиса, в центре которого оказались Западные Балканы.

Начало кризиса пришлось на весну 2015 г., когда, не справляясь с наплывом беженцев, Греция временно приостановила их регистрацию на своей территории и позволила продвигаться дальше через Западные Балканы в страны Западной и Северной Европы. Таким образом, фактически было приостановлено действие Дублинского регламента – фундаментального документа миграционной политики ЕС, согласно которому ответственность за предоставление убежища лежит на государстве, которое оказалось первым для беженца, вступившего на территорию Евросоюза⁶. Реагируя на миграционный кризис, страны Западных Балкан выработали три возможные стратегии: ничего не делать, предоставив мигрантам возможность самим решать свои проблемы; активно содействовать их транзиту через свою территорию; закрыть границы, остановив потоки беженцев. Нередко все три стратегии комбинировались, что еще более усугубляло кризис в регионе [Abikova, Piotrowicz 2021].

В октябре 2015 г. по итогам саммита в Брюсселе с целью разрешить кризис был принят «План действий из 17 пунктов» (так называемый План Юнкера). В этом документе страны Западных Балкан (Македония, Сербия и Албания) впервые были названы регионом транзитной миграции, подчеркивалась необходимость совместного с ними управления миграционными потоками. Основные элементы нового плана – предложения по совершенствованию сухопутного пограничного контроля между странами за пределами ЕС и Шенгенской зоны, распределение квот по приему мигрантов между странами Евросоюза и строительство лагерей для ищущих убежище. Таким образом, ЕС официально перешел к стратегии сдерживания миграционных потоков на своей периферии, то есть в странах транзитной миграции⁷.

В марте 2016 г. между ЕС и Турцией было заключено соглашение, направленное на сдерживание потоков нелегальной миграции, которое предусматривало возвращение в Турцию всех новых нелегальных мигрантов, пересекших ее границу и оказавшихся в Греции⁸. Это соглашение привело к официальному закрытию Западно-Балканского маршрута в результате совместной блокировки своих государственных границ всеми странами вдоль маршрута. В результате численность нелегальных мигрантов, использовавших маршрут, стала сокращаться (табл. 1), однако более 75 тыс. из них оказались запертыми в границах отдельных транзитных стран, что привело к возникновению в регионе лагерей их временного размещения [Kogovšek, Šalamon 2016].

В июне 2016 г. ЕС принял Глобальную стратегию по внешней политике и политике безопасности, в которой к ряду новых угроз причислили миграцию, интегрируя ее регулирование во внешнеполитическую деятельность объединения. Был формально закреплён тренд на секьюритизацию миграционной политики⁹, который проявился как на общеев-

⁶ Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council. 26 June 2013. 30.06.2023. (<http://data.europa.eu/eli/reg/2013/604/2013-06-29>).

⁷ Meeting on the Western Balkans Migration Route: Leaders Agree on 17-point plan of action. European Commission. 30.06.2023. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_15_5904).

⁸ Implementing the EU-Turkey Statement – Questions and Answers. European Commission. 30.06.2023. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_16_4321).

⁹ About the European External Action Service. EEAS. 30.06.2023. (https://www.eeas.europa.eu/eeas/about-european-external-action-service_en).

ропейском уровне, так и на уровне отдельных стран. В мае 2016 г. ввели пограничный контроль в некоторых странах Шенгенской зоны (Австрия, Германия, Хорватия, Венгрия, Словакия и др.), что способствовало уменьшению мощности потоков трансграничной нелегальной миграции по Западно-Балканскому маршруту. В сентябре 2016 г. было принято решение о расширении полномочий агентства Европейского союза по безопасности внешних границ – Фронтекс (Frontex), преобразованного в полноценное Европейское агентство пограничной и береговой охраны¹⁰. В результате агентство стало нести ответственность за комплексный пограничный контроль на внешних границах ЕС и эффективность управления миграционными потоками. Как предполагалось, активное взаимодействие Фронтекс с национальными пограничными службами всех европейских стран должно было обеспечить высокий уровень безопасности стран Евросоюза.

Противодействуя миграции, некоторые страны ЕС пошли по пути еще большей секьюритизации. Так, Венгрия – одна из ключевых стран на Западно-Балканском маршруте – в марте 2017 г. приняла рестриктивный закон, запрещающий беженцам свободно перемещаться по своей территории, а спустя месяц завершила продолжавшееся почти два года строительство заграждений на границе с Сербией [Четверикова 2017]. Вследствие этого Балканский маршрут изменил направление, и мигранты, миновав Сербию и обходя венгерскую территорию, направлялись через Хорватию и Словению в Австрию и далее в страны Западной и Северной Европы. Летом 2015 г., когда было заявлено о начале строительства стены на венгерско-сербской границе, это событие вызвало в Евросоюзе большое возмущение, однако к 2023 г. барьеры были возведены уже на 19 внешних границах ЕС, а их общая протяженность увеличилась по сравнению с 2014 г. с 315 км до 2048 км¹¹.

Тем не менее нельзя сказать, что в борьбе против нелегальной миграции Евросоюз полагается исключительно на строительство стен на границах. В ноябре 2017 г. с целью повысить эффективность контроля и выявлять случаи подделки документов и мошенничества с использованием персональных данных был утвержден регламент въезда-выезда в страны ЕС¹². Этот регламент предусматривает создание автоматизированной системы регистрации пересечения границ, а также возможность отказа во въезде иностранным гражданам, пересекающим внешние границы ЕС. Иначе говоря, ЕС создал единую систему, позволяющую в том числе ускорить рассмотрение заявлений об убежище с занесением биометрических данных просителей в систему Eurodac (единая база данных отпечатков пальцев и ладоней). Действуя таким образом, Евросоюз стремится достичь основных целей своей миграционной политики: с одной стороны, сделать свою территорию более доступной для легальных иммигрантов, с другой – затруднить проникновение нелегальных мигрантов.

Секьюритизация миграционной политики и ужесточение пограничного контроля в странах Западных Балкан привели к трансформации тактики самих переселенцев. Приспосабливаясь к новым стандартам политики ЕС, мигранты находят возможность миновать контроль на европейских границах, используя новые маршруты проникновения в Евросоюз. Постепенно Балканский маршрут претерпевал изменения: мигранты все больше использовали в качестве транзитной территорию Боснии и Герцеговины, Албании

¹⁰ European Border and Coast Guard: final approval. Council of the EU and the European Council. 30.06.2023. (<https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/09/14/european-border-coast-guard/>).

¹¹ Walls and fences at EU borders. European Parliament. 30.06.2023. ([https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2022\)733692](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)733692)).

¹² Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code). 30.06.2023. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32016R0399>).

и Черногории, и с 2019 г. количество нелегальных пересечений границ стран Западных Балкан вновь стало расти (табл. 1).

Новые вызовы миграции: реакция ЕС

Очередное обострение на юго-восточной границе ЕС произошло в конце февраля – начале марта 2020 г., когда более 117 тыс. сирийских беженцев прорвались на территорию Греции, после того как Турция открыла для них границу с целью шантажировать страны ЕС в период эскалации военного конфликта в сирийском Идлибе [Власова 2021; Hüseyinoğlu, Utku 2021]. Только закрытие почти всеми странами региона Западных Балкан своих границ в марте 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 позволило к концу года стабилизировать ситуацию на Балканском маршруте. Эти события еще раз показали важность создания в ЕС эффективных механизмов взаимодействия в сфере управления миграционными процессами с государствами транзитных регионов.

Именно в этом русле продолжило развиваться сотрудничество со странами Западных Балкан. ЕС стал целенаправленно проводить линию на встраивание стран региона в свое нормативно-правовое пространство: еще в 2009 г. был введен в действие Пражский процесс, направленный на совместное регулирование миграции на обширной территории, включающей и Западные Балканы. Исходя из требований ЕС в странах региона было обновлено миграционное законодательство. Изменения касались прежде всего норм предоставления убежища и временной защиты, а также организации контрольных мероприятий на границе. В течение 2015–2021 гг. соответствующие нормативно-правовые документы были утверждены всеми странами региона¹³.

Новые подходы к решению проблем миграции нашли свое воплощение в представленном в сентябре 2020 г. Еврокомиссией проекте Пакта о миграции и убежище¹⁴. В случае его одобрения всеми 27 странами Союза он должен прийти на смену действующему с 1990 г. Дублинскому регламенту. Пакт представляет собой, скорее, корректировку тех положений, которые в настоящее время уже лежат в основе общей миграционной политики ЕС. По документу, предложено вынести процедуры пограничного контроля и предоставления убежища в страны за пределами ЕС, в том числе в государства Западных Балкан. Вводится ускоренная процедура рассмотрения заявления об убежище в странах транзита с использованием совместимых с Euroda региональных дактилоскопических систем, предусматривается реадмиссия тех лиц, чьи заявления были отклонены¹⁵. Таким образом, в соответствии с политикой по развитию внешнего управления (экстернализация) миграционными процессами ЕС возлагает на транзитные страны Западных Балкан ответственность за временное размещение мигрантов, рассмотрение ходатайств о предоставлении им политического убежища и отправку их обратно на родину в случае отказа в предоставлении статуса беженца. В рамках нового Пакта о миграции и убежище были достигнуты соглашения, предусматривающие доступ Фронтекс к управлению государственными границами на территории Западных Балкан¹⁶, что фактически позволяет Евросоюзу взять в свои руки контроль за миграционными потоками в регионе.

¹³ Пражский процесс. Государства и партнеры. 30.06.2023. (<https://www.pragueprocess.eu/ru/about/states-partners>)

¹⁴ What is the New Pact on Migration and Asylum of the EU? European Commission. 30.06.2023. (https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/new-pact-migration-and-asylum_en).

¹⁵ Communication from the Commission on a New Pact on Migration and Asylum. European Commission. 30.06.2023. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0609>).

¹⁶ Cooperation with third countries. Strengthening the EU's external borders. Council of the EU and the European Council. 30.06.2023. (<https://www.consilium.europa.eu/en/policies/strengthening-external-borders/>).

В 2022 г. в странах Западных Балкан было зарегистрировано 145,6 тыс. (по другим данным 192,3 тыс.¹⁷) нелегальных пересечений границы мигрантами, что в 2,3 раза превышает показатели предыдущего года и почти в 25 раз – 2018 г. Это самый высокий показатель для региона с 2015 г.

Реакцией Еврокомиссии на увеличение миграционного давления на Западно-Балканском маршруте в определенной мере стало принятие Плана действий ЕС по Западным Балканам. Этот документ увидел свет в преддверии саммита «ЕС–Западные Балканы», который состоялся 8 декабря 2022 г. в Тиране. План предусматривает принятие 20 оперативных мер, объединенных в пять направлений: 1) усиление пограничного контроля на миграционных маршрутах; 2) введение оперативных процедур предоставления убежища и дополнительных возможностей для приема просителей убежища; 3) активизация борьбы с незаконным ввозом в ЕС мигрантов; 4) расширение сотрудничества в области реадмиссии; 5) согласование визовой политики стран региона и ЕС¹⁸.

Исходя из приоритетных направлений сотрудничества Евросоюза со странами региона на тиранском саммите был принят документ по противодействию незаконной миграции, составленный на основе разработанного Еврокомиссией Плана действий ЕС по Западным Балканам. Для улучшения процедур пограничного контроля, борьбы с незаконным ввозом мигрантов и торговли людьми Брюссель одобрил финансовую помощь странам Западных Балкан в объеме 70 млн евро. Одной из важных целей Тиранского саммита было согласование со странами региона визовой политики, позволяющей не допустить проникновения в Евросоюз мигрантов из государств, с которыми западнобалканские страны имеют соглашение о безвизовом пересечении границ. Прежде всего имеются в виду африканские, азиатские и латиноамериканские страны, такие как Бурунди, Иран, Куба и др. Наличие у половины стран региона соглашения о безвизовом режиме с Россией также не укладывается в русло русофобской политики Брюсселя и вызывает в ЕС резкое недовольство.

Еще один болезненный вопрос, по которому ЕС пока не удается прийти к общему мнению со странами региона – программа экономического гражданства. Так, в 2019 г. в Черногории был принят закон, согласно которому лица, инвестирующие в ее экономику сумму более 250 млн евро, могут получить «золотые паспорта», то есть стать гражданами страны. По мнению Еврокомиссии, данный проект угрожает внутренней безопасности стран ЕС и даже может привести к отмене безвизового режима для Черногории¹⁹.

Заключение

Несмотря на все попытки Евросоюза ограничить незаконную миграцию на свою территорию, в последние годы она только растет. Так, в 2022 г. было зафиксировано более 330 тыс. нелегальных пересечений границ ЕС²⁰, что на 64% больше, чем годом ранее. При этом на страны Западных Балкан пришлось почти половина всех нелегальных перехо-

¹⁷ Migration Trends in the Western Balkans 2022. IOM. 30.06.2023. (<https://bih.iom.int/resources/migration-trends-western-balkans-2022>).

¹⁸ EU Action Plan on the Western Balkans. European Commission. 30.06.2023. (https://home-affairs.ec.europa.eu/eu-action-plan-western-balkans_en).

¹⁹ Mirkovic M. Montenegro external relations briefing: EU Western Balkan Summit 2022: where is Montenegro in the EU process? China-CEE Institute. 30.06.2023. (<https://china-cee.eu/2022/12/13/montenegro-external-relations-briefing-eu-western-balkan-summit-2022-where-is-montenegro-in-the-eu-process/>).

²⁰ EU's external borders in 2022: Number of irregular border crossings highest since 2016, Frontex. 30.06.2023. (<https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/eu-s-external-borders-in-2022-number-of-irregular-border-crossings-highest-since-2016-YsAZ29>).

дов границы и, судя по тенденции первой половины 2023 г., их территория останется важным регионом транзитной миграции для нелегалов. В этой связи руководство ЕС крайне заинтересовано в полном контроле над миграцией и пограничными службами этого важного с геополитической точки зрения региона, превращении его в буферную зону, защитный барьер на пути нелегальных мигрантов. Такая стратегия Брюсселя в отношении Западных Балкан подразумевает, что реформирование миграционных законодательств стран региона будет продолжено под усиленным внешним влиянием, как и оказание этим странам ограниченной финансовой помощи в рамках управления миграционными процессами. Однако подобная политика ЕС вряд ли приближает их к обретению статуса полных членов организации.

В самом регионе Западных Балкан нарастают скептические настроения по отношению к ЕС. Так, к 2022 г. общественная поддержка членства в Евросоюзе снизилась на шесть процентных пунктов по сравнению с 2015 г. и составляет сейчас 60%, однако в Боснии и Герцеговине она достигает лишь 50%, а в Сербии – 38%²¹. Усиление недовольства населения выбранным элитами экономическим курсом имеет своим следствием масштабную эмиграцию. Можно сказать, что граждане западнобалканских государств «вступают» в ЕС быстрее, чем их страны. Депопуляция в регионе приобрела угрожающие масштабы. Например, 37% граждан Албании²² и более половины населения Боснии и Герцеговины живут за их пределами; по этому показателю эти два государства занимают соответственно первое и второе места в Европе²³. На место уехавших местных жителей приходят мигранты из развивающихся стран Азии и Африки. Вероятно, руководство ЕС вполне устраивает подобная ситуация, ведь главное для него – обеспечение безопасности государств-членов Евросоюза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамова И.О. (2015) Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности // Ученые записки Института Африки РАН. № 2(33). С. 127–136.

Abramova I.O. (2015) Afrikanskaya transgranichnaya migratsiya i problem mezhhdunarodnoi bezopasnosti [African Trans-border Migration and Problems of International Security]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*. no. 2(33), pp. 127–136. (In Russ.)

Агафшин М.М. (2020) Миграционный фактор трансформации политического ландшафта в странах Евросоюза // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6. № 3. С. 116–125.

Agafoshin M.M. (2020) Migratsionnyi faktor transformatsii politicheskogo landshafta v stranakh Evrosoyuza [Migration Factor of Transformation of the Political Landscape in the EU Countries]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. vol. 6. no. 3, pp. 116–125. (In Russ.)

Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. (2023) Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. № 1. С. 29–43. DOI: 10.21638/spbu07.2023.102

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. (2023) Prostranstvennaya transformatsiya migratsionnoy sistemy v period krizisa [Spatial transformation of the migration system during the crisis]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. vol. 68. no. 1, pp. 29–43. DOI: 10.21638/spbu07.2023.102. (In Russ.)

²¹ Taylor P. (2022) Seize the geopolitical moment. The Western Balkans and European security. 30.06.2023. (<https://www.friendsofeurope.org/insights/seize-the-geopolitical-moment-the-western-balkans-and-european-security/>).

²² Diaspora nēshifra. INSTAT. 2020. 30.06.2023. (<http://www.instat.gov.al/media/7848/diaspora-ne-shifra-2020.pdf>).

²³ Kondan S. (2020) Southeastern Europe Looks to Engage its Diaspora to Offset the Impact of Depopulation. 30.06.2023. (<https://www.migrationpolicy.org/article/southeastern-europe-seeks-offset-depopulation-diaspora-ties>).

Арбатова Н.К. (2022) Миграционная угроза безопасности ЕС: предрассудки и реальность // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 2. С. 61–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-61-70

Arbatova N.K. (2022) Migracionnaya ugroza bezopasnosti ES: predrassudki i real'nost' [Migration Threat to EU Security: Prejudices and Realities]. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya*. vol. 66. no. 2, pp. 61–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-61-70 (In Russ.)

Власова К.В. (2021) Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион Восточного Средиземноморья // Современная Европа. № 3. С. 27–37. DOI: 10.15211/soveurope320212737

Vlasova K.V. (2021) Greko-turetskoe protivostoyaniye i ego vliyaniye na region Vostochnogo Sredizemnomor'ya [Greek-Turkish Confrontation and its Influence on the Eastern Mediterranean]. *Sovremennaya Evropa*. no. 3, pp. 27–37. DOI: 10.15211/soveurope320212737 (In Russ.)

Бжезинский З. (1999) Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. М.: Международные отношения. 256 с.

Bzhezinskii Z. (1999) *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Amerik i ego strategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 256 p. (In Russ.)

Калоева Е.Б. (2019) Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан. (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 235–265. DOI: 10.31249/ape/2019.03.11

Kaloeva E.B. (2019) Otechestvennyye i zarubezhnyye issledovateli o nastoyashchem i budushchem Zapadnykh Balkan. (Analiticheskii obzor) [Domestic and Foreign Researchers on the Present and the Future of the Western Balkans (The Analytical Review)]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 3, pp. 235–265. DOI: 10.31249/ape/2019.03.11 (In Russ.)

Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. (2023) Западные Балканы: тренды влияния внешних заинтересованных // Дискурс-Пи. Т. 20. № 1. С. 86–106. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_86

Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. (2023). Zapadnye Balkany: trendy vliyaniya vnesnih interesantov [Western Balkans: Influence Trends of External Stakeholders]. *Diskurs-Pi*. vol. 20. no. 1, pp. 86–106. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_86 (In Russ.)

Тимакова О.А. (2022) Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 29–37. DOI: 10.31857/S032150750015837-2

Timakova O.A. (2022) Vzaimodeistvie Evrosoyuza so stranami Yugo-Vostochnogo Sredizemnomor'ya: ot «kol'tsa druzei» k «kol'tsu ognya» [European Union interaction with South-Eastern Mediterranean: From «Ring of friends» to «Ring of fire»]. *Aziya i Afrika segodnya*. no. 2, pp. 29–37. DOI: 10.31857/S032150750015837-2 (In Russ.)

Четверикова А.С. (2017) Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 4. С. 130–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143

Chetverikova A.S. (2017) Polozhenie stran Vishegradskoj gruppy v usloviyah obostreniya migracionnogo krizisa v ES [Position of the Countries of the Visegrad Group in Conditions of the Worsening European Migration Crisis]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. vol. 10. no. 4, pp. 130–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143 (In Russ.)

Щербак И.Н. (2021) Западные Балканы в стратегии Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 41–47. DOI: 10.15211/vestnikieran320214147

Shcherbak I.N. (2021) Zapadnye Balkany v strategii Evrosoyuza [The Western Balkans in EU's Strategy]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. no. 3, pp. 41–47. DOI: 10.15211/vestnikieran320214147 (In Russ.)

Abikova J., Piotrowicz W. (2021) Shaping the Balkan corridor: Development and changes in the migration route 2015–16 // *International Migration*. vol. 59. no 5, pp. 248–265. DOI: 10.1111/imig.12828

Hasanova Ja.V. (2022) EU's Eastward Enlargement Policy in the 1990s and Turkey // *Voprosy Istorii*. no. 1–2, pp. 177–190. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi68

Hüseyinoğlu A., Utku D.E. (2021). Turkish-Greek Relations and Irregular Migration at the Southeastern most Borders of the EU: The 2020 Pazarkule Case // *Migration Letters*. vol. 18. no. 6, pp. 659–674. DOI:10.33182/ml.v18i6.1235

Kogovšek, Šalamon N. (2016) Asylum Systems in the Western Balkan Countries: Current Issues // *International Migration*. vol. 5. no. 6, pp. 151–163. DOI: 10.1111/imig.12273

Markovic, Khaze N. (2022) Perceptions of the EU in the Western Balkans vis-à-vis Russia and China // *European Foreign Affairs Review*. vol. 27. no. 1, pp. 81–108. DOI: 10.54648/eerr2022006

Pippan C. (2004) The Rocky Road to Europe: The EU's Stabilisation and Association Process for the Western Balkans and the Principle of Conditionality // *European Foreign Affairs Review*. vol. 9. no. 2, pp. 219–245. DOI: 10.54648/eerr2004014

Информация об авторах

Горохов Станислав Анатольевич, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН. Адрес: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: stgorohov@yandex.ru

Агафшин Максим Михайлович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН. Адрес: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Дмитриев Руслан Васильевич, доктор географических наук, заместитель директора Института Африки РАН. Адрес: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

About the authors

Stanislav A. Gorokhov, Doctor of Sciences (Geography), Professor, Leading Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russian Federation, 123001. E-mail: stgorohov@yandex.ru

Maksim M. Agafoshin, Candidate of Sciences (Geography), Senior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russian Federation, 123001. E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Ruslan V. Dmitriev, Doctor of Sciences (Geography), Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russian Federation, 123001. E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 01.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 09.08.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 33

DOI: 10.31857/S0869049923050064
EDN: MQGZZE

ЦИФРОВИЗАЦИЯ DIGITALIZATION

Оригинальная статья/ Original article

Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС)¹

© С.В. ГОЛОВАНОВА, Д.В. КОРНЕЕВА., С.А. ЗАЯЦ

Голованова Светлана Викторовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия), svgolovanova@hse.ru. ORCID: 0000-0001-6876-3950

Корнеева Дина Владиславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия), dkorneeva@hse.ru. ORCID: 0000-0001-9387-9373

Заяц Софья Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия), szayats@hse.ru. ORCID: 0009-0003-9306-5988

Описаны особенности цифровых платформ, которые становятся причиной опасений в связи с их влиянием на конкуренцию. Проанализированы уязвимости традиционного антимонопольного законодательства применительно к цифровым платформам. Цель исследования – охарактеризовать и сопоставить действующие и находящиеся в разработке законы, которые станут основой конкурентной политики в отношении цифровых платформ в США, ЕС, КНР и РФ. Сопоставлены российские нормы, регулирующие действия цифровых платформ, с новым зарубежным законодательством.

Ключевые слова: цифровые платформы, инструменты конкурентной политики, антимонопольное законодательство

Цитирование: Голованова С.В., Корнеева Д. В., Заяц С.А. (2023) Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС) // Общественные науки и современность. № 5. С. 73–86. DOI: 10.31857/S0869049923050064, EDN: MQGZZE.

¹ Благодарность. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы также благодарят ФЭН НИУ ВШЭ за финансовую поддержку студентов и аспирантов в научных подразделениях факультета.

Acknowledgement. The study was performed in the frame of the HSE Programme of fundamental research. The authors express gratitude to the HSE Faculty of Economics for financial aid to students and postgraduates of the scientific units of the Faculty.

New Guidelines for Digital Platform Competition Policy: A Comparative Analysis (Russia, USA, China, EU)

© S. GOLOVANOVA, D. KORNEEVA, S. ZAYATS

Svetlana V. Golovanova, HSE University in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), svgolovanova@hse.ru. ORCID: 0000-0001-6876-3950

Dina V. Korneeva, HSE University in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), dkorneeva@hse.ru. ORCID: 0000-0001-9387-9373

Sophia A. Zayats, HSE University in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), szayats@hse.ru. ORCID: 0009-0003-9306-5988

Abstract. The characteristics of digital platforms are described. The analysis of the difficulties in applying traditional approaches to digital platforms is provided. The goal is to characterize and compare the existing and draft laws that will serve as the cornerstone of competition policy for digital platforms in the United States, the European Union, China, and Russia. The question of whether there are differences between Russian legislation regulating the activity of digital platforms and new foreign laws is answered.

Keywords: digital platforms, competition policy, antitrust enforcement

Citation: Golovanova S., Korneeva D., Zayats S. (2023) New Guidelines for Digital Platform Competition Policy: A Comparative Analysis (Russia, USA, China, EU). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 73–86. DOI: 10.31857/S0869049923050064, EDN: MQGZZE.

Развитие новых форм бизнес-моделей – многосторонних технологических платформ и экосистем – порождает новые рынки и преобразует уже существующие. По прогнозу экспертов международной консалтинговой фирмы McKinsey (Нью-Йорк, США), уже к 2025 г. на цифровые экосистемы придется до 30% глобального ВВП². Учитывая растущее влияние цифровых платформ (ЦП) на жизнь общества (упрощение бизнес-процессов, создание рабочих мест³ и др.), регулирующие органы многих стран пристально наблюдают за цифровыми рынками и их участниками. Развитие ЦП, с одной стороны, порождает новые экономические возможности. С другой стороны, их распространение при определенных условиях способствует появлению акторов с доминирующим положением на цифровом рынке, что может привести к злоупотреблениям и ограничению конкуренции в данной сфере⁴. Способы ограничения конкуренции на традиционных односторонних рынках товаров и услуг хорошо известны, однако подходы к выявлению антиконкурентных практик в отношении многосторонних платформ еще не до конца определены.

По мнению большинства экспертов, традиционное антимонопольное законодательство не предотвращает злоупотребление доминирующим положением со стороны крупных платформ и не обеспечивает эффективный контроль слияний и поглощений, поскольку оно не учитывает особенности бизнес-модели многосторонних платформ [Авдашева, Юсупова, Корнеева 2022]: сетевые эффекты, многосторонность, роль относительных цен

² Insurance beyond digital: The rise of ecosystems and platforms. McKinsey & Company. January 10, 2018. (<https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/insurance-beyond-digital-the-rise-of-ecosystems-and-platforms>).

³ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. Министерство экономического развития Российской Федерации. (https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/konceptsiya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/).

⁴ Экономический разговор. (<https://econs.online/>).

и информации, др. Развитие бизнес-моделей опережает подготовку антимонопольного правоприменения, поэтому антимонопольные запреты для ЦП не эффективны: вынесенные решения не актуальны уже в момент их принятия.

В результате повышается актуальность разработки новых правовых норм в отношении ЦП, которые устраняют недостатки традиционных подходов. Процесс осложняют противоречия в оценках того, насколько эффективно действуют по отношению к ЦП инструменты конкурентной политики.

Во многих странах мира, как и в России, ускоряется процесс законотворчества, направленный на совершенствование конкурентного законодательства. Среди таких инициатив:

1. Пятый антимонопольный пакет Российской Федерации (Проект ФЗ № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (в части совершенствования антимонопольного регулирования «цифровых» рынков), закон подписан Президентом РФ 10 июля 2023 г. и вступил в силу 1 сентября 2023 г.⁵), далее – Пятый пакет.

2. Закон о цифровых рынках Европейского союза (Digital Market Act, вступил в силу в 2022⁶), далее – DMA.

3. Антимонопольный закон Китая, дополненный поправками (Anti-Monopoly Law, поправки вступили в силу в 2022⁷), далее – AML.

4. Пять законопроектов США: проект закона об онлайн-инновациях и выборе в Интернете, США (American Innovation and Choice Online Act, H.R. 3816⁸, размещен в Union Calendar No. 475), далее – AICOA; проект закона об окончании монополий платформ, США (Ending Platform Monopolies Act, H.R.3825⁹, постановлено внести изменения в 2021 г.), далее – EPMA; проект закона о конкуренции и возможностях платформ, США (Platform Competition and Opportunity Act, H.R.3826¹⁰, постановлено внести изменения в 2021 г.), далее – PCOA; проект закона о модернизации сборов за подачу документов о слиянии, США (Merger Filing Fee Modernization Act, H.R.3843¹¹, получен в Сенате в 2022 г.), далее – MFFMA; проект закона о повышении совместимости и конкуренции путем обеспечения возможности переключения услуг, США (Augmenting Compatibility and Competition by Enabling Service Switching Act, S. 4309¹², внесен на рассмотрение в 2022 г.), далее – ACCESS.

5. Антимонопольное руководство для платформенной экономики Китая (Antitrust Guidelines on Platform Economy¹³, дата вступления в силу: 7 февраля 2021 г.), далее – Руководство.

⁵ Законопроект № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции». Система обеспечения законодательной деятельности. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/160280-8>).

⁶ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance). EUR-Lex. (<http://data.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj>).

⁷ 习近平在北京河北考察灾后恢复重建工作时强调再接再厉抓好灾后恢复重建确保广大人民群众安居乐业温暖过冬. The National People's Congress of the People's Republic of China. (<http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202206/e42c256faf7049449cdfaabf374a3595.shtml>).

⁸ H.R.3816 – American Innovation and Choice Online Act. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3816/>).

⁹ H.R.3825 – Ending Platform Monopolies Act Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3825/>).

¹⁰ H.R.3826 – Platform Competition and Opportunity Act of 2021. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3826/>).

¹¹ H.R.3843 – Merger Filing Fee Modernization Act of 2022. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3843/>).

¹² S. 4309 – ACCESS Act of 2022. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4309/>).

¹³ 国务院反垄断委员会关于平台经济领域的反垄断指南. State Administration for Market Regulation. February 07, 2021. (https://gkml.samr.gov.cn/nsjg/fldj/202102/t20210207_325967.html).

6. Разработанные в России Принципы взаимодействия участников цифровых рынков¹⁴ (дата утверждения: 22 сентября 2021 г.), далее – Принципы.

7. Принятый в Российской Федерации ФЗ от 29 декабря 2022 г. № 584-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁵.

Перечисленные законопроекты повлияют не только на развитие самих ЦП, но и на рынки, которые функционируют в связке с ними (геолокация, контекстная реклама и др.). Использование ЦП определяет эффективность малого и среднего предпринимательства (МСП). Компании предоставляют готовые решения для онлайн-взаимодействия с потребителями¹⁶, а в ряде случаев ЦП способны определять поведение граждан (на данный факт обращают внимание разработчики Принципов). ЦП приобретает важное значение в современном мире, поэтому так необходимо оценить и сравнить законодательные акты разных стран, посвященные антимонопольным запретам в отношении данных объектов.

Цель статьи – охарактеризовать и сопоставить принятые и находящиеся в разработке законы, которые станут основой конкурентной политики в отношении ЦП в США, ЕС, КНР и РФ. Будет рассмотрено, как новые законодательные акты определяют объект применения запретов или регулирующих норм, как содержание законодательных актов отражает угрозы для конкуренции. Также будут систематизированы основные направления критики в адрес принятых законов и разработанных законопроектов.

В первой части исследования описаны особенности ЦП, которые вызывают опасения из-за их возможного влияния на конкуренцию. Кроме того, кратко охарактеризованы уязвимости применения традиционного антимонопольного законодательства к ЦП. Вторая часть посвящена межстрановому сравнению перечисленных документов. Результаты сравнения обобщены в заключении.

Характеристика и особенности цифровых платформ, определяющие их влияние на конкуренцию

ЦП – это бизнес-модели, которые обеспечивают потребителям и поставщикам возможность вступать в контакт и производить обмен продуктами, услугами и информацией¹⁷. Экосистема – это совокупность сервисов (в т. ч. платформенных решений) одной группы компаний или компании и партнеров, которые позволяют пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках бесшовного интегрированного процесса¹⁸.

Ключевая характеристика платформ и основа этой бизнес-модели – сетевые эффекты: как зависит полезность от использования сервиса платформы для каждого конкретного

¹⁴ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ. Федеральная антимонопольная служба. 17 февраля 2022 г. (<https://fas.gov.ru/p/protocols/1666>).

¹⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 584-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Гарант.ру. 30 декабря 2022. (<https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1593942/>).

¹⁶ Роль потребительских цифровых платформ и экосистем в российской экономике. Аналитический отчет. АНО «Цифровая экономика». Ноябрь 2022. (https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_7.pdf).

¹⁷ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. Министерство экономического развития Российской Федерации. (https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/).

¹⁸ ЭКОСИСТЕМЫ: ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ. Доклад для общественных консультаций. Банк России. Апрель 2021 года. (http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf).

пользователя от численности пользователей на той же или другой стороне платформы [Tucker 2019; *Шаститко, Маркова* 2019]. Когда эффекты масштаба в потреблении положительны, они обуславливают быстрый рост компаний. Сетевые эффекты могут служить барьером для входа на рынок новых игроков, однако из-за динамизма и инновационности цифровых рынков такое положение дел не гарантировано (например, миграция пользователей на Facebook¹⁹ с MySpace выступает примером негативного сетевого эффекта для последнего) [Коваленко 2016].

Важный фактор успеха платформы – способность правильно определить ценовую стратегию в отношении разных групп пользователей. Платформа нередко субсидирует одну из сторон (устанавливает нулевую цену), за счет положительного перекрестного эффекта привлекая пользователей на другой стороне, которые становятся для нее источником дохода. Услуги платформы на «бесплатной стороне» оплачиваются не деньгами, а вниманием аудитории [*Шаститко, Моросанова, Маркова* 2022]. В результате пропадает прямая зависимость между ценой и издержками [Jenny 2021]. В случае предоставления бесплатной услуги платформы конкурируют друг с другом за счет ее качества и инновационности.

Платформы оперируют большим объемом персональных и не персональных данных, которые могут играть одновременно несколько ролей: быть стратегическим активом для принятия решений и укрепления позиции на рынке (например, Facebook учел результаты исследования об использовании мобильных приложений, принимая решение о приобретении компании²⁰); быть сопутствующим результатом деятельности, который с помощью алгоритмов по сбору, обработке и анализу данных позволяет персонализировать взаимодействие с пользователями; выступать неценовым параметром конкуренции при соблюдении конфиденциальности данных и др. [Jenny 2021]. Большие массивы данных представляют собой ключевое преимущество платформы. Владение ими упрощает разработку стратегий выхода на новые рынки и расширяет возможности диверсификации с учетом накопленного опыта [Розанова 2021].

Из-за сочетания сетевых эффектов с практически нулевыми предельными издержками владения данными и алгоритмами их обработки необходимо адаптировать инструменты конкурентного анализа к особенностям ЦП.

Несовершенство традиционного антимонопольного законодательства с точки зрения его применения в отношении ЦП

Платформы-лидеры заинтересованы закрепить свое доминирующее положение и установить дополнительные барьеры для входа на рынок других игроков. Некоторые наиболее резонансные дела перечислены ниже.

Google злоупотреблял доминирующим положением на рынке магазинов мобильных приложений, ограничивая предустановки альтернативных приложений. Собственный магазин компании Google Play Market был связан с ОС Android, что было закреплено в договорах с производителями мобильных устройств. В результате сформировались барьеры входа, ослабили возможные конкурентные преимущества других участников рынка и сузился выбор для потребителя [*Авдашева, Юсупова, Корнеева*

¹⁹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией в РФ.

²⁰ Note by Damian Collins MP, Chair of the DCMS Committee. Summary of key issues from the Six4Three files. (<https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/culture-media-and-sport/Note-by-Chair-and-selected-documents-ordered-from-Six4Three.pdf>).

2022; Юсупова 2016]. ФАС РФ²¹ и Европейская комиссия²² признали такие действия незаконными.

Китайская компания Tencent сделала свой цифровой продукт несовместимым с продуктом конкурента Qihoo 360, заставив пользователей выбирать между ними (практика «choose one from two»). В результате Qihoo 360 потеряла 10% своих пользователей всего за 48 часов²³. Верховный народный суд КНР (Supreme People's Court) встал на сторону Qihoo 360 в 2013 г. В 2021 г. корпорации Alibaba²⁴ и Meituan²⁵ оштрафовали за ту же практику на рекордные для китайской платформенной экономики 2,8 и 533,5 млрд долл. Исключающие условия договоров считаются одним из наиболее распространенных способов злоупотребления доминирующим положением на цифровых рынках в Китае [Wu 2022].

Дело против сервиса онлайн-бронирования отелей Booking.com выступает примером предотвращения вертикальных соглашений, которые ограничивают конкуренцию. В договорах с партнерами был включен пункт, который запрещал отелям предлагать свои услуги бронирования на других каналах по цене ниже, чем на Booking.com. Устанавливался широкий и узкий паритет цен, который исключал риск ценовой конкуренции как с другими платформами, так и с собственными сайтами отелей, вследствие чего потенциальные конкуренты находились в заведомо проигрышной позиции [Авдашева, Юсупова, Корнеева 2022; Ерофеева, Котова, Позднякова 2019; Дзагурова, Тихонова 2021]. В Германии и ряде других европейских стран (Италии, Франции и др.) наложили запрет на закрепление паритета цен в соглашениях Booking.com [Дзагурова, Тихонова 2021].

Анализируя ЦП, антимонопольные органы сталкиваются с трудностями при определении продуктовых границ рынка, квалификации доминирующего положения, расчете доли рынка или коэффициента концентрации, оценке рыночной власти и др. [Jenny 2021]. Традиционные методы определения продуктовых границ рынка не подходят для платформ. Например, тест гипотетического монополиста в традиционной форме, не учитывающий сетевые эффекты, может слишком узко или слишком широко определить рынок. В случае предоставления услуг по нулевой цене его нельзя применять вовсе [Pontual Ribeiro, Golovanova 2020]. Без корректного определения границ рынка невозможно сделать вывод о рыночной доле и доминировании платформы. К существующим показателям концентрации следует относиться критически в силу инновационного характера ЦП, из-за которого их рыночная доля может меняться очень быстро. Можно сказать, что сложилась конкуренция «за рынок» (а не «на рынке»), которую сложно измерить. С этими и другими сложностями сталкивается антимонопольное правоприменение в отношении ЦП.

Отдельной проблемой также выступает высокий динамизм рынков, который влияет на актуальность решений и предписаний антимонопольных органов в отношении ЦП. На принятие таких актов требуется время – в результате даже правильный запрет или штраф уже не сможет спасти конкурентов, которым платформа мешала войти на рынок.

²¹ Решение № АД_54066_15. Федеральная антимонопольная служба. (https://br.fas.gov.ru/generate_pdf/cb7f3315-ce72-4d4c-80b3-6fd2c41ced32/).

²² ANTITRUST PROCEDURE Council Regulation (EC) 1/2003. European Commission. 18/07/2018. (https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40099/40099_9993_3.pdf).

²³ Qihoo v. Tencent: economic analysis of the first Chinese Supreme Court decision under Anti-Monopoly Law. CRA. February 2015. (https://media.crai.com/wp-content/uploads/2020/09/16163853/China-Highlights-Qihoo-360-v-Tencent-0215_0.pdf).

²⁴ China Fines Alibaba \$2.8 Billion in Landmark Antitrust Case. The New York Times. April 9, 2021. (<https://www.nytimes.com/2021/04/09/technology/china-alibaba-monopoly-fine.html>).

²⁵ China Fines Meituan \$530 Million in End to Antitrust Probe. Bloomberg. 8 октября 2021 г. (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-08/food-delivery-giant-meituan-gets-530-million-antitrust-fine>).

Трудности возникают и при анализе ограничивающих конкуренцию практик экосистем. Они представляют собой сообщество компаний, объединенных не имущественными связями, а инструментами внутреннего управления. Определить их положение на рынке сложно. Полезность для конечных пользователей экосистемы меняется в зависимости от состава входящих в нее платформ [Шаститко, Курдин, Филиппова 2023]. Доля рынка экосистемы, независимо от способа вычисления, также основана на этом параметре. В результате ориентироваться на долю рынка доминирующей экосистемы как на показатель ее рыночной власти нельзя, потому что в будущем доля рынка совершенно иного набора услуг другой экосистемы может ее превзойти [Jenny 2021].

Очевидно, что необходимо выработать критерии регулирования деятельности ЦП и механизм обеспечения защиты прав на информацию [Коваленко 2016]. Важно учитывать типологию платформ при определении продуктовых границ рынков, а также дополнить правовые нормы понятиями «сетевые эффекты», «платформа» [Шаститко, Маркова 2020] и др. Осознание потребности в подобных действиях мотивировало на разработку новых законов, которые должны стать основой конкурентной политики в отношении ЦП. В следующей главе авторы сравнивают принятые и разрабатываемые правовые акты Европейского союза, США, Китая и России с учетом возможных изменений в инструментах регулирования данной сферы.

Сравнительный анализ законодательства в отношении ЦП в РФ, США, КНР и ЕС

С одной стороны, из-за глобального характера бизнеса большинства ЦП сходство подходов к их регулированию в разных юрисдикциях позволило бы: снизить затраты на соблюдение законодательств разных стран, ослабить распространение протекционистской политики в отношении платформ, исключить экстерриториальные последствия. Последствия возникают в случае антиконкурентных действий или соглашений, совершенных или достигнутых за пределами некоторой национальной юрисдикции, если такие соглашения (действия) негативно влияют на состояние конкуренции на внутренних рынках [Schnitzer, Crémer, Crawford et al. 2021].

С другой стороны, отличие в подходах к регулированию цифровых рынков вообще и конкурентной политике в частности обусловлено особенностями национальных рынков, потребностями и интересами законодателей и регулирующих органов. С деглобализацией и возможностью изоляции (даже частичной) Интернета в пределах национальных границ исчезает стимул для международного взаимодействия: первостепенной целью становится обеспечение благосостояния в пределах национальной экономики, а не во всем мире.

Примером первого сценария можно назвать предложения, выдвинутые в США (ACCESS, EPMA) и ЕС (DMA), которые при определении объектов регулирования учитывают характеристики платформ и запрещают определенные практики [Schnitzer, Crémer, Crawford et al. 2021]. Например, цель DMA – содействовать большей открытости цифровых рынков, ограничивая возможность доминирующих платформ влиять на конкуренцию.

По обе стороны Атлантического океана в центре внимания регуляторов находятся крупные платформы. При анализе деятельности таких компаний используют как традиционные критерии (рыночная капитализация или оборот компании), так и специфичные для цифровых рынков (например, количество пользователей). Такой подход частично решает проблему определения границ рынка, расчета рыночных долей и оценки влияния платформы на рынок. Понятие «привратник» в DMA заменяет квалификацию доминирующего положения. Привратником выступает крупная ЦП, которая предоставляет одно

или несколько «базовых платформенных решений» (к ним относят поисковые системы, социальные сети, видеохостинги и другие виды услуг, в зависимости от типологии платформы). Учитываются и количественные критерии (предоставление услуг более чем 45 млн активным конечным пользователям в месяц и не менее чем 10 тыс. активным бизнес-пользователям ежегодно в ЕС), что ускоряет идентификацию платформ-привратников. Данный фактор важен при принятии решений в отношении динамических цифровых рынков. По той же причине в DMA анализ характеристик потенциального привратника должен учитывать потенциальную возможность получить доминирующее положение на рынке в короткие сроки. Таким образом DMA сочетает традиционное ex-post воздействие (по факту совершения недозволенных действий) с ex-ante (выявление привратников до начала антимонопольного расследования) [Schnitzer, Crémer, Crawford et al. 2021].

Концепция привратников позволяет избежать анализа соотношения между целевыми рынками и границами экосистемы. В таком смысле понимание привратников как операторов, способных влиять на конкуренцию на смежных рынках, соответствует концепции ключевых мощностей, которую часто используют в отношении естественных монополий на традиционных рынках: объектом применения становится именно «конкурентное бутылочное горлышко» («bottleneck») [Голованова 2013].

Европейские и американские (AICOA) законопроекты практически дублируют некоторые положения друг друга – например, о запрете приоритизации собственных товаров/услуг («self-preferencing») или закреплении возможности удалять предустановленные приложения.

В свете того, что разрушительные (disruptive) инновации способны уничтожить основу монополии доминирующей платформы, правовые инициативы США (ACCESS) и ЕС предусматривают возможность для потребителей переносить свои пользовательские данные к более инновационным (а значит, ценным) участникам цифрового рынка [Monti 2022].

Обе юрисдикции поднимают вопрос контроля над сделками концентрации, однако предлагаемые ими подходы различны. PCOA предусматривает презумпцию незаконности любого слияния или поглощения платформой независимо от размера приобретаемой компании. Бремя доказывать, что сделка не угрожает конкуренции, в такой ситуации будет переложено на стороны слияния. Им также предлагают запретить использовать аргумент, что вред, нанесенный конкуренции, будет компенсирован повышением качества или полезности. Если эта инициатива вступит в силу, возникнут существенные барьеры для слияния крупных платформ с мелкими. MFFMA предлагает повысить регистрационные сборы для крупных сделок слияния, что увеличит бюджет антимонопольных органов США для выполнения их программ.

DMA не содержит аналогичных предложений и не меняет порядок согласования сделок экономической концентрации, действующий в ЕС. Однако DMA не игнорирует вопрос контроля и обязывает привратников уведомлять Европейскую комиссию перед заключением сделки экономической концентрации с участием любого другого поставщика цифровых услуг²⁶. Примечательно, что до сих пор специальному согласованию подлежали только слияния между двумя достаточно крупными участниками, а не между крупным и любым.

Второго сценария придерживается Китай, политика которого характеризуется закрытостью и противодействием международной конкуренции ЦП. Данные особенности выражены в проекте «Золотой щит» («Golden Shield», «Firewall»), который действует с 2008 г.

²⁶ New Antitrust Tools for the Digital Economy in China and the EU – a Comparative view of the Platform Antitrust Guidelines in China and the Digital Markets Act in the EU. Clifford Chance. 5 October 2022. (<https://www.cliffordchance.com/briefings/2022/10/new-antitrust-tools-for-the-digital-economy-in-china-and-the-eu-.html>).

Он не позволяет пользователям из Китая посещать многие зарубежные Интернет-ресурсы, блокируя их, что защищает национальные платформы и способствует их росту [Chandel et al. 2019]. В Китае действуют отечественные аналоги западных платформ: WeChat, Weibo и Baidou вместо WhatsApp, Facebook и Google.

В поправках к AML китайский регулятор уделил внимание роли данных. Злоупотребление использованием данных, алгоритмов и технологий рассматривается как отдельный тип злоупотребления доминирующим положением (Статья 22). Новые типы злоупотребления в то же время не добавляют – вместо этого перечислены общие принципы, которые позволят поддерживать конкуренцию в цифровой среде²⁷.

Помимо AML, в Китае действует соответствующее Руководство. Оно было разработано нетипично быстро для китайского аппарата, что свидетельствует о срочном усилении мер конкурентной политики в отношении платформ²⁸. Оставаясь в рамках нормативной базы AML и учитывая отраслевые особенности, документ вносит уточнения для помощи в принятии решений в области экономики платформ²⁹ [Dufková 2022]. В Статье 15 запрещается практика «выбор одного из двух» («choose one from two»). Ее признают злоупотреблением эксклюзивными сделками в том случае, если были наложены ограничения или карательные меры (сокращение трафика, понижение рейтинга и т. д.), которые наносят ущерб рынку и потребителям. Так законодатели конкретизируют традиционный для антимонопольного законодательства запрет на исключаящие условия договора для продавца, который занимает доминирующее положение.

Во-вторых, Руководство в Статье 18 впервые закрепляет право SAMR контролировать сделки экономической концентрации с участием VIE-структур (компании с переменной долей участия («variable interest enterprise») – посредники для иностранцев, желающих вложить деньги в акции китайских компаний) и одобрять их, если они соответствуют пороговым значениям³⁰. VIE-структуры широко распространены, так как открывают возможность обойти запрет на иностранные инвестиции в интернет-индустрию Китая. Благодаря им китайские компании могут получать финансирование или листинг из-за рубежа: почти все крупные интернет-компании Китая (Alibaba, JD.com, Baidu и др.) стали публичными в США через VIE-структуры³¹. Тем самым расширяются возможности SAMR влиять на условия сделок слияний вне зависимости от формы их организации.

В-третьих, впервые китайские антимонопольные правила упоминают и запрещают так называемые веерные соглашения, которые ограничивают конкуренцию между компаниями при отсутствии непосредственной договоренности между ними («hub-and-spoke» – условия распространения товаров или услуг, которые предотвращают конкуренцию между продавцами: в центре («hub») находится платформа, которая включает в себя «спицы» («spoke») – продавцов). В таком случае действия антимонопольных органов подпадают под существующие рамки AML (Статьи 13–14)³². Следует отметить, что веерные согла-

²⁷ Antitrust Chronicle® – Bid Rigging. CPI. (<https://www.competitionpolicyinternational.com/>).

²⁸ Антимонопольное регулирование в КНР. Аналитическая записка К8/02/2022. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. (<https://cceis.hse.ru/data/2022/02/05/1761552622/Антимонопольное%20регулирование.pdf>).

²⁹ Antitrust Chronicle® – Bid Rigging. CPI. (<https://www.competitionpolicyinternational.com/>).

³⁰ Антимонопольное регулирование в КНР. Аналитическая записка К8/02/2022. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. (<https://cceis.hse.ru/data/2022/02/05/1761552622/Антимонопольное%20регулирование.pdf>).

³¹ The Risks of China's Internet Companies on U.S. Stock Exchanges. U.S.-China Economic and Security Review Commission Staff Report. Original Publication: June 18, 2014. (<https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/The%20Risks%20of%20China%E2%80%99s%20Internet%20Companies%20on%20U.S.%20Stock%20Exchanges%20-%20with%20Addendum.pdf>).

³² Antitrust Chronicle® – Bid Rigging. CPI. (<https://www.competitionpolicyinternational.com/>).

шения часто затрагивают использование алгоритмов: например, платформы-агрегаторы такси соединяют водителей с пассажирами благодаря алгоритму, из-за чего клиенты не могут сами выбирать водителя или определять стоимость поездки, что устраняет конкуренцию между водителями³³. Конкретные способы решения проблемы всерных соглашений в законодательстве не приведены, их упоминание сигнализирует о том, что подобные соглашения следует контролировать строже.

Если антимонопольная политика в цифровом секторе в Китае была сформирована под воздействием ускорения конкуренции и технологического разделения между КНР и США, то в РФ процесс форсировали западные санкции 2014 [Remington, Qian, Avdasheva 2022] и ограничения 2022 г., которые значительно повлияли на цифровой сектор. После отключения карт российских пользователей от SWIFT зарубежные маркетплейсы уступили место российским. По решению федеральных органов исполнительной власти был заблокирован доступ к Facebook³⁴ и Instagram³⁵, а отдельные ЦП (например, Youtube³⁶, принадлежащий Google) добровольно ограничили свою деятельность.

В России примерно одновременно с китайским Руководством были опубликованы Принципы, направленные на создание условий для саморегулирования участников цифрового рынка. Документ не обладает нормативным действием³⁷, но несоблюдение его положений «может содержать признаки нарушения антимонопольного законодательства» РФ. Документ подписали руководители ФАС и представители компаний «Авито», VK, «Сбербанк», «Циан», «Яндекс» и др. Похожую практику применяют в Китае: после утверждения Руководства и наложения штрафов на Alibaba и Meituan SAMR организовал встречу с 34 интернет-корпорациями и призвал их самостоятельно устранить «антиконкурентные приемы»³⁸. Данные методы, как и распространенные в РФ предписания в отношении ЦП, направлены в первую очередь на предупреждение нарушений. Российские и китайские антимонопольные органы хотят конкретизировать разграничения законного и незаконного поведения, опираясь на компетенции отраслевых экспертов и компаний – то есть используя «мягкое» право.

Принципы направлены на обеспечение понятных и прозрачных правил работы с ЦП (включая порядок ранжирования), недискриминационного отношения к сервисам и услугам вне зависимости от их принадлежности к какой-либо отдельной платформе, недопущение использования в правилах формулировок с чрезмерно расширительным толкованием и др. Следует отметить, что эти требования эквивалентны запрету приоритизации собственных товаров/услуг в европейском DMA.

Одновременно с разработкой и принятием Принципов в России шла работа над Пятым пакетом, цель которого – адаптировать регулирование цифровой экономики к новым условиям, предупреждать и пресекать злоупотребления доминирующим положением со сто-

³³ Susan Ning, Ruohan Zhang and Weimin Wu. Key Developments in China. GCR. 25 November 2022. (<https://globalcompetitionreview.com/guide/digital-markets-guide/second-edition/article/key-developments-in-china>).

³⁴ Приняты ответные меры на ограничение доступа к российским СМИ. Роскомнадзор. 4 марта 2022 года. (<https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm>).

³⁵ Об ограничении доступа к социальной сети Instagram. Роскомнадзор. 11 марта 2022 года. (<https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm>).

³⁶ YouTube stops all monetization in Russia. Interfax. 10 Mar 2022. (<https://interfax.com/newsroom/top-stories/76184/>)

³⁷ Кодекс поведения для цифровых платформ. Пепеляев Групп. 30.12.2021. (<https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/kodeks-povedeniya-dlya-tsifrovoykh-platform-/>).

³⁸ Chinese regulators summon 34 platforms to meeting, ordering them to self-scrutinize irregularities. Global Times. Apr 13, 2021. (<https://www.globaltimes.cn/page/202104/1220928.shtml>).

роны ЦП. Данный документ вступил в силу с 1 сентября 2023, однако его подготовка началась в 2018 г.³⁹

Российский регулятор в Пятом пакете вводит новый для российского законодательства термин «сетевой эффект». Используя его, он запрещает злоупотребление доминирующим положением для ЦП, например, агрегаторам и маркетплейсам, если их деятельность соответствует качественному (сетевые эффекты дают возможность решаяще влиять на соответствующие товарные рынки) и количественным (выручка превышает 2 млрд руб. за последний год; доля сделок между продавцами и покупателями на платформе превышает 35% в стоимостном выражении от общего объема сделок на соответствующем товарном рынке) критериям⁴⁰. Также предусмотрена возможность назначить экспертизу в рамках контроля сделок экономической концентрации (участники цифровых рынков взаимодействуют с технологиями и данными, оценить которые может только эксперт)⁴¹.

Согласно принятым поправкам к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴², в России основными владельцами платформ онлайн-объявлений с суточной посещаемостью более 100 тыс. человек должны быть юридические лица или граждане РФ без гражданства другой страны. Такой подход гарантирует, что контроль над принятием решений будет иметь российский источник. Подобные требования дополняют принцип экстерриториальности антимонопольного законодательства, повышая возможности органов конкурентной политики влиять на действия ЦП. В Китае аналогичную задачу решает проект «Золотой щит».

Из межстранового сравнения положений законодательных актов и законопроектов в отношении цифровых рынков видно, что регуляторы стран мира пытаются использовать схожие инструменты:

- 1) выделение объекта регулирования на основании критериев, отличных от тех, что применяются для нецифровых компаний. Они не опираются на необходимость определять продуктовые и географические границы рынка, рассчитывать долю рынка;
- 2) разработка требований к эксплуатации пользовательских данных и их конфиденциальности, которые ограничивают рыночную власть, возникающую благодаря владению этой информацией;
- 3) регулирование слияний и поглощений с помощью инструментов, специфичных для ЦП;
- 4) конкретизация форм злоупотребления доминирующим положением, специфичных для ЦП.

Заключение

Антимонопольные органы во всем мире пытаются реагировать на вызовы времени, корректируя нормы с учетом развития цифровых рынков. Низкая результативность применения антимонопольного законодательства обуславливает необходимость новых зако-

³⁹ Пятый антимонопольный пакет впервые официально представлен на Апрельской конференции. НИУ ВШЭ. 10 апр. 2018. (<https://www.hse.ru/news/218044972.html>).

⁴⁰ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции». Официальный интернет-портал правовой информации. (<http://actual.pravo.gov.ru/text.html#num=0001202307100016>).

⁴¹ Марьяна Матяшевская: «Регулирование не должно быть ограничено лишь транзакционными платформами». «Конкуренция и право». № 5. 2022 г. (<https://cljournal.ru/vybor/244/>).

⁴² Законопроект № 141597-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Система обеспечения законодательной деятельности. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/141597-8>).

нопроектов. Несмотря на очевидные отличия бизнес-модели ЦП от традиционных рынков, на данный момент нет ответа на целый ряд вопросов, что представляется как вызов экспертному сообществу и законодателям. Преодолеть кризис возможно за счет выбора модели конкурентной политики: антимонопольные запреты, про-конкурентное регулирование или отдельные про-конкурентные меры. Именно они, вероятно, станут основой законодательства нового поколения.

Например, европейский DMA выступает примером про-конкурентных правил, которые ограничивают рыночную власть крупных платформ-привратников и содействуют развитию мелких конкурентов. DMA сочетает подходы ex-post и ex-ante (конкретизируя, какие действия запрещены, а какие следует выполнять) и относится к «жесткому праву» (имеет юридическую силу). К той же категории относятся регулирование в США, китайский AML и принятый Пятый пакет в России. Вместе с тем новые нормы антимонопольного законодательства могут строиться и на «мягком праве» (рекомендательный характер), о чем свидетельствуют китайское Руководство и российские Принципы.

На сегодняшний день существуют разные подходы к устранению законодательных пробелов в отношении ЦП. Выбор стратегий и инструментов зависит от преследуемых целей, они обусловлены трудностями, с которыми сталкивается регулятор в каждой конкретной стране. Однако в ситуации высокого динамизма цифровых рынков важно своевременно принимать меры – откладывать усовершенствование нового законодательства в отношении ЦП нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Авдашева С.Б., Юсупова Г.Ф., Корнеева Д.В. (2022) Конкурентное законодательство в отношении цифровых платформ: между антитрастом и регулированием? // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 61–86.

Avdasheva S.B., Yusupova G.F., Korneeva D.V. (2022) Konkurentnoe zakonodatel'stvo v otnoshenii tsifrovyykh platform: mezhdru antitrastom i regulirovaniem? [Competition Legislation Regarding Digital Platforms: Choice between Antitrust and Regulation]. *Public Administration Issues*. no. 3, pp. 61–86. (In Russ.)

Голованова С.В. (2013) Проблемы ограничения конкуренции на рынках, смежных с рынками ключевых мощностей // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 110–132.

Golovanova S.V. (2013) Problemy ogranicheniya konkurencii na rynkakh, smezhnykh s rynkami klyuchevykh moshchnostey [Problems of Limiting Competition in Markets Adjacent to Key Capacity Markets]. *ZHurnal novejekonomicheskoy associacii*. no. 4, pp. 110–132. (In Russ.)

Дзагурова Н.Б., Тихонова А.В. (2021) Регулирование соглашений об узком паритете цен на многосторонних рынках // Журнал институциональных исследований. № 2. С. 116–129.

Dzagurova N.B., Tikhonova A.V. (2021) Regulirovanie soglashenij ob uzkom paritete tsen na mnogostoronnikh rynkakh [Regulation of Narrow Price Parity Agreements in Multi-Sided Markets]. *ZHurnal institucional'nyh issledovanij*. no. 2, pp. 116–129. (In Russ.)

Ерофеева Е.В., Котова Д.А., Позднякова А.Э. (2019) Многоликие антиконкурентные практики на цифровых рынках // Правоведение. Т. 63. № 4. С. 598–624.

Erofeeva E.V., Kotova D.A., Pozdnyakova A.E. (2019) Mnogolikiye antikonkurentnye praktiki na tsifrovyykh rynkakh [The Many Faces of Anti-Competitive Practices in Digital Markets]. *Pravovedenie*. vol. 63, no. 4, pp. 598–624. (In Russ.)

Коваленко А. (2016) Проблематика исследований многосторонних платформ // Современная конкуренция. Т. 10. № 3. С. 64–90.

- Kovalenko A. (2016) Problematika issledovaniy mnogostoronnikh platform [Multisided Platforms Research Problematic]. *Sovremennaya konkurenciya*. vol. 10, no. 3, pp. 64–90.
- Розанова Н.М. (2021) Конкуренция и монополия в цифровую эпоху // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 63–72.
- Rozanova N.M. (2021) Konkurenciya i monopoliya v cifrovuyu epohu [Konkurenciya i monopoliya v cifrovuyu epohu]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no. 1, pp. 63–72.
- Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.Н. (2023) Мезоинституты для цифровых экосистем // *Вопросы экономики*. № 2. С. 61–82.
- Shastitko A.E., Kurdin A.A., Filippova I.N. (2023) Mezoinstituty dlya tsifrovyykh ehkosisistem [Meso-Institutions for Digital Ecosystems]. *Voprosy Ekonomiki*. no. 2, pp. 61–82. (In Russ.)
- Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2019) Эффекты становления и функционирования многосторонних рынков: подходы к исследованию // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 52–65.
- Shastitko A.E., Markova O.A. (2019) Effekty stanovleniya i funktsionirovaniya mnogostoronnikh rynkov: podkhody k issledovaniyu [Effects of Development and Activity of Multisided Markets: Approaches to Investigation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no. 3, pp. 52–65. (In Russ.)
- Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020) Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // *Вопросы экономики*. № 6. С. 37–55.
- Shastitko A.E., Markova O.A. (2020) Staryj drug luchshe novykh dvukh? Podkhody k issledovaniyu rynkov v usloviyakh tsifrovoy transformatsii dlya primeneniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva [An Old Friend is Better than Two New Ones? Approaches to Market Research in the Context of Digital Transformation for the Antitrust Laws Enforcement]. *Voprosy ekonomiki*. no. 6, pp. 37–55. (In Russ.)
- Шаститко А.Е., Моросанова А.А., Маркова О.А. (2022) Экономика внимания: вопросы применения // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 7–24.
- Shastitko A.E., Morosanova A.A., Markova O.A. (2022) Ehkonomika vnimaniya: voprosy primeneniya [Economics of Attention: Application Issues]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. no. 1, pp. 7–24. (In Russ.)
- Юсупова Г.Ф. (2016) ФАС против Google: экономический анализ для особых рынков // *Экономическая политика*. Т. 6. № 11. С. 82–99.
- Yusupova G.F. (2016) FAS protiv Google: ekonomicheskij analiz [FAS against Google: Economic Analysis]. *Ekonomicheskaya politika*. vol. 11, no. 6, pp. 82–99. (In Russ.)
- Chandel S., Jingji Z., Yunnan Y., Jingyao S., Zhipeng Z. (2019). The Golden Shield Project of China: A Decade Later – An in-Depth Study of the Great Firewall // *International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery (CyberC)*. Pp. 111–119.
- Dufková B. (2022) What Can the EU Learn from the Chinese Anti-Monopoly Guidelines for the Platform Economy Industries? Charles University in Prague Faculty of Law Research Paper No. ISSN 2336-5811.
- Jenny F. (2021) Competition Law and Digital Ecosystems: Learning to Walk before We Run // *Industrial and Corporate Change*. Vol. 30. No. 5. Pp. 1143–1167.
- Monti G. (2022) Taming Digital Monopolies: A Comparative Account of the Evolution of Antitrust and Regulation in the European Union and the United States // *The Antitrust Bulletin*. Vol. 67. No. 1. Pp. 40–68.
- Pontual Ribeiro E., Golovanova S. (2020) A Unified Presentation of Competition Analysis in Two-Sided Markets // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 34. No. 3. Pp. 548–571.
- Remington T.F., Qian J., Avdasheva S. (2022) Regulating Competition in the Digital Platform Economy: Russia and China Compared // In: *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2022.2117199
- Schnitzer M., Crémer J., Crawford G.S., Dinielli D., Fletcher A., Heidhues P., Scott-Morton F., Seim K. (2021) International Coherence in Digital Platform Regulation: An Economic Perspective on the US and EU Proposals. Digital Regulation Project – Policy Discussion Paper. No. 5.
- Tucker C.E. (2019) Digital Data, Platforms and the Usual [Antitrust] Suspects: Network Effects, Switching Costs, Essential Facility // *Review of Industrial Organization*. Vol. 54. No. 4. Pp. 683–694.

Wu C. (2022) Analysis of Anti-monopoly Issues in the Digital Platform Economy. Take China's Anti-monopoly Supervision – Concentration Review of Business Operators as an Example // In: Proceedings of the 2022 6th International Seminar on Education, Management and Social Sciences (ISEMSS 2022). Pp. 496–503.

Информация об авторах

Голованова Светлана Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры Экономической теории и эконометрики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород. Адрес: 603155, Россия, г. Нижний Новгород, Б. Печерская ул., д. 25/12; ведущий научный сотрудник Лаборатории конкурентной и антимонопольной политики, Института анализа предприятий и рынков Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: svgolovanova@hse.ru

Корнеева Дина Владиславовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и эконометрики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород. Адрес: 603155, Россия, г. Нижний Новгород, Б. Печерская ул., д. 25/12; ведущий научный сотрудник Лаборатории конкурентной и антимонопольной политики, Институт анализа предприятий и рынков Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: dkorneeva@hse.ru

Заяц София Александровна, стажер-исследователь Лаборатории конкурентной и антимонопольной политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: szayats@hse.ru

About the authors

Svetlana V. Golovanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Economic Science and Econometrics, HSE University in Nizhny Novgorod. Address: 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya st., 25/12; Leading Research Fellow, Laboratory of Competition and Antimonopoly Policy, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University. Address: 101000, Russia, Moscow, st. Myasnitskaya, 20. E-mail: svgolovanova@hse.ru

Dina V. Korneeva, Associate Professor, Department of Economic Science and Econometrics, HSE University in Nizhny Novgorod. Address: 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya st., 25/12; Senior Research Fellow, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University. Address: 101000, Russia, Moscow, st. Myasnitskaya, 20. E-mail: dkorneeva@hse.ru

Sophia A. Zayats, Research Assistant, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University. Address: 101000, Russia, Moscow, st. Myasnitskaya, 20. E-mail: szayats@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.06.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 327(5)

DOI: 10.31857/S0869049923050076
EDN: MQJXP

РОССИЯ И ЯПОНИЯ RUSSIA AND JAPAN

Оригинальная статья/ Original article

Немейнстримный японский политический дискурс в контексте новейших российско-японских отношений

© Г.Ю. НИКИПОРЕЦ-ТАКИГАВА

Никипорец-Такигава Галина Юрьевна, НИУ Высшая школа экономики (Москва, Россия),
gnikiporets-takigawa@hse.ru. ORCID: 0000-0002-5611-8396

Состояние и перспективы российско-японских отношений после начала украинского кризиса обусловлены как внешнеполитическими, так и внутриполитическими факторами, среди которых следует выделить взгляды на геополитические вопросы японских политических элит, а также степень их самостоятельности относительно США. Представлен анализ причин полной консолидации официального японского политического дискурса с американским после начала украинского кризиса. В Японии обнаруживается противодействие мейнстримному дискурсу. Его результативность и значение для российско-японских отношений исследованы методом глубинного интервью экспертов, а также на основе изучения вторичных источников и публичных выступлений. Доказано, что поддержка США и единого западного нарратива обусловлена позицией нынешнего лидера – премьер-министра Ф. Кисиды, а также традиционной для Японии слабостью оппозиции при доминировании правящей Либерально-демократической партии. Видимость консолидации обеспечивают проводники мейнстримного дискурса – японские СМИ. Тем не менее для ряда представителей японской политической оппозиции украинский кризис стал весомым аргументом в критике позиции официальных властей. Немеинстримный дискурс влияет на мейнстримный, а также на японское общественное мнение. Актуальность результатов исследования связана с тем, что в текущей конфигурации российско-японских отношений Россия стремится учитывать политические субъекты, на которые можно опираться для нормализации отношений наших стран и продвижения в Японии российской точки зрения на украинский кризис и роль в нем США.

Ключевые слова: российско-японские отношения, политическая оппозиция, политический дискурс, украинский кризис, Япония

Цитирование: Никипорец-Такигава Г.Ю. (2023) Немеинстримный японский политический дискурс в контексте новейших российско-японских отношений // Общественные науки и современность. № 5. С. 87–97. DOI: 10.31857/S0869049923050076, EDN: MQJXP.

Japanese Non-Mainstream Political Discourse in the Context of the Latest Russia-Japan Relations

© G. NIKIPORETS-TAKIGAWA

Galina Nikiporets-Takigawa, HSE University (Moscow, Russia), gnikiporets-takigawa@hse.ru.
ORCID: 0000-0002-5611-8396

Abstract. The state and prospects of Russian-Japanese relations after the beginning of the Ukrainian crisis depend on both foreign and domestic political factors, including the views on geopolitical issues of Japanese political elites and also the degree of their independence relative to the US. The official Japanese political discourse is completely consolidated with the American after the beginning of the Ukrainian crisis. The opposition to mainstream discourse within Japan, its effectiveness and significance for Russian-Japanese relations is studied. Analysis of the expert opinion with help of in-depth interviewing, as well as secondary sources and public speeches are presented. The conclusion is that the support of the US and the unified Western narrative is due to the current leadership of PM F. Kishida, as well as the traditional weakness of the Japanese opposition under the dominance of the ruling LDP. The visibility of consolidation is also strengthened by specific conductors of mainstream discourse – the Japanese media. Nevertheless, for a number of representatives of the Japanese political opposition, the Ukrainian crisis has become a weighty argument in criticizing the official discourse. Non-mainstream discourse increases its influence on mainstream, as well as on Japanese public opinion. The research results are also important because in the current Russian-Japanese relations, Russia is willing to know the political actors and their activities, which can be relied on to normalize these relations and promote in Japan the Russian point of view on the Ukrainian crisis and the role of the US in it.

Keywords: Russia-Japan relations, Japan, political opposition, political discourse, Ukrainian crisis

Citation: Nikiporets-Takigawa G. (2023) Japanese Non-Mainstream Political Discourse in the Context of the Latest Russia-Japan Relations. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 87–97. DOI: 10.31857/S0869049923050076, EDN: MQJXP.

Основной внешнеполитический фактор, влияющий на отношение Японии к украинскому кризису, – союз с США, который, как предполагается, служит единственным гарантом ее безопасности. В японской Белой книге обороны за 2022 г. «война на Украине», «китайская военная активность в морях и небе вокруг Тайваня» и «испытания ядерного оружия Северной Кореи» названы «наиважнейшими факторами влияния на перспективы национальной безопасности»¹.

Учитывая перечисленные угрозы, японское правительство разрабатывает планы по изменению оборонной стратегии, а также «шаги для защиты населения» [*Kucukdegirmenci* 2022]. Ответом на северокаорейские испытания стало усовершенствование действующей на территории страны системы предупреждения о чрезвычайных ситуациях J-ALERT².

¹ Бо:эй хакусё (Белая книга обороны). 2022; Japan to build up defenses from 2023, with China and North Korea in mind. KYODO NEWS. 09.01.2023. (https://www.japantimes.co.jp/news/2023/01/09/national/japan-defense-posture-2023/?utm_source=pianoDNU&utm_medium=email&utm_campaign=72&tpcc=dnu&pnespid=o7OMjpNJvLOdpqbqpB6kpvsY5AAXvnUumlN5HRBisk_VEN3unczcHWBIvIh_9F373g4FB_k).

² North Korean missile launch triggers J-Alert in Hokkaido. The Yomiuri Shimbun. 13.04.2023. (<https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/defense-security/20230413-103385/>).

Для сдерживания «китайской военной активности» Япония время от времени выражает «глубокую озабоченность»³ и предлагает КНР сесть за стол переговоров.

На «войну на Украине» отвечают участием в эскалации антиросийских санкций, а также давлением на японский бизнес⁴, оставшийся в России [Evenett, Pisani 2022], и на японское общественное мнение. По сравнению с антикитайскими и антикорейскими, меры, направленные против России, выглядят масштабнее и прагматичнее. Решительно, как и почти весь западный мир, обвинив в украинском кризисе Россию, Япония демонстрирует верность своему главному союзнику США, ожидая поддержки в случае конфликта, который может затронуть ее территориальную целостность. Поводом для него могут стать притязания Китая на острова Сэнкаку (Дяоюйдао), а также возможные нарушения других японских национальных интересов (покушение на статус-кво на Тайване).

Политика Японии в отношении России приводит к ответным мерам с российской стороны. Россия включила Японию в список недружественных государств, вышла из обсуждения мирного договора, прекратила действие соглашений о безвизовом обмене между южными Курильскими островами РФ и Японией от 1991 г. и о максимально облегченном посещении для ряда японцев Южных Курил от 1999 г.⁵ Кабинет Ф. Кисиды, поддерживающие антиросийский курс политические и общественные деятели совместно с ведущими японскими СМИ воспринимаются в России как ангажированные Западом⁶ и зависящие от США⁷ виновники кризиса в российско-японских отношениях.

Какие факторы заставили Японию пойти на полный разрыв с Россией, безоговорочно поддержав США?

Фактор текущего лидерства: Ф. Кисида

На начало СВО России на Украине лидером Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) и премьер-министром страны был Ф. Кисида. Так как он занимал пост министра иностранных дел в Кабинете Синдзо Абэ, с ним связывали надежды на продолжение сближения с Россией и использование для этого «личностной дипломатии» [Стрельцов 2020, 77]. Таким образом интерпретировали встречи Кисиды с С.В. Лавровым⁸ во время «оттепели» [Yennie-Lindgren 2018, 154] или «медового месяца» [Brown 2022] в отношениях между Россией и Японией.

Как предполагалось, от премьер-министра Японии можно было ожидать сдержанного отношения и даже недоверия к США как гаранту японской безопасности, что было связано с событиями в Хиросиме – городе, особенном для Ф. Кисиды. Его там избирали, оттуда родом его супруга, их родители, а также другие родственники, которые, как и местные

³ Japan, China agree. Japan, China agree to hold talks “at all levels” to improve ties. KYODO NEWS. 03.02.2023. (<https://english.kyodonews.net/news/2023/02/a2d470509f32-breaking-news-foreign-ministers-of-japan-china-hold-phone-talks-source.html>).

⁴ Японский бизнес в России ощутил последствия событий на Украине. Интерфакс. 01.04.2022. (<https://www.interfax.ru/business/832652>).

⁵ Заявление МИД России об ответных мерах на решения Правительства Японии. МИД России. 21.03.2022. (https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805541/).

⁶ Заявление МИД России об ответных мерах на политику Правительства Японии в отношении Российской Федерации. МИД России. 04.05.2022. (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1811646/).

⁷ Выступление В.В. Путина на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Kremlin.ru. 27.10.2022. (<http://kremlin.ru/events/president/news/69695>).

⁸ Akimoto D. (2021) The Arrival of Kishida Diplomacy? The Diplomat. September 07, 2021. (<https://thediplomat.com/2021/09/the-arrival-of-kishida-diplomacy/>).

жители, помнят об американской ядерной бомбардировке. Однако привязанность к городу проявилась лишь в уверенности Ф. Кисиды, что Хиросима – лучшее место, чтобы собрать G7 для «обсуждения мира в мире и ядерного разоружения» на фоне того, что Россия, по мнению собравшихся, «вторглась в Украину, угрожая применением ядерного оружия»⁹.

С началом СВО России на Украине Ф. Кисида последовательно продвигает идею укрепления союза с США [Горячева 2022, 139]. По мнению многих экспертов, при его правлении перспективы нормализации российско-японских отношений полностью отсутствуют. Для такой нормализации необходима прежде всего смена лидера и кабинета на менее зависимые от США. Подобные рассуждения справедливы, так как нужно учитывать традиционную слабость японской оппозиции.

Фактор японского политического режима: «необычная» демократия во главе с консерваторами и со слабой оппозицией

Японская политическая оппозиция включает большое количество партий, которые могут быть весьма многочисленными или представлены всего одним членом, но все они практически отстранены от принятия политических решений. Именно поэтому Японию нередко называют «необычной демократией» [Pempel 1990], в которой на протяжении десятилетий, с ее образования в 1955 г., доминирует ЛДПЯ. ЛДПЯ уходила в оппозицию лишь на 11 месяцев в 1993 г. и в 2009–2012 гг., при этом заменявшая ее Демократическая партия Японии не успевала провести реформы и показать свою эффективность.

С 1998 г. в правящую коалицию, помимо ЛДПЯ, входит партия Комэйто, или Партия чистой политики, образованная религиозной организацией Сока Гаккай. Последняя характеризуется своеобразным прочтением буддизма, культом лидера, выраженным прозелитизмом и политическими амбициями, а также давними культурными связями сначала с СССР, а потом и с Россией. Подчиненное положение этой партии относительно доминирующей в коалиции ЛДПЯ проявляется в том, что ее члены (в большинстве своем одновременно и члены Сока Гаккай) с 2022 г. солидаризируются с ЛДПЯ в воинственной антироссийской риторике. Обе партии не имеют четкой идеологии и опираются на консервативные социальные слои. Их электорат дисциплинированно приходит на избирательные участки и составляет большинство участников выборов, выражая общественную поддержку власти. Общественное мнение в Японии можно назвать изменяемым состоянием коллективного сознания, для манипулирования которым и продвижения официального дискурса общенациональные СМИ используют разнообразные технологии и инструменты.

Фактор мейнстримных институтов влияния на общественное мнение

Несмотря на то, что Япония относится к мировым рекордсменам по объему газетной продукции, так как производит 31 млн экземпляров в день¹⁰, этот рынок удерживают всего несколько участников: 7,4 млн, то есть почти четверть ежедневного национального тиража, издает только одна газета Yomiuri. Она входит в так называемую «большую пятерку» газет (Yomiuri, Asahi, Mainichi, Nikkei и Sankei). Есть «большая пятерка» и на ТВ: пять национальных телеканалов (NHK, Nippon TV, Fuji TV, TBS, TV Asahi) во главе

⁹ Hiroshima summit to be held in 2023, first in A-bombed city, “suitable place” given the situation in Ukraine. Chugoku Shimbun Digital. May, 23, 2022. (<https://www.chugoku-np.co.jp/articles/-/167934>).

¹⁰ Circulation and Households. Japan Newspaper Publishers and Editors Association. (<https://www.pressnet.or.jp/english/data/circulation/circulation01.php>).

со второй в мире после британской ВВС и созданной в 1929 г. по ее подобию Японской вещательной корпорацией NHK.

Помимо ограниченного количества общенациональных источников публичной информации, японские СМИ имеют другие особенности: они не свободны, зависимы от власти (американский журналист М. Факлер называет такую ситуацию «захватом медиа») («media capture») [Fackler 2021, 4]); выступают как «придатки» власти [Ibid., 6]; журналисты недобросовестно освещают события, [Ibid., 5] используют непроверенные факты из официальных заявлений; СМИ не способны информировать читателей о наличии альтернативных точек зрения [Ibid., 5]; отказываются оспаривать официальные версии событий и обсуждать факты, которые власть хочет скрыть от общественности [Ibid., 8]. М. Факлер отмечает, что японские СМИ менее свободны, чем в других демократических странах, где феномен «захвата медиа» властью тоже имеет место. «Однако японская версия журналистики является более экстремальной, обеспечивая единообразное монолитное освещение событий, более близкое к тому, что наблюдается в недемократических обществах. Наиболее подходящим американским эквивалентом может быть период крайнего патриотического пыла между террористическими атаками 11 сентября 2001 г. и вторжением в Ирак в марте 2003 г., когда американские СМИ не смогли адекватно оспорить ошибочные заявления администрации Буша о том, что Ирак обладал оружием массового уничтожения» [Ibid., 5].

Есть еще одна особенность, о которой не говорит американский эксперт, – зависимость японских политических элит от США: они несвободны в словах, мнениях и выборе информации для общественного обсуждения, поэтому японские медиа получают максимально редуцированные официальные версии событий по сравнению, скажем, с американскими СМИ.

По мнению экспертов, японские СМИ превосходили любые западные¹¹ в поддержке американской точки зрения относительно причин и последствий украинского кризиса, в распространении мифа о России как экзистенциальной угрозе для мира. СМИ проводят опросы, согласно которым 67% японцев одобряют санкции против России¹², 50% поддерживают кабинет премьер-министра и 52% – его действия по отношению к России. Подобные опросы, скорее всего, охватывают подписчиков газеты, организующей опрос, и людей, у которых она не вызывает отторжения (в Японии у каждой ведущей газеты есть своя аудитория – социальный слой читателей, более того, отнюдь не все японцы читают газеты), то есть отражают мнение лишь части японской общественности. Однако и опросы, и вся деятельность общенациональных СМИ внешне укрепляют фундамент официального дискурса.

Немейнстримный дискурс в противодействии мейнстримному

В Японии действует ряд партий, неправительственных организаций, общественных движений, отдельных парламентариев и других представителей политических и интеллектуальных элит, которые ведут политическую борьбу против Ф. Кисиды и его администрации по всем ключевым вопросам. Они представляют разные идеологии, но их объединяющей основой выступает антиглобализм и отказ от гегемонии США, приверженность японским национальным интересам и патриотизм, уверенность в неэффектив-

¹¹ См., например, мнение К. Харагути, высказанное в беседе с К. Исида 16.05.2023 г.: 【第三世界経済圏】岸田政権の外交、軍拡、増税が過去一ヤバい！ 本気で戦争をやりたいやつらがいる。YouTube. (<https://www.youtube.com/watch?v=0fko39Y8OEK&t=49s>) или мнение Ю. Оикава, высказанное в глубинном интервью 08.02.2023.

¹² Survey: 67% of Japanese favor sanctions against Russia. Asahi. 22.03.2022. (<https://www.asahi.com/ajw/articles/14578621>).

ности нынешнего руководства страны и желание его заменить. Для целого ряда представителей немейнстримного политического спектра Японии украинский кризис стал еще одним доказательством слабости правительства и ошибочных действий премьер-министра, которые усугубляют положение Японии как зависимой от США страны, лишенной суверенитета.

Т. Ямамото, лидер одной из новых парламентских партий Рэйва Синсэнгуми (образована в 2019 г.), на заседании парламента адресовал Ф. Кисиде и ряду министров нелицеприятные вопросы: является ли Япония колонией США; почему деятельность Японо-американского объединенного комитета, с 1960 г. определяющего направление японской политики, носит закрытый характер? Ямамото интересуется, кроме того, секретное соглашение с ЦРУ, согласно которому в ситуации опасности японские Силы самообороны должны подчиняться командованию США, а также за что неизменно находящаяся у власти ЛДПЯ регулярно получает от США деньги¹³. Выступления этого политика резко отличаются от поведения других оппозиционных парламентариев, чья критика в адрес ЛДПЯ была метко охарактеризована как «булавочные уколы» [Молодякова 2012, 36].

В оценке роли США по отношению к Японии и ответственности слабого политического лидера Ф. Кисиды за беспрецедентное усугубление вассальной зависимости японской внешней политики партия Рэйва Синсэнгуми близка к другой новой оппозиционной партии (образована в 2009 г.) – Партии реализации счастья (Ко:фуку дзицугэнто). Эта партия связана с типологически похожей на Сока Гаккай религиозной группой (Happy Science). Ко:фуку дзицугэнто считает Россию важнейшим для Японии соседом (и в этом тоже проявляется сходство с Сока Гаккай) и стратегическим партнером, со своего основания она остается сторонником подписания мирного договора с Россией вне решения вопроса об островах и не изменила свою позицию после февраля 2022 г. Один из лидеров Ко:фуку дзицугэнто Ю. Оикава задолго до украинского кризиса предупреждал о возможности его наступления, а также говорил о роли американских неоконсерваторов, заинтересованных в вооруженных конфликтах по всему миру. По его мнению, они не только поддерживают вторжение США в горячие точки и смену политических режимов на подконтрольные американцам, но планируют ослабить и раздробить Россию при содействии украинских националистов. С такими же предупреждениями выступал и бывший посол Японии на Украине в 2005–2008 гг., ныне профессор японской Военной академии М. Мабути¹⁴. По мнению Ю. Оикавы, Украина – идеальный выбор для достижения целей США в отношении России, а причина осложнения российско-японских отношений кроется в слабом политическом руководстве в лице действующего премьер-министра Ф. Кисиды. Беспрецедентная в истории российско-японских отношений враждебность Японии, демонизация России, эскалация информационной войны против нее, поддержка западных санкций и доведение их до абсурда, углубление вассальной зависимости японской внешней политики от американской – выбор и ответственность Ф. Кисиды.

С мнением Оикавы согласны и другие представители немейнстримного дискурса. Так, журналист и политический комментатор ряда изданий К. Ито, тридцать лет живущий и работающий в Вашингтоне, высказывается против «ненужной», «гротескной», как он ее называет, войны на Украине, утверждая, что Америка долгое время готовила

¹³ 【国会】山本太郎が闇に迫る！「自民党とCIA、密約、旧敵国条項、そして日米合同委員会…」岸田総理に問う…！【れいわ新選組/切り抜き】 YouTube. 05.03.2023. (<https://www.youtube.com/watch?v=q9gBQhwvXE>).

¹⁴ 【馬淵睦夫】ウクライナ危機を仕掛けたのは実は●●です…【ひとりごと/振り返りpart27】. YouTube. 14.03.2023. (<https://www.youtube.com/watch?v=vbDz50EkbhI>).

план раздробления России и победы над В. Путиным, который выступает против гегемонии США¹⁵. Политический аналитик С. Ватанабэ утверждает, что Россия и Украина в марте-апреле 2022 г. договорились остановить войну, но НАТО вынудила Украину продолжать ее¹⁶. Консультант по антикризисному управлению Х. Марутани считает, что причиной украинского кризиса стал план США, разработанный в 1990-е гг., разрушить связи между Германией и Россией и установить контроль над последней. Он также обсуждает ход и итоги украинского кризиса, его перспективы, направления японской дипломатии в диалоге с Россией¹⁷.

Против тотальной зависимости Японии от США в ущерб японским интересам высказывается политический аналитик, специалист по Азии, Ближнему Востоку и Африке, автор книг «Азербайджан, которого не знают в Японии», «Официальный путеводитель по правительству Азербайджана», «Сила нефтяных денег» и других, К. Исида. Среди военных экспертов в оппозиционном ключе выступает генерал-майор Е. Яно. Анализируя итоги развития кризиса, соотношение военных сил России и Украины, он уже в декабре 2022 г. доказал, что Россия выигрывает. Он видит целью российской операции обеспечение безопасности страны, анализирует развитие международных отношений после ее предстоящей победы, негативно оценивает перспективы развития японской системы безопасности на ближайшие два года¹⁸. Последнее побуждает к активным выступлениям даже отдельных представителей «мейнстримной» оппозиции. Например, бывший член ЛДПЯ, сейчас представляющий в парламенте образованную в 2017 г. Конституционно-демократическую партию Японии, К. Харагути заявляет, что Япония не может полагаться на США в вопросах своей безопасности. Он приводит факты невыполнения Вашингтоном своих обязательств по отношению к Японии в поставках современных вооружений. Также К. Харагути утверждает, что американские военные базы на территории Японии не обеспечивают защиту, а создают новые риски, кроме того, политика США разрушающе влияет на отношения Японии с ближайшим соседом – Россией¹⁹.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на постоянные отсылки к России и российско-японским отношениям, позиция упомянутых лидеров не носит пророссийский характер. Более того, парламентская партия Рэйва Синсэнгуми солидаризируется с ЛДПЯ и большинством японских партий в осуждении России в связи с украинским кризисом. Однако и Рэйва Синсэнгуми, и другие оппозиционные партии отказываются видеть виновником украинского кризиса только Россию. Они открыто заявляют о вине США, на примере украинского кризиса обвиняют Ф. Кисиду в несамостоятельной политике, углублении колониальной зависимости от США и утрате суверенитета, напоминают о необходимости принимать во внимание российские интересы и российскую позицию. По этим пунктам немейнстримный политический дискурс совпадает с российским.

¹⁵ 【伊藤貫の真剣な雑談】第6回 伊藤貫×水島総特別対談「ウクライナ危機の深層～危険なネオコンの思い上がりと戦後保守の愛国ゴッコ」[桜R4/5/14]. YouTube. 14.05.2022. (<https://youtu.be/Ehf-NodXCYM>).

¹⁶ 【そうきチャンネル】反NATOデモ ウクライナ戦争の真相 日米近現代史研究家 渡辺 惣樹(わたなべ そうき) 23.001 #渡辺惣樹 #わたなべそうき #そうきチャンネル. YouTube. 04.03.2023. (<https://www.youtube.com/watch?v=WmEPH5vXOo>).

¹⁷ 特番『矢野先生に訊く！ウクライナ侵攻から1年。現状と今後を分析』ゲスト：岐阜女子大学特別客員教授 元陸上自衛隊陸将補 矢野義昭氏. YouTube. 13.03.2023. (https://www.youtube.com/watch?v=1G_bpXnBJG0).

¹⁸ 「ウクライナ危機から1年で今後の世界は？日本はロシアとどう付き合うべきか？」松田政策研究所代表 松田学. YouTube. 03.03.2023. (<https://www.youtube.com/live/0a4PsRR2VrE?si=u-WqOEigDvWMGk0T>).

¹⁹ 【第三世界経済圏】岸田政権の外交、軍拡、増税が過去一ヤバイ！本気で戦争をやりたいやつらがいる. YouTube. 16.05.2023. (<https://www.youtube.com/watch?v=0fko39Y8OEK&t=49s>).

По мнению Ю. Оикавы, мнение рядовых японцев поменялось за год конфликта из-за чрезмерной активности президента В. Зеленского в его требованиях к западным странам, а также благодаря росту их доверия к информации и аналитике в соцсетях. Если год назад только три лидера оппозиционного дискурса предлагали альтернативную интерпретацию украинского конфликта, то сейчас их ряды расширились, поменялось отношение к ним: им начинают доверять, к ним прислушиваются. Важно, что карьера большинства из них, предшествующая или сопутствующая политической, позволяет причислить их к элите, а это высоко ценят в японском обществе. Привлекает японских граждан и их ясная гражданская позиция, а также чувство ответственности за свою страну. Отсутствие у большинства оппозиционеров личной или профессиональной заинтересованности в России выгодно отличает их от университетских преподавателей и других «русистов». Показателен случай И. Осаки, русиста, который проходил стажировку в Дальневосточном государственном университете. В статье для издания JB Press он обвинил Ф. Кисиду в бездумном следовании санкциям, невнимании к интересам России, в поставках Украине беспилотников, что повышает вероятность втягивания Японии в мировую войну, призвал население Японии не допустить развития такого сценария²⁰. Однако в ответ он услышал разгневанные комментарии и обвинения в предвзятости.

Не пользуются доверием и издания, подобные Shukan Gendai, которые с начала украинского кризиса выступают с критикой США и Украины, пытаются разобраться в происходящем и не обвинять только Россию²¹. Отметим, что они имеют скандальную репутацию и поэтому не пользуются уважением ни в Японии, ни за ее пределами. Тот факт, что публикации этого и других подобных изданий изредка попадают в поле зрения российских журналистов (и они их цитируют), имеет, скорее, отрицательный эффект, дает повод критиковать российские медиа за использование информации из сомнительных источников.

Доверие к аналитике лидеров оппозиции, помимо прочего, связано с недостатками официальной пропаганды. Представители немейнстримного дискурса комментируют украинский кризис разносторонне и системно, рассматривая его в глобальном масштабе, с учетом роли США и Японии как их сателлита в мировых кризисах. Политическая аналитика и распространение ее выводов, продвижение собственной точки зрения, привлечение на свою сторону единомышленников – это ежедневная, требующая серьезных временных и иных затрат работа. Аналитики изучают большие массивы данных из разных источников, предлагают оригинальную их интерпретацию, на этой основе ведут борьбу с правящей элитой против ее американоцентричной политики. Оппозиционеры относительно свободны в выборе тем, в том числе табуированных в официальных медиа, и благодаря этому создают альтернативу однообразной официальной пропаганде. Они более активны в соцсетях, чем в СМИ, а это важно, поскольку к началу украинского кризиса японцы на 60% реже по сравнению с 2021 г. знакомились с новостями по газетам²². Согласно Digital News Report 2022²³, Интернет в Японии превратился в абсолютного лидера как по вре-

²⁰ ロシアより先に戦争を始めたのは米国とウクライナの可能性. JBPress. 22.11.23. (<https://jbpress.ismedia.jp/articles/-/72795>).

²¹ См., например, статьи Хироси Охары «Байден и Зеленский уже в тупике?», «Действительно ли Россия разрушила газопровод Северный поток?», «Станет ли для США украинский кризис войной во Вьетнаме XXI века?», «Злодей только Путин?». (<https://gendai.media>).

²² The Japan Newspaper Publishers and Editors Association (updated 2022). Circulation and Household. (<https://www.pressnet.or.jp/english/data/circulation/circulation01.php>).

²³ Reuters Institute Digital News Report 2022. (https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2022-06/Digital_News-Report_2022.pdf).

мени, которое проводят в нем японцы (168,4 минуты в день²⁴), так и по показателям интернет-рекламы, которые превосходили совокупный показатель телевидения, печати и радио. Косвенным подтверждением растущей роли социальных сетей можно считать падение операционных доходов коммерческих вещательных компаний, которые в 2020 г. сократились на 11,3% и так и не вернулись к доковидному уровню [Sawa, Saisho 2022, 138].

Соцсети достаточно автономны, и японскому государству не удастся поставить их под контроль [Fackler 2021, 9], поэтому их могут использовать любые оппозиционные движения. Даже те представители немеинстримной оппозиции, кто присутствует в парламенте, институционализируют свою деятельность в том числе посредством Интернета, чтобы расширить свою аудиторию. Обе упомянутые выше партии (Рэйва Синсэнгуми и Ко:фуку дзицугэнто), а также парламентарии и руководители аналитических институтов располагают различными площадками для встреч с общественностью, но в то же время активно используют соцсети. Все публичные, в том числе парламентские, выступления лидера партии Рэйва Синсэнгуми Т. Ямамоты можно обнаружить в Интернете на YouTube-канале поддержки его партии. Партия реализации счастья не представлена в парламенте, поэтому Интернет служит основным проводником ее идей, ее представитель Ю. Оикава имеет свой YouTube-канал и ведет ежедневные программы.

Нельзя не отметить, что и мейнстримный, и немеинстримный политический лагерь Японии по-своему капитализируют украинский кризис. Лидер ЛДПЯ и действующий премьер-министр планирует провести досрочные выборы на фоне поддержки населения (выше упоминалось, какая именно часть населения имеется в виду) его политики в отношении США в контексте украинского кризиса, чтобы гарантировать свое переизбрание. Официальная пропаганда добилась того, что украинский кризис оказался для рядовых японцев более узнаваемым, чем даже внутренние проблемы или международные кризисы, в том числе в Сирии, Ливии, Ираке, Афганистане. Поэтому те из оппозиционных политических аналитиков, кто активно комментирует украинский кризис и открыто противопоставляет свое мнение официальному, приобретают большую известность, а с ними растет известность и узнаваемость их партий и движений. Благодаря критике действий правительства в отношении ситуации на Украине немеинстримный политический лагерь становится более заметным в однородном политическом пространстве Японии. Если в начале кризиса были заметны лишь некоторые представители немеинстримного политического дискурса, то сейчас, как утверждает Ю. Оикава, их десятки.

Кумулятивно это влияет на мнение японцев, нивелируя усилия традиционных медиа, транслирующих в массы проамериканскую позицию нынешнего политического истеблишмента. Согласно комментариям в соцсетях, японцы не уверены, что Япония должна помогать Украине, и не поддерживают милитаристские планы кабинета Ф. Кисиды, а также самого Ф. Кисиду, который, как они считают, не уделяет должного внимания внутренней политике и экономике. Расхождения между данными опросов общественного мнения и комментариями в сетях показывают, что работа, которую ведут в Интернете, результативна, по крайней мере в отношении определенных социальных слоев. Благодаря постоянному присутствию немеинстримного дискурса в соцсетях и его высокому качеству общественное мнение в отношении украинского кризиса постепенно меняется. Это подтверждает и рост количества подписчиков на каналы немеинстримных политиков. Для сравнения: численность подписчиков YouTube-канала политического обозревателя одной из газет «большой тройки» Mainichi K. Мияхары не превышает пяти тысяч [Sawa,

²⁴ Ministry of Internal Affairs and Communications. Survey Report on Usage Time of Information and Communications. Media and Information Behavior. (https://www.soumu.go.jp/main_content/000765135.pdf).

Saisho 2022, 138], в то время как у Ю. Оикавы, М. Мацуды, С. Мидзусимы, С. Ватанабэ, К. Исиды и других упомянутых выше лидеров оппозиции их по 150–600 тыс.

* * *

Подводя итог исследованию политического дискурса в Японии, нужно подчеркнуть: не следует переоценивать значение новых тенденций, связанных с усилением влияния социальных сетей на умы граждан Страны восходящего солнца. Консервативное большинство остается большинством и поддерживает политический мейнстрим. Это сознательная позиция, которая обеспечивает комфорт неведения. При всех погрешностях социологических опросов они отражают ситуацию неприятия России в современной Японии. Немеинстримный дискурс все отчетливее проявляет себя, но популярен только среди тех, кто ведет поиск информации и аналитики, альтернативной официально признанной.

Точных методов, которые позволяли бы измерять численность приверженцев альтернативной трактовки современных событий, практически не существует. Опросы общественного мнения организуют в Японии, как было упомянуто выше, под государственным контролем, они зачастую учитывают преимущественно мнение аудитории официальных СМИ – газет и ТВ. Тем не менее можно утверждать, что информационное противодействие мейнстримному дискурсу, дискредитация официальной пропаганды на основе реальных фактов и выводов снижают влияние официальных источников информации, причем как по горизонтали, так и по вертикали.

Более жесткими и уверенными становятся дебаты в парламенте, усиливается антиамериканская и антиглобалистская риторика, более широкую поддержку получает мнение об истинных истоках и причинах украинского кризиса и разрыва отношений с Россией.

Чем заметнее разногласия между мейнстримным и немеинстримным политическими лагерями в отношении украинского кризиса, тем больше сомнений и недоверия к официальной пропаганде возникает в общественном мнении. Японский немеинстримный политический дискурс фактически усиливает российскую информационную кампанию, помогает доносить до японской аудитории сведения о роли США и мотивах России в украинском кризисе, создает предпосылки для нормализации российско-японских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Горячева Е.А. (2022) Политика кабинета премьер-министра Японии Фумио Кисиды в контексте кризиса на Украине // Современная научная мысль. № 3. С. 134–140. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-134-140

Goriacheva E.A. (2022) Politika kabineta premier-ministra Yaponii Fumio Kishida v kontekste krizisa na Ukraine [Policy of the Cabinet of Japanese Prime Minister Fumio Kishida in the Context of the Crisis in Ukraine]. *Sovremennaiia nauchnaya mysl*. no. 3, pp. 134–140. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-134-140 (In Russ.)

Молодякова Э.В. (2012) Политическая система Японии: возможны ли радикальные перемены? // Восточная аналитика. № 3. С. 32–38.

Molodyakova E.V. (2012). Politicheskaiia Sistema Yaponii: vozmozhny li radikalnye peremeny? [Political System of Japan. Are Radical Changes Possible]. *Vostochnaya analitika*. no. 3, pp. p. 32–38. (In Russ.)

Стрельцов Д.В. (2020) Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО-Университета. № 13. С. 68–85.

Streltsov D. (2020) Rossiisko-yaponskie otnosheniya: dolgosrochnye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. no. 13, pp. 68–85. (In Russ.)

Brown, James D.J. (2022) Russia «Turns to the East» yet away from Japan (2012–2022) // Special Forum Issue “Revisiting Russia’s “Turn to the East” amid the Ukraine War” The ASAN Forum. 11.05.2022. (<https://theasanforum.org/russia-turns-to-the-east-yet-away-from-japan-2012-2022/>)

Evenett S., Pisani N. (2022) Less than Nine Percent of Western Firms Have Divested from Russia. SSRN. 20.12.2022. 16 p. (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4322502>)

Fackler M. (2021) Media Coverage of Fukushima, Ten Years Later // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus (Special Issue: Legacies of Fukushima). Vol. 19. No. 17. Pp. 1–9.

Kucukdegirmenci O. (2022) Change is Required in Japan Security Policy. Organization for Research on China and Asia. 12 AUGUST 2022. (<https://cesran.org/change-is-required-in-japans-security-policy.html>)

Pempel T.J. (1990) Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes. Ithaca, New York: Cornell University Press. 384 p.

Sawa Y., Saisho R. (2022) Japan // In: Newman N., Fletcher R., Robertson C.T., Eddy K., Kleis Nielsen R. Reuters Institute Digital News Report 2022. Reuters Institute for the Study of Journalism. Oxford, UK: University of Oxford. (<https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022/japan>)

Yennie-Lindgren W. (2018) New Dynamics in Japan–Russia Energy Relations 2011–2017 // Journal of Eurasian Studies. Vol. 9. Issue 2. Pp. 152–162. DOI: 10.1016/j.euras.2018.06.002

Информация об авторе

Никипорец-Такигава Галина Юрьевна, доктор политических наук, профессор департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 119017, Россия, Москва, М. Ордынка ул., д. 17, стр. 1. E-mail: gnikiporets-takigawa@hse.ru

About the author

Galina Nikiporets-Takigawa, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy & International Affairs, HSE University. Address: 119017, Russia, Moscow, M. Ordynka street, 17-1. E-mail: gnikiporets-takigawa@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 08.06.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.07.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 327

DOI: 10.31857/S0869049923050088
EDN: MQRDYF

В ФОКУСЕ КАЗАХСТАН KAZAKHSTAN IN FOCUS

Оригинальная статья/ Original article

Перспективы укрепления логистического взаимодействия России и Китая в контексте «Нового Шелкового пути» и фактор Республики Казахстан¹

© М.О. ДМИТРИЕВА, Д.К. ТОКОЛЬДОШЕВ, О.А. ШЕГИРБАЕВ

Дмитриева Марина Олеговна, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), dmitrieva.mo@dvfu.ru. ORCID: 0000-0003-1010-5108

Токольдосhev Дастан Канатбекович, Институт стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете (Бишкек, Кыргызстан), dastan.tokoldoshev@gmail.com. ORCID: 0009-0007-8102-5945

Шегирбаев Ожет Амирбекович, Департамент аналитики мировых рынков QazTrade (Астана, Казахстан), ojetov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7414-4689

Рассмотрены основные актуальные процессы формирования новейшей модели транспортно-логистического взаимодействия на территории Евразийского континента, а также главные геополитические и макроэкономические тенденции, которые стали причиной их ускоренного становления. Изучено постепенное укрепление всестороннего сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики как ключевых держав на современной политической карте мира. Выделена активность Республики Казахстан в призме зарождающейся новейшей «панъевразийской» системы межгосударственных логистических контактов.

Ключевые слова: Россия, Китай, Казахстан, логистика, геополитика, экономика, транспортно-логистическая система, Новый Шелковый путь, Евразия

Цитирование: Дмитриева М.О., Токольдосhev Д.К., Шегирбаев О.А. (2023) Перспективы укрепления логистического взаимодействия России и Китая в контексте «Нового Шелкового пути» и фактор Республики Казахстан // Общественные науки и современность. № 5. С. 98–109. DOI: 10.31857/S0869049923050088, EDN: MQRDYF.

¹ Финансирование. Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Транспортно-логистические проекты в Евразии в условиях меняющегося мирового порядка» при поддержке Фонда публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

Funding. The article was prepared as part of the research project “Transport and logistics projects in Eurasia in a changing world order” with the support of the A.M. Gorchakov Public Diplomacy Foundation.

Prospects for Strengthening Logistics Cooperation between Russia and China in the Context of the “New Silk Road” and the Factor of the Republic of Kazakhstan

© M. DMITRIEVA, D. TOKOLDOSHEV, O. SHEGIRBAYEV

Marina O. Dmitrieva, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), dmitrieva.mo@dvfu.ru.
ORCID: 0000-0003-1010-5108

Dastan K. Tokoldoshev, Institute of Strategic Analysis and Forecasting (Bishkek, Kyrgyzstan), dastan.tokoldoshev@gmail.com. ORCID: 0009-0007-8102-5945

Ozhet A. Shegirbayev, QazTrade World Markets Analytics Department (Astana, Kazakhstan), ojetov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7414-4689

Abstract. Main current processes of the formation of the new transport and logistics interaction model on the territory of the Eurasian continent are discussed, as well as the main geopolitical and macroeconomic trends that have caused their accelerated formation. Gradual strengthening of all-around cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China as key powers on the modern political map of the world is studied. The activity of the Republic of Kazakhstan is considered through the prism of the emerging newest “pan-Eurasian” system of interstate logistics contacts.

Keywords: Russia, China, Kazakhstan, logistics, geopolitics, economy, transport and logistics system, New Silk Road, Eurasia

Citation: Dmitrieva M., Tokoldoshev D., Shegirbayev O. (2023) Prospects for Strengthening Logistics Cooperation between Russia and China in the Context of the “New Silk Road” and the Factor of the Republic of Kazakhstan. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 98–109. DOI: 10.31857/S0869049923050088, EDN: MQRDYF.

Трансформация современной модели политического устройства мира сопровождается событиями и явлениями, которые в конечном счете формируют экономико-политическое и социогуманитарное положение каждого континента, региона и государства. Взаимобусловленность глобальных пертурбаций геополитической среды и внутрирегиональных механизмов экономического, торгово-инвестиционного и валютно-финансового взаимодействия между странами, у которых есть собственные стратегические интересы, подтверждается фактологически. В качестве примера можно привести усиление политического и экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (двумя наиболее влиятельными державами Евразийского континента) как основными оппонентами западнцентричного блока государств (США, страны-лидеры Евросоюза и ряд государств АТР). Россия и Китай выступают в роли важных акторов международных отношений, так как обладают значимым потенциалом расширения сферы своего политического и экономического влияния на мировой сцене. Формируется новый фундамент торгово-экономических и логистических взаимосвязей, которые будут пронизывать всю территорию Евразии, а также обеспечивать выход к ключевым морским портам.

Рассматриваемая проблематика широко освещается в экспертной среде. Однако события последних лет – пандемия, обострение отношений России и Китая со странами Запада вкупе со стремительными переменами политического устройства мира – ставят новые вопросы о дальнейшем развитии транспортно-логистического путей в Евразии и роли отдельных государств и институтов в этом процессе.

Обстоятельный разбор современной транспортной логистики Российской Федерации провели российские исследователи М.Б. Малецкая и С.Г. Холмовский [Малецкая, Холмов-

ский 2022]. Тенденции и перспективы развития транспортно-логистического комплекса Республики Казахстан изучила российский экономист Е.А. Вечкинзова [Вечкинзова 2020]. Вопросы продвижения китайской инициативы «Пояса и Пути» и роли России в этом процессе исследовал отечественный историк С.Г. Лузянин [Лузянин 2017; Luzyanin 2016]. Российские исследователи И.Ю. Зуенко и С.В. Зубань описали, как развитие транспортно-логистического сотрудничества Китая и Казахстана влияет на дальневосточные регионы России [Зуенко, Зубань 2016; 2017].

Тему логистики на евразийском пространстве часто рассматривают в диссертационных исследованиях. К ним можно отнести такие работы, как «Эволюция значения международных транспортных коридоров в мировой политике на примере России»², «Международные транспортные коридоры в условиях формирования нового мироустройства»³, «Геополитические аспекты формирования международных транспортных коридоров в новой модели мира»⁴. В этих работах подчеркнуто, что к настоящему времени еще не сформировалась специальная методология изучения транспортно-логистической сферы и международных транспортных коридоров. В настоящей статье использованы сравнительный, исторический, институциональный и функциональный методы исследования. Информационной базой исследования стали соглашения и договоры, интервью и выступления официальных лиц, а также документы, регламентирующие внешнюю политику государств.

Объект исследования – глобальная евразийская транспортно-логистическая инфраструктура.

Предмет исследования – активность России и Китая в выстраивании партнерских торгово-экономических взаимоотношений, которая рассматривается через призму междо-странового логистического взаимодействия, а также действия Республики Казахстан по укреплению существующих континентальных логистических путей и продвижению собственной политики развития торговых отношений.

Цель исследовательской работы – выявить глобальные трансформации в транзитно-транспортной инфраструктуре на пространстве Большой Евразии в современных геополитических условиях. Для достижения данной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- исследовать тенденции развития российско-китайских отношений на фоне активно меняющейся политической картины мира;
- определить роль Казахстана в текущих изменениях в транзитно-транспортных маршрутах.

Научная новизна работы заключается в том, что был разработан комплекс теоретических и практических положений, которые раскрывают особенности и основные тенденции развития международной транспортной логистики. Продемонстрирован потенциал ее ускоренного развития на фоне укрепления сотрудничества РФ и КНР. Также проанализированы актуальные тенденции политического и экономического развития Казахстана, в результате которых государство может стать новым крупным региональным актором в современной системе международных отношений.

² Подберезкина О. А. (2015) Эволюция значения международных транспортных коридоров в мировой политике на примере России: специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва. 22 с. EDN: ZPPGBR.

³ Бирюков П.Э. (2021) Международные транспортные коридоры в условиях формирования нового мироустройства : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.06. Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Москва. 181 с. : ил.

⁴ Пак Е.В. (2017) Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе: специальность 08.00.14 «Мировая экономика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва. 27 с. EDN: ZWGOXT.

Актуальные политические процессы и нынешняя архитектура двусторонних отношений РФ и КНР

Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в настоящий момент перешло на качественно новый этап развития. Динамика данного процесса во многом обусловлена перешедшим в фазу прокси-войны противостоянием стран Североатлантического альянса с Россией, которая отстаивает собственные стратегические интересы. Помимо основных лидеров блока НАТО в противостояние постепенно вовлекают других международных акторов. Конфликт приобретает масштаб региональной проблемы, которая в конечном счете может затронуть стратегические интересы всех крупных держав Евразийского континента – в том числе и Китая.

Для партнеров России существует риск попасть под опосредованное воздействие санкций, введенных странами коллективного Запада в отношении РФ. Россия – один из стратегических партнеров КНР, и китайская сторона воспринимает этот фактор достаточно серьезно. Помимо сложностей, вызванных экономическим давлением на Москву, Пекин сталкивается и с прямой угрозой изменения форматов экономического взаимодействия с США в связи с усиливающейся антикитайской риторикой Вашингтона. О подобном положении дел свидетельствуют заявления государственных органов КНР о недопустимости «санкционного шантажа», который ускоряет приближение мирового финансового и экономического кризиса, а также дестабилизирует мировой рынок⁵.

В сложившейся ситуации также обращает на себя внимание принятое в конце марта 2023 г. Палатой представителей Конгресса США решение одобрить законопроект, который официально лишает Китай статуса развивающейся страны в рамках существующих международных организаций и форматов межгосударственного диалога⁶. Согласно данному законопроекту, КНР должны официально признать развитой страной, которая не нуждается в преференциях или финансовой помощи в случае наступления серьезной кризисной ситуации, экономических либо политических потрясений.

Подобные факты могут говорить о том, что высшее руководство США меняет форматы взаимодействия как с Россией, так и с Китаем. Белый дом неоднократно называл страны своими «противниками» и даже угрозой национальной безопасности, которая препятствует развитию американского государства⁷.

Всестороннее укрепление контактов РФ и КНР на фоне нарастающей напряженности в их взаимоотношениях со странами коллективного Запада представляется логичным. На сегодняшний день состояние российско-китайских двусторонних отношений характеризуется как стабильное и обладающее существенным потенциалом для дальнейшего укрепления и развития. Данный тезис подкрепляет визит в марте 2023 г. вновь избранного генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина в Москву. В ходе официальной встречи лидер Китая и президент России Владимир Путин обсуждали актуальные тенденции политического, экономического и торгового характера.

Встреча лидеров двух стран следует установкам принятой в конце марта 2023 г. Концепции внешней политики РФ, в которой отмечена необходимость оказывать «приори-

⁵ В Китае заявили, что не поддерживают санкции США против России. Информационное агентство ТАСС. 17 марта 2022. (<https://tass.ru/ekonomika/14098965>).

⁶ Suspend the Rules and Pass the Bill, H. R. 1107, With an Amendment – 118TH CONGRESS 1ST SESSION H. R. 1107 (February 21, 2023). (https://docs.house.gov/billssthisweek/20230327/H1107_SUS_xml.pdf).

⁷ National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review – Secretary of Defense, 1000 Defense Pentagon, Washington. DC 20301-1000. (October 27, 2022). (<https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF>).

тетное внимание развитию обоюднорезультативного сотрудничества во всех сферах, оказанию взаимопомощи и укреплению координации на международной арене в интересах обеспечения безопасности, стабильности, устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях как в Евразии, так и в других частях мира»⁸.

Развитие торгово-логистического сотрудничества. Второе дыхание «Нового Шелкового пути»

В ходе встречи стороны подтвердили нацеленность на совместное разрешение глобальных вызовов и обоюдное обеспечение курса на дальнейшее развитие двусторонних отношений. Также они определили новые цели, задачи и стратегические подходы к экономическому партнерству Москвы и Пекина. Совместное заявление о подготовке программы развития ключевых направлений экономического сотрудничества до 2030 г. дает «зеленый свет» разработке новых механизмов торгового взаимодействия на международном уровне⁹. Особый акцент будет сделан на расширении товарообменных операций, связанных с энергоресурсами и продуктами электротехнической промышленности.

Готовность укреплять и развивать сложившуюся модель торговых отношений создает благоприятный фон для улучшения транспортно-логистической сферы. Логистическая связь между странами, регионами и континентами, будучи своего рода «кровеносной системой» мировой торговли, может рассматриваться в качестве наиболее приоритетного аспекта стратегических интересов государств, заинтересованных в сотрудничестве. Так, сеть транспортно-логистической инфраструктуры Китая и России включает в себя многочисленные морские порты, авто- и железнодорожные сети, трубопроводы и другие объекты. Трансформация данных объектов способна значительно повлиять на всю систему межгосударственных торговых контактов.

Активное привлечение финансовых и иных средств и ресурсов для улучшения логистической инфраструктуры между двумя странами дает основания прогнозировать новые подвижки в концепции «Пояс и Путь». Данный проект предусматривает создание масштабной системы сухопутных, морских и воздушных транспортных путей, а также трубопроводов и систем электропередачи, которые будут построены от территорий юго-востока Азии до северных границ Европы и продвинулись через Атлантику к североамериканскому континенту.

Китайская сторона инициировала разработку данной концепции после тяжелых последствий мирового экономического кризиса 2008 г. Концепция объединила два глобальных проекта («Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века»), которые стали частями единой стратегии национального развития Китая) в общий проект «Один пояс – один путь» (ОПОП). Китай считает, что данная инициатива приведет мир к совместному развитию, процветанию, сотрудничеству и обоюдному выигрышу¹⁰. По мнению руководства КНР, выполнение проекта придаст импульс сотрудниче-

⁸ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Официальный сайт Президента России. 31 марта 2023. (<http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>).

⁹ «В хорошем смысле дерзкие цели». Три итога саммита Си Цзиньпина и Владимира Путина. Новостной сайт RTVI. 23 марта 2023. (<https://rtvi.com/stories/v-horoshem-smysle-derzkie-czeli-tri-itoga-sammita-si-czzinpina-i-vladimira-putina/>).

¹⁰ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Сайт Посольства КНР в Республике Узбекистан. 2015-04-16. (<http://uz.china-embassy.gov.cn/rus/slfy/sczljjd/>).

ству между государствами-участниками, а также обеспечит сохранение мира, открытость и доверие в отношениях между странами. Программа рассчитана до 2049 г. – даты столетия со дня основания Китайской Народной Республики.

Сухопутный трек «Пояса и Пути» охватывает три направления: 1) через Казахстан в Россию и Европу, 2) через Монголию в Россию и Европу, 3) через Пакистан на юг (так называемый Китайско-Пакистанский экономический коридор).

Организация глобальной сети логистических транспортных потоков, включая формирование институциональной среды на базе проекта ОПОП с последующим созданием новых международных организаций, актуальна в современных условиях. В мировой экономике происходят структурные перемены; новые форматы межгосударственного финансового, валютного и торгового сотрудничества появляются на территории Евразийского континента и за его пределами. Например, лидеры БРИКС пытаются уйти от использования доллара США в качестве универсальной расчетной единицы [Токольдосhev 2023]. Россия и Китай – участники БРИКС – пересматривают свои стратегические экономические интересы и формируют новые механизмы регионального и глобального экономического партнерства. Примечательно, что в 2022 г. БРИКС обеспечил 31,5% мирового ВВП против 30,7% у стран Группы семи (G7)¹¹. Скорее всего, тенденция к росту продолжится в ближайшие годы, что ускорит реформирование мировой экономики.

Выгоды развития торгово-логистического потенциала России и Китая

Развитие транспортной логистики способно в кратко- и долгосрочной перспективе положительно сказаться на двусторонних торговых отношениях между РФ и КНР. В первую очередь следует отметить перспективы дальнейшего роста товарооборота между двумя странами. Достигший в 2022 г. рекордных показателей в 190 млрд долл.¹² совокупный объем взаимной торговли может возрасти еще значительно с учетом модернизации существующих и строительства новых логистических маршрутов.

В частности, Россия рассматривает партнерство с Китаем как средство развития Дальнего Востока страны. Минвостокразвития России и Министерство коммерции КНР договорились расширить сотрудничество в сфере промышленных и инфраструктурных проектов в рамках преференциальных режимов на Дальнем Востоке. Соответствующий меморандум подписан в ходе официального визита в Россию председателя КНР Си Цзиньпина. Стороны договорились поднять на новый уровень российско-китайское производственное сотрудничество, стимулировать проекты, ориентированные на международную промышленную кооперацию, применять механизмы проектного финансирования, совместно строить и эксплуатировать инфраструктуру, а также наращивать трансграничное взаимодействие – в том числе задействуя введенные в строй новые мостовые переходы Нижнеленинское-Тунцзян и Благовещенск-Хэйхэ¹³.

Формирование потенциала для укрепления экономик двух государств может защитить их от последствий усиления санкционного давления на РФ и риска наложения санкций

¹¹ Pour la première fois, les Bricssontdevenus plus puissants économiquement que le G7. Le Journal du Dimanche. 05/04/2023. (<https://www.lejdd.fr/economie/pour-la-premiere-fois-les-brics-sont-devenus-plus-puissants-economiquement-que-le-g7-134406>).

¹² Товарооборот России и Китая побил рекорд. РИА Новости. 13 января 2023. (<https://ria.ru/20230113/kitay-1844528268.html>).

¹³ Россия и КНР наращивают экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке. Сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 21 марта 2023. (https://minvr.gov.ru/press-center/news/rossiya_i_knr_narashchivayut_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo_na_dalnem_vostoke/).

на отрасли китайской экономики со стороны США и их союзников. Отлаженная система международных торговых связей предоставит Москве и Пекину возможность быстро переориентироваться на усиление торгового взаимодействия с Ираном, Пакистаном, Индией, государствами Персидского залива и Средней Азии в случае продолжения дестабилизации экономических отношений с Евросоюзом и/или США (например, из-за новых санкционных ограничений). Такое развитие событий нивелирует негативные эффекты возможного обострения экономических и политических разногласий с Западом.

Помимо экономических выгод от развития логистики, обеспечить беспрепятственную торговлю позволит и перспектива новых международных коалиций, в которых могут принять участие такие региональные лидеры, как Саудовская Аравия, Турция, Иран и Индия.

Анализируя активность новейших политических интеграционных процессов на евразийском пространстве, можно констатировать, что положительную роль в укреплении международной логистики способны сыграть такие политические объединения и организации, как ШОС и БРИКС. В этих организациях участвуют и Россия, и Китай, что многократно повышает вероятность ускорения проекта «Пояс и Путь». Стратегические партнеры и союзники обеих стран также участвуют в вышеупомянутых организациях и заинтересованы в получении доступа к новым торговым маршрутам.

Достигнутые еще в 2015 г. договоренности по сопряжению китайской инициативы «Пояс и Путь» с Евразийским экономическим союзом должны воплотиться в жизнь. В Совместном заявлении стороны определили приоритетные направления для развития взаимодействия, включая «укрепление взаимосвязанности в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок», а также выполнение «проектов инфраструктурного развития в целях расширения и оптимизации региональных производственных сетей»¹⁴.

Сопряжение двух интеграционных проектов стало фундаментом инициативы Президента России В. Путина – концепции Большого евразийского партнерства (БЕП). Данный проект предусматривает создание широкого общекаонтинентального интеграционного контура, равноправного и взаимовыгодного партнерства с участием всех государств Евразии без исключения. Несколько ушедшая из информационного поля инициатива после февраля 2022 г. вновь стала главным проектом Москвы. По словам лидера РФ, «Большое Евразийское партнерство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания на всем континенте»¹⁵ [Латухина 2022]. Новая Концепция внешней политики России ставит целью «преобразование Евразии в единое общекаонтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания», главный же инструмент достижения этой цели – БЕП.

В 2017 г. Евразийская экономическая комиссия разработала перечень приоритетных проектов, которые страны ЕАЭС должны выполнить в рамках продвижения Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). 39 из них касаются строительства новых и модернизации существующих дорог, создания транспортно-логистических центров, развития ключевых транспортных узлов¹⁶. В 2018 г. ЕАЭС и его государства-члены с одной сто-

¹⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Официальный сайт Президента России. 8 мая 2015. (<http://kremlin.ru/supplement/4971>).

¹⁵ Россия предлагает создать Большое Евразийское партнерство. Портал «RG.RU». 27 мая 2022. (<https://rg.ru/2022/05/27/rossiia-predlagaet-sozdat-bolshoe-evrazijskoe-partnerstvo.html>).

¹⁶ Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов. Сайт Евразийской экономической комиссии. 1 марта 2017. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>).

роны и Китай с другой подписали Соглашение о торговом экономическом сотрудничестве. В документе были определены цели сотрудничества, к которым были отнесены «развитие и модернизация промышленной, транспортно-логистической, сельскохозяйственной и иной инфраструктуры посредством привлечения инвестиций, развития механизмов взаимодействия в области научных исследований и разработок, трансфера технологий»¹⁷.

В 2019 г. подписано Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, которые перемещаются через таможенные границы ЕАЭС и КНР. Стороны договорились и в дальнейшем содействовать «обмену таможенной информацией между двумя сторонами, упрощению международных трансграничных перевозок, повышению уровня взаимного доверия таможенных органов и наращиванию эффективности трансграничной логистики»¹⁸.

Роль Казахстана в интенсификации развития евразийской транспортной логистики

Казахстан адаптируется к текущим геополитическим реалиям и может извлечь максимальную выгоду из своего географического расположения между Китаем и Россией, которые, помимо всего прочего, выступают одними из его основных торговых партнеров.

Согласно расчетам авторов на основании данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и развитию Казахстана, в 2022 г. объемы торговли страны с Китаем и Россией составили 24,1 и 26,1 млрд долл. США. Оба направления показали рост в 34,1% и 6,1% соответственно. Для сравнения, торговля со всеми странами Европейского союза составила порядка 40 млрд долл. США с ростом в 38,3%.

Не имея выхода к морю, Казахстан одним из первых присоединился к инициативе «Пояс и Путь», которая была впервые представлена в сентябре 2013 г. в Астане в стенах Назарбаев Университета в рамках первого государственного визита Си Цзиньпина в Казахстан.

Для успешного выполнения поставленных задач по наращиванию транзитных перевозок в 2015 г. в Казахстане была принята новая инфраструктурная программа «Нұрлыжол». Ее цель – увеличить транспортно-транзитный потенциал Казахстана с Востока на Запад и с Севера на Юг. В 2016 г. КНР и Казахстан разработали новый План сопряжения программы «Нұрлыжол» и инициативы «Пояс и путь», чтобы создать наилучшие возможности для транзита китайских товаров по направлению Китай-ЕС-Китай¹⁹.

Также новый толчок к развитию получил совместный Международный центр приграничной торговли «Хоргос». 15 мая 2017 г. на полях Форума «Один пояс, один путь» АО НК «Қазақстан темір жолы», китайская корпорация COSCO Shipping и порт Ляньюнган подписали инвестиционное соглашение по совместному развитию свободной экономиче-

¹⁷ Соглашение о торговом экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны и Китайской Народной Республикой с другой. Сайт Евразийской экономической комиссии. (https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy_EAEU-alternate_final.pdf).

¹⁸ Соглашение от 6 июня 2019 г. «Об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики». Сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. (<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/157282>).

¹⁹ О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518>).

ской зоны «Хоргос – Восточные Ворота». Терминал в порту Ляньюнган Казахстан арендовал еще раньше, чтобы наладить вывод своей продукции на рынки Японии, Кореи и стран Юго-Восточной Азии.

Говоря о текущем состоянии дел, необходимо подчеркнуть, что свой первый государственный визит за рубеж после пандемии COVID-19 Си Цзиньпин совершил именно в Казахстан²⁰. Тогда китайская сторона отметила сотрудничество в сфере индустриализации, а также указала на необходимость стимулировать совместную деятельность в рамках «Пояса и Пути», наращивать взаимодействие в сферах экономики и торговли, индустриализации, инфраструктурной взаимосвязанности и борьбы с пандемией²¹.

В практической же плоскости важно отметить Транскаспийский маршрут, или Средний коридор. Согласно данным, в 2022 г. объем грузоперевозок на этом направлении увеличился в 2,5 раза и достиг 1,5 млн тонн. Одновременно экспорт казахстанских грузов увеличился в 6,5 раза в сравнении с 2021 г. и составил 891 тыс. тонн. Всего было перевезено 33,6 тыс. ДФЭ (условная единица измерения количественной стороны транспортных потоков) в контейнерах, что на 33% выше показателей 2021 г.²²

Министерство индустрии и инфраструктуры страны отмечает рост экспорта Казахстана по данному маршруту в 6,6 раза. По информации ведомства, в основном шел вывоз цветных и черных металлов, химических грузов. Импорт возрос на 83%.

Другим важным направлением для увеличения транзитных мощностей Казахстана должен стать третий пункт пропуска на границе с Китаем, а также новый сухой порт в рамках запланированной железнодорожной линии Бахты–Аягоз протяженностью 270 км. До июня 2023 г. предполагается разработать технико-экономическое обоснование проекта, а строительство запланировано на 2024–2025 гг. Кроме того, согласно информации акима (главы местного исполнительного органа государственной власти) приграничной с Китаем области Абай Нурлана Уранхаева, сухой порт и парк будут возводить в связке с прокладкой железнодорожной линии²³.

Помимо наращивания мощностей транзита, Казахстан также намерен развивать и направления В2С в сфере электронной коммерции. АО НК «Казахстан темиржолы» объявила о запуске еженедельного транзитного шаттл-поезда из Урумчи для перевозки товаров, купленных в интернет-магазинах. Составы будут следовать через пограничный переход Алашанькоу–Достык в направлении России, Узбекистана и Таджикистана²⁴.

Кроме того, прилагаются усилия по диверсификации транспортно-транзитных маршрутов в направлении Международного транспортного коридора «Север–Юг». На этом участке планируется задействовать мощности введенной в 2016 г. железнодорожной ветки Казахстан–Туркменистан–Иран как для экспорта, так и транзита казахстанской зерновой продукции.

²⁰ Токаев и Си Цзиньпин. Главное о первом зарубежном визите главы Китая с 2020 года. RTVI. 14 сентября 2022. (<https://rtvi.com/obyasnyam/tokaev-i-si-czzipin-glavnoe-o-pervom-zarubezhnom-vizite-glavy-kitaya-s-2020-goda>).

²¹ Си Цзиньпин совершил государственный визит в Республику Казахстан. Сайт посольства КНР в Российской Федерации. 15 сентября 2022. (http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202209/t20220915_10766201.htm).

²² Объем перевозок грузов по Транскаспийскому маршруту вырос в 2,5 раза. Tengri News. 8 февраля 2023. (https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/obyem-perevozok-gruzov-transkaspiskomu-marshrutu-vyros-25-490665/).

²³ У Казахстана появится еще один сухой порт на границе с Китаем. Финансовое агентство «LS». 29 марта 2023. (<https://lsm.kz/u-kazakhstana-poyavitsya-eshe-odin-suhoy-port-na-granice-s-kitaem>).

²⁴ Поезд для доставки интернет-покупок из Китая запускают в Казахстане. Новостной портал Informburo. 14 марта 2023. (<https://informburo.kz/novosti/poezd-dlya-dostavki-internet-pokupok-iz-kitaya-zapuskeyut-v-kazakhstane#.ZBAjRgumGHs.whatsapp>).

В ходе визита заместителя премьер-министра, министра торговли и интеграции Казахстана С. Жумангарина в Исламскую Республику Иран в 2022 г. был подписан меморандум об увеличении грузопотока товаров с 1 до 4 млн тонн в год. Помимо этого, иранская сторона предложила зарезервировать 15 га земли под строительство в порту Бандар-Аббас сухого терминала мощностью в 135 млн тонн в год, в котором будет идти перегрузка с ж/д, авто и морского видов транспорта²⁵.

В рамках заседания Казахстанско-российского межрегионального форума С. Жумангарин отметил, что между странами функционируют пять международных ж/д и восемь автомобильных транзитных коридоров. Из них три ж/д коридора и шесть автокоридоров синхронизированы с маршрутами, проходящими по территории Российской Федерации. За 10 месяцев 2022 г. общий объем перевозок в направлении РФ – Центральная Азия, РФ – Китай, РФ – Иран и РФ – Афганистан составил 8,9 млн тонн. Кроме того, С. Жумангарин предложил совместно развивать казахстанское направление маршрута «Север-Юг».

Об активизации данного маршрута также свидетельствует визит казахстанской бизнес-делегации в Иран в конце ноября 2022 г.²⁶ и 18-е заседание Казахстанско-иранской межправительственной комиссии, проведенное в Астане. Обсуждалось в том числе создание совместной торговой компании для продвижения торговли в странах Персидского залива, Центральной Азии и Ближнего Востока²⁷. Договоренность о создании подобной компании уже достигнута с Узбекистаном, также идут переговоры с Пакистаном.

Таким образом, текущая геополитическая ситуация стимулировала казахстанские власти искать новые направления транспортировки своей продукции, а также обеспечивать наиболее благоприятные условия для транзита товаров по своей территории.

В целом Казахстан намерен и дальше развивать транзитно-транспортную инфраструктуру. Соответствующие положения нашли отражение в утвержденной Концепции развития транспортно-логистического потенциала Республики Казахстан до 2030 г.

* * *

Неоднократно упоминавшаяся выше глобальная трансформация мирового политического устройства действительно находит свое отражение в переформатировании и модернизации транспортно-логистических систем между крупными игроками на мировой арене. Приведенные данные подтверждают, что представители высшей власти Китая и России нацелены на дальнейшее партнерство и взаимопомощь на фоне все более ухудшающихся контактов Востока с Западом. Смещение акцента на широкопрофильное взаимодействие с государствами, которые стремятся развиваться без посредничества условных стран-членов НАТО или США, открывает для РФ и КНР новые возможности для сохранения внутриэкономической стабильности в случае новых угроз и вызовов, начиная с санкций и заканчивая дальнейшим обострением политической ситуации в мире. Данное взаимодействие, в свою очередь, позитивно влияет на развитие торгово-логистического потенциала

²⁵ Иран готов предоставить земельные участки в порту Бандар-Аббас для строительства казахстанского терминала. Сайт Министерства торговли и интеграции Республики Казахстан. 3 ноября 2022. (<https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/452415?lang=ru>).

²⁶ Увеличение взаимного товарооборота обсудили бизнес-круги Казахстана и Ирана. Сайт Министерства торговли и интеграции Республики Казахстан. 25 ноября 2022. (<https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/466576?lang=ru>).

²⁷ Казахстан и Иран обсуждают создание совместной компании в сфере торговли и сельского хозяйства. Сайт Министерства торговли и интеграции Республики Казахстан. 27 января 2023. (<https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/495981?lang=ru>).

как Москвы и Пекина, так и более глобального. Охватывающий практически всю территорию Евразийского континента проект «Пояс и Путь» может стать опорным механизмом для этого процесса – той движущей силой, которая позволит сформировать независимое от политической воли коллективного Запада «панъевразийское» торгово-экономическое пространство, доступ к которому будут иметь союзники и партнеры России и Китая.

Важно отметить и значительную роль Казахстана в развитии логистического потенциала на континенте. Будучи страной с богатыми запасами природных ресурсов и обладая развитыми международными торговыми отношениями в Центрально-Азиатском регионе, РК представляет собой актор глобальной политики, который способен воздействовать на многие тенденции, лежащие в основе формирования нового мирового экономического порядка. В то же время, если в случае России и Китая можно говорить о «повороте на Восток», то Казахстан, в свою очередь, помимо развития Срединного коридора, проводит работы и по «освоению Юга».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вечкинзова Е.А. (2020) Современные тенденции и перспективы развития транспортно-логистического комплекса Казахстана // Экономика, предпринимательство и право. Т. 10. № 12. С. 3297–3308.

Vechkinzova E.A. (2020) Sovremennyye tendencii i perspektivy razvitiya transportno-logisticheskogo kompleksa Kazakhstana [Current Trends and Prospects for the Development of the Transport and Logistics Complex of Kazakhstan]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. vol. 10, no. 12, pp. 3297–3308. (In Russ.)

Зуенко И.Ю., Зубань С.В. (2017) Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 2. С. 5–24.

Zuenko I.YU., Zuban' S.V. (2017) Kitaj i EAES: dinamika transgranichnogo dvizheniya tovarov i budushchee evrazijskoj integracii [China and the EAEU: Dynamics of Cross-Border Movement of Goods and the Future of Eurasian Integration]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)

Зуенко И.Ю., Зубань С.В. (2016) Трансконтинентальный транзит Азия-Европа // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 7. С. 70–76.

Zuenko I.YU., Zuban' S.V. (2016) Transkontinental'nyj tranzit Aziya-Evropa [Transcontinental Transit Asia-Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. vol. 60, no. 7, pp. 70–76. (In Russ.)

Лузянин С.Г. (2016) «Один пояс, один путь»: Российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 22. № 22. С. 27–36.

Luzyanin S.G. (2016) "Odin poyas, odin put'": Rossijskaya proekcija i problemy sopryazheniya ["One Belt, One Road": Russian Projection and Conjugation Problems]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. vol. 22, no. 22, pp. 27–36. (In Russ.)

Малецкая М.Б., Холмовский С.Г. (2022) Состояние и развитие транспортной логистики в современных условиях // Baikal Research Journal. Т. 3. № 3.

Maleczkaya M.B., Holmovskij S.G. (2022) Sostoyanie i razvitie transportnoj logistiki v sovremennyh usloviyah [The State and Development of Transport Logistics in Modern Conditions]. *Baikal Research Journal*. vol. 3, no. 3. (In Russ.)

Токолькошев Д. (2023) Актуализация и перспективы сотрудничества по линии НБР БРИКС для РФ и Китая на фоне глобальных трансформаций современного мироустройства. ПИР-Центр. 6 марта 2023. (<https://pircenter.org/editions/aktualizacija-i-perspektivy-sotrudnichestva-po-linii-nbr-briks-dlja-rf-i-kitaja-na-fone-globalnyh-transformacij-sovremennogo-miroustrojstva/>)

Tokol'doshev D. (2023) *Aktualizaciya i perspektivy sotrudnichestva po linii NBR BRIKS dlya RF i Kitaya na fone global'nyh transformacij sovremennogo miroustrojstva* [Actualization and Prospects of Cooperation through the BRICS NBR for Russia and China against the Background of Global Transformations of the Modern World Order]. PIR-Centr. 6 March 2023. (In Russ.)

Luzyanin S. (2020) Belt and Road Initiative: A View from Russia // In: S. Luzyanin. The "Roads" and "Belts" of Eurasia. Springer Singapore. Pp. 53–81.

Информация об авторах

Дмитриева Марина Олеговна, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета. Адрес: 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Токольдосhev Дастан Канатбекович, магистр мировой экономики, научный сотрудник и ведущий эксперт Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете. Адрес: 720065, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 42. E-mail: dastan.tokoldoshev@gmail.com

Шегирбаев Ожет Амирбекович, магистр международных отношений, магистр государственного управления, аспирант Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82. Директор департамента аналитики мировых рынков АО QazTrade. Адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Улы Дала, 31. E-mail: Ojetov@mail.ru.

About the authors

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of International Relations of the Far Eastern Federal University. Address: 690922, Russia, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, 10. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Dastan K. Tokoldoshev, Master of World Economics, Research Fellow, Leading Expert, Institute for Strategic Analysis and Forecast, Kyrgyz-Russian Slavic University. Address: 720065, Kyrgyz Republic, Bishkek, Chuy avenue, 42. E-mail: dastan.tokoldoshev@gmail.com

Ozhet A. Shegirbayev, Master of International Relations, Master of Public Administration, Postgraduate Student, Institute of Law and National Security RANEPa under the President of the Russian Federation. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadskogo ave., 82. Director, Department of International Markets Analysis, QazTrade JSC. Address: 010000, The Republic of Kazakhstan, Astana, Uly-Dala str., 31. E-mail: Ojetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.07.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 25.08.2023

Оригинальная статья/ Original article

Правовой анализ формирования и развития местного самоуправления в Республике Казахстан

© К.В. ПИТУЛЬКО

Питулько Ксения Викторовна, Санкт-Петербургский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия), lokhi@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2090-6227

Местное самоуправление представляет собой фундамент национальной государственности. Именно на локальном уровне можно успешно решить многие задачи социально-экономического профиля и создать реальные условия для устойчивого роста благосостояния населения. Будучи социальным государством, Республика Казахстан обладает оригинальным опытом становления и развития системы муниципального управления, построенной со значительным участием представителей народа. Оценка особенностей ее становления позволит получить новые научные знания, которые могут быть использованы для совершенствования законодательства об основах местного самоуправления. Сравнение доктринальных позиций, представленных в казахстанской и зарубежной юридической печати, позволяет выявить общие проблемы в организации и деятельности органов местного самоуправления в различных государствах. Цель исследования – сформировать ряд научно обоснованных рекомендаций для разработки правовых актов в сфере местного самоуправления. На основе результатов, полученных экспериментальным путем, а также при использовании общенаучных и частно-научных методов, сделан вывод о возможности – в условиях конвергенции национальных правовых систем – создать общую концепцию организации местного самоуправления, которое заслужило бы доверие граждан и было бы основано на демократической выборной форме комплектования. В правовом государстве, все сущностные признаки которого закреплены в Конституции Республики Казахстан и стали основой для деятельности органов государственной власти, именно такая модель местного самоуправления максимально эффективна.

Ключевые слова: правовое государство, государственная власть, местное самоуправление, выборы, народное представительство, Республика Казахстан, народовластие, устойчивое развитие

Цитирование: Питулько К.В. (2023) Правовой анализ формирования и развития местного самоуправления в Республике Казахстан // Общественные науки и современность. № 5. С. 110–122. DOI: 10.31857/S086904992305009X, EDN: MQSEGH.

Legal Analysis of the Formation and Development of Local Self-government in the Republic of Kazakhstan

© K. PITULKO

Kseniia V. Pitulko, Saint Petersburg' Institute of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) (Saint Petersburg, Russia), lokhi@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2090-6227

Abstract. Local self-government is the foundation of national statehood. It is at the local level that many socio-economic problems can be successfully solved and real conditions created to ensure a sustainable growth in population welfare. Being a social state, the Republic of Kazakhstan has original experience in the formation and development of the municipal government system, built with a significant share of the people's representation. The assessment analysis of its features will allow to receive new scientific knowledge that can be used to improve legislation on the basics of local self-government. Comparing the doctrinal positions present in the Kazakh and foreign legal press, it was possible to identify the existence of common problems in the organization and activities of local governments in various states. The purpose of the study was to form a number of scientifically sound recommendations for the development of legal acts in the field of local self-government. Using the results obtained experimentally, as well as a combination of traditional general scientific and particular scientific methods, the conclusion is made that it is possible – in the conditions of convergence of national legal systems – to create a general concept of local self-government organization which would earn the trust of citizens and would be based on a democratic elective form of recruitment. In a state governed by the rule of law, all the essential features of which are enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan and have become the basis for the activities of state authorities, it is this model of local self-government that is most effective.

Keywords: constitutional state, government, local government, elections, popular representation, Republic of Kazakhstan, democracy, sustainable development

Citation: Pitulko K.V. (2023) Legal Analysis of the Formation and Development of Local Self-government in the Republic of Kazakhstan. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 110–122. DOI: 10.31857/S086904992305009X, EDN: MQSEGH.

Одновременно с развитием современной цивилизации и появлением различных форм общественного управления шло формирование элементов местного самоуправления. Еще в начале становления государственной организации общества родоплеменные отношения определяли особенности управления (на коллективной [Froese, Gershenson, Manzanilla 2014] или единоличной [Emery 2000] основе). Однако впоследствии его локальный уровень развивался относительно автономно от центрального. В исторических исследованиях этот феномен получил объяснение при изучении периода феодальной раздробленности [Kulke 1982; Matuszewski 2020; Юдина 2021], преодоление которой при переходе к централизованным государствам было сопряжено с различными проблемами. Развитие монархических форм правления обеспечило установление связей между всеми уровнями управления в стране. В то же время даже в условиях унитарного государства необходимо было создавать лояльную по отношению к верховной власти структуру регионального управления. В целях поддержания лояльности стало целесообразным обеспечить определенное народное представительство в данных структурах. Количество представителей и степень их участия определялись с учетом сословной организации общества, которая сопутствовала цивилизационному развитию большинства стран в период позднего Средневековья и Нового времени [Kaminsky 1993; Takett 1989].

В результате буржуазно-демократических революций завершилось формирование системы разделения государственной власти в ее классическом варианте, также окончательно легализовался принцип выборности органов законодательной власти. Данная «матрица» оказалась востребованной и на локальном уровне управления, на котором следовало регулировать социальные отношения на определенной территории.

На постсоветском пространстве сложился определенный стереотип госуправления, согласно которому действия властей часто направлены не на установление партнерства с гражданским обществом, а на мобилизацию поддержки населения для достижения целей государственной политики [Соловьев 2021]. Реформа местного самоуправления в Казахстане, которая продолжается в настоящее время, представляет исследовательский интерес как попытка изменить эту традицию. В данном контексте казахстанский опыт, безусловно, интересен для России, поскольку построение востребованной и работоспособной системы местного самоуправления было одной из задач конституционной реформы 2020 г. в России.

Исследование особенностей формирования и развития местного самоуправления в Республике Казахстан было бы недостаточно полным без краткого исторического анализа. Можно обобщить итоги эволюции местного самоуправления, охарактеризовав различные ее периоды. Традиционно в постсоветской историографии выделяются досоветский, советский и современный периоды. Каждый из них представляет самостоятельный интерес для исследования. В Республике Казахстан система органов местного самоуправления приобрела выраженные демократические черты после провозглашения государственного суверенитета. Предыдущие исторические отрезки времени были тесно связаны с открытой или скрытой экспансией и излишней централизацией власти органами государственного управления Российской империи, а впоследствии – СССР. В современный период в основе государственно-правовых преобразований лежат интересы многонационального народа Казахстана. Определенной трансформации подверглись принципы организации местного самоуправления, его роль в жизни общества, а также в обеспечении безопасности и благополучия граждан. Однако при формировании органов местного самоуправления оказались востребованными историко-правовые традиции.

Проблемное поле настоящего исследования не может получить серьезного научного осмысления без формально-логического метода. Он позволяет выявить генезис основных элементов механизма местного самоуправления в Республике Казахстан, а также прогнозировать их развитие.

С применением совокупности иных общенаучных методов проведена оценка эффективности формирования и деятельности органов местного самоуправления в Республике Казахстан.

Историческая преемственность элементов местного самоуправления в Республике Казахстан: краткий экскурс

Формирование местного самоуправления в Республике Казахстан происходило в русле общемировых тенденций, но с учетом традиций «степной демократии», которые возникли после распада Золотой Орды Казахского ханства (1465 г.). Они были основаны на нормах обычного права, которые зародились в родовых общинах. Когда складывался кочевой уклад жизни, такие объединения были полностью автономны. Ими управляли родовые старшины и племенные вожди, которых выбирали на сходах (курултаях). Руководители выполняли и военно-управленческие, и квазисудебные функции [Мидельский 2019].

С вхождения Казахстана в состав Российской Империи в 1718 г. принцип «вертикали власти», который лег в основу управления отдаленными территориями, был адаптиро-

ван к уже сложившемуся в Казахстане административно-территориальному делению. Аулы, волости и округа были интегрированы в управленческую систему в 1867–1868 гг., однако при формировании органов местного самоуправления элементы выборного представительства учитывали потребности жизнедеятельности населения. Так, из представителей знати выбирали ага-султанов окружных приказов, аульных старшин и биев, которые были наделены полномочиями по урегулированию споров. Для решения ряда вопросов разрешались аульные и волостные сходы [Кляшторный, Султанов 1992]. Можно сделать вывод, что элемент народного представительства был имманентно присущ местному самоуправлению в Казахстане с его зарождения. Более того, в отличие от правил государства-метрополии, эта практика охватывала значительное количество взрослых жителей аулов. В России существовало более жесткое сословное разделение, а до 1861 г. – и крепостное право. В результате доступ части населения к организации самоуправления был затруднен или исключен вовсе, поскольку их правовой статус изначально не содержал таких правомочий.

Очевидно, что в условиях экспансии, которая сопутствовала формированию казахстанской государственности, сохранение народного участия в решении социальных и иных проблем локального уровня было значительным шагом для укрепления национальной идентичности. Часть населения Казахстана вела кочевой образ жизни, и такая структура позволяла поддерживать безопасность и правопорядок, обеспечивать относительно справедливое распределение материальных ресурсов, сохранять культурные традиции.

После свержения самодержавия в России на территории Казахстана могла быть институционализирована одна из двух моделей организации местного самоуправления. Первая из них включала учреждение земств. Данная идея оказалась востребованной у части населения – сторонников движения «Алаш», которые выступали за установление национально-территориальной автономии на территории Казахстана [Аманжолова 1993]. Вторая модель была основана на создании выборных советов, опыт организации которых в европейской части России подразумевал широкое народное представительство, но – одновременно – достаточно жесткий контроль со стороны центральных органов исполнительной власти. В октябре 1917 г. утвердилась советская власть, и Казахстан в марте 1918 г. скопировал отдельные элементы советской системы управления. Два его региона (Сырдарьинская и Семиреченская области) стали частью Туркестанской автономии, созданной в составе РСФСР. 26 августа 1920 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Киргизской Социалистической Советской республики», которое объединило большинство регионов Казахстана в пределах Советской федерации [Анисимова 2017]. В системе управления сохранялся принцип централизации. В частности, все финансово-хозяйственные республиканские наркоматы подчинялись непосредственно соответствующим народным комиссариатам РСФСР.

В то же время соблюдалась и национально-территориальная автономия. Республиканские органы управления обладали определенной автономностью, а Советы народных депутатов на местах комплектовались на выборной основе и были частично самостоятельны в решении вопросов местного значения. Адаптируя опыт советского государственного строительства с учетом национальной идентичности, руководители молодой республики констатировали, что «трудящееся население казахского края впервые получает в свои руки бразды правления своей страной на основе свободного национального самоопределения и имеет все благоприятные условия для полного культурного и экономического развития» [Мукашев 1982]. Можно заключить, что в условиях государственного и муниципального строительства по советской модели в Казахстане сохранились исторические традиции с опорой на существенную роль местного самоуправления в формировании

новых институтов гражданского общества. В результате в партийные и советские органы активно продвигали представителей коренной национальности. Данный шаг позволил учитывать на локальном уровне отношений с властью национальные обычаи, которые играли значительную роль в казахстанском этносе во все исторические периоды.

Впоследствии, когда основным вектором советской внутренней политики стала унификация государственного аппарата, элементы местного самоуправления были существенно ослаблены, а народное представительство в них утратило значение. В 30–50-е гг. XX в. население Казахстана подвергалось репрессиям, как и жители остальных частей Советского союза [Жумасултанова 1999]. Большая доля сельского населения оказалась жертвой политики коллективизации, связанной с ликвидацией зажиточных крестьянских хозяйств. Ее целью было «осередничивание» деревни. Усилия по переводу скотоводов-кочевников и полукочевников к оседлому образу жизни привели к частичной деградации социальных институтов. Попытки сопротивления (например, в 1929–1932 гг. около 80 тыс. человек стали участниками крестьянских восстаний) жестоко подавляли [Калаишникова 2020]. В таких условиях было сложно сохранить локальный уровень управления, наиболее близкий к социальным потребностям граждан, и принцип выборности при его комплектовании. В Конституции Казахской ССР 1937 и 1978 гг. формально был закреплён статус органов местного самоуправления, но эти положения не имели инструментального наполнения. Обе нормы отражали административно-территориальное деление республики (области, районы, города, поселки, села, аулы) и властные полномочия в них советов народных депутатов (до 1977 г. – Советы депутатов трудящихся). Последние, по мнению ученых, представляли собой «фасад для партийной бюрократии».

Органы местного самоуправления в СССР не имели реальной власти, вследствие чего эта система частично деградировала. Имитационный характер их выборного комплектования привел к утрате общественного доверия и авторитета. Ошибки советского руководства усугубились в результате разрушительных последствий Второй мировой войны. Последующий восстановительный период улучшил социально-экономическую ситуацию, однако элементы народного представительства на локальном уровне в это время не развивались. При данных обстоятельствах потенциал органов местного самоуправления не был реализован. Фактически к середине 80-х гг. XX в. они представляли собой фиктивный атрибут, который иллюстрировал элементы демократии в социалистическом обществе.

Реставрация органов местного самоуправления в условиях суверенного Казахстана

После распада СССР 15 бывших субъектов Советской федерации обрели самостоятельную государственность, но из-за общей правовой платформы они во многом сохранили идентичные приемы правового регулирования. Не стала исключением и Республика Казахстан [Jašina-Schäfer 2021]. Кроме того, вследствие тенденций евразийской экономической интеграции правовые системы Казахстана, Республики Беларусь и России сблизились. Эта тенденция затронула и принципы организации местного самоуправления.

Приоритет интересов казахстанского народа при признании верховенства права и политического плюрализма стал основой новой суверенной модели органов местного самоуправления в Республике Казахстан. Такая основа отражает историческую связь, прерванную в советский период [Нань 2017], но успешно восстановленную после провозглашения независимости в 1991 г.

С обретением государственного суверенитета конституционно-правовые установления Республики Казахстан неизменно содержали положения об органах местного самоуправ-

ления. Основы развития местного самоуправления в Казахстане заложил Закон «О местном самоуправлении и местных советах народных депутатов Казахской ССР»¹. Тем не менее, он включал нормы, которые обеспечивали вертикальную иерархию представительных органов, что ослабляло их независимость. В местных исполнительных органах наличие единоначалия отражает вертикальное взаимодействие с более высокими уровнями государственного управления. Однако в условиях вертикальной подотчетности представительные органы функционировать не могут, поскольку они формируются в результате акта народовластия на выборах. Деятельность советских органов была приостановлена в 1992 г., когда местное самоуправление было фактически заменено единоначальными местными администрациями, которые подчинялись напрямую президенту Республики Казахстан. Такая конфигурация отчасти способствовала стабильному и быстрому проведению базовых экономических реформ централизованно и целенаправленно.

Согласно ст. 90 Конституции РК² 1993 г. местные представительные и исполнительные органы власти учреждались с учетом административно-территориального деления государства для решения вопросов местного значения. В то же время норма устанавливала, что местные представительные органы избирает население на пятилетний срок, тогда как местные исполнительные органы комплектовались посредством назначения. В соответствии с конституционными нормами была выстроена иерархия местных исполнительных органов, вертикаль которых частично замыкалась непосредственно на президенте республики. Соответственно, если решения этих институтов противоречили действующему законодательству, их могли отменять в судебном или в административном порядке. Напротив, решения местных представительных органов мог отменить только суд. Конституционные нормы имели во многом бланкетный характер, ориентируя правоприменителей на будущие нормотворческие решения. В то же время обеспечивалась относительная полнота именно представительной власти, полномочия которой ограничивались вопросами местного значения.

Разработанную модель перераспределения полномочий органов местного самоуправления можно назвать «переходной». Отчасти при ее создании использовалась структура советского государственного управления. Кроме того, возросла независимость именно выборных органов, хотя в своей деятельности они были ограничены только вопросами местного значения. Закон «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан»³ завершил децентрализацию местного самоуправления, прямо закрепив, что маслихаты (местные представительные органы) не связаны отношениями соподчиненности и по вертикали (ст. 3). Таким образом, децентрализация местного самоуправления и подконтрольность исполнительных органов представительным способствовали разделению их функций и частично оптимизировали локальное управление в кризисный период.

После принятия действующей Конституции Республики Казахстан⁴ в 1995 г. эта модель получила новые характеристики. Элементы представительной и исполнительной власти на местном уровне сохранились, но между ними сложился баланс. Самостоятельность органов местного самоуправления получила конституционные гарантии (ч. 4 ст. 89 Кон-

¹ Закон Казахской ССР «О местном самоуправлении и местных советах народных депутатов Казахской ССР» от 15 февраля 1991 г.

² Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г.

³ Закон Республики Казахстан «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан» от 10 декабря 1993 г.

⁴ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г.

ституции РК). Было закреплено, что местное самоуправление осуществляет непосредственно население как посредством выборов, так и через выборные органы. Маслихаты получили право применять – с учетом общегосударственных интересов – меры, необходимые для исполнения воли населения. В то же время ч. 4 ст. 86 Конституции РК прямо устанавливала их распорядительные и контролирующие функции, благодаря чему маслихаты могли активно участвовать в планировании социально-экономического развития своих территорий. Местные исполнительные органы по-прежнему работали по принципу вертикали, что подразумевало назначение их глав (акимов) вышестоящими руководителями, в том числе и на высший пост. В то же время контроль за деятельностью маслихатов уменьшился. Маслихаты также наделили полномочиями выражать вотум недоверия акиму, причем в 2007 г. доля депутатов, которая имела право вынести такой вопрос на рассмотрение, сократилась с двух третей до одной пятой. Можно сделать вывод, что конституционно-правовой статус выборного органа (маслихата) изначально ориентировали на определенное сдерживание исполнительных органов, руководители которых могли единолично принимать решения. Данный факт доказывает приоритет выборного коллективного органа, формируемого непосредственно населением, над частью вертикали власти, представленной местными исполнительными органами.

Казахстан, в отличие от ряда сопредельных государств, избежал социальных конфликтов и боевых действий в ранний постсоветский период, что позволило обеспечивать гражданское согласие между различными социальными слоями общества. В 2001 г. был принят Закон «О местном и государственном управлении в Республике Казахстан»⁵, который утвердил схему управления административно-территориальными единицами. Он создал единую базу для последующей разработки стратегических приоритетов, формирование которых начинается с локального уровня управления. В юридической науке Казахстана существует суждение о том, что реальный контроль за деятельностью органов управления в полном объеме не сложился [Асаубаев 2016]. Соответственно, видение будущей системы местного самоуправления исходило из поэтапного наделения его органов полномочиями, а также формирования доверия к нему граждан страны. Вплоть до 2020 г. стимулировалось участие местного населения в принятии управленческих решений.

Современное состояние органов местного самоуправления в Республике Казахстан: новые вызовы и способы реагирования

Ключевые институты государственного и муниципального управления связаны друг с другом, эти связи неоднократно выступали предметом научных исследований [Kuznetsova, Bezhikovnaya 2018; Liao, Shi 2022]. Развивая высказанные ранее суждения, можно заключить, что принцип делегирования полномочий, универсальный для организации местного самоуправления, оказался востребованным и в Республике Казахстан. Учитывая особенности государственного механизма и исторических традиций, в данном отношении наиболее перспективным для Казахстана оказался опыт таких стран, как Франция и Россия [Садырбаев 2017]. На основе его обобщения в стране эффективно сочетают управление и самоуправление на локальном уровне. Основная идея состояла в том, что нужно обеспечить непосредственное участие населения в управлении делами государства. Она нашла свое отражение в нормах действующего законодательства. Именно поэтому решение наи-

⁵ Закон Республики Казахстан «О местном и государственном управлении в Республике Казахстан» от 23 января 2001 года № 148.

более важных вопросов местного значения начинается с волеизъявления, высказанного сходом местного сообщества.

Членом данного сообщества признают гражданина по наличию регистрации по месту жительства. На сегодняшний день можно утверждать, что каждый взрослый законопослушный гражданин в Казахстане участвует в определении приоритетов развития определенной местности. Сходу подотчетны акимы и маслихаты, которые обязаны представлять сведения о выполнении возложенных на них функций. Кроме того, избираемое им собрание местного сообщества согласует решения по управлению коммунальной собственностью, проект бюджета, а также проекты отчуждения коммунального имущества. В то же время избираемые населением маслихаты не имеют рычагов влияния на сходы и собрания местного сообщества. Их компетенция включает широкий перечень вопросов местного значения (земельные отношения, благоустройство, подготовка и проведение отопительного сезона). Кроме того, они формируют персональный состав акиматов (местных исполнительных органов) по представлению акима. В свою очередь, акима города районного значения/поселка/сельского округа/села выбирает население на прямых выборах. Акимы иных административно-территориальных единиц назначаются на должность с согласия соответствующего маслихата. Проблемы сельских территорий, из которых 20% имеет высокий потенциал развития [Aubakirova, Aimagambetova 2020], во многих случаях решают по итогам общего обсуждения жителями. Его результаты доводят до сведения акиматов и маслихатов.

На такую схему взаимоотношений непосредственно влияет волеизъявление жителей административно-территориальных единиц, что представляет собой механизм реального народовластия. Ни одно звено данного механизма не формируется без прямого (свободные выборы) или опосредованного (решения избранных народом представителей) участия жителей страны. В какой-то степени сложившаяся система превосходит по демократическому потенциалу французскую коммунальную модель, которая в 2001 г. была взята за основу при разработке казахстанской модели и адаптирована к национальным социально-правовым реалиям. Во Франции коммуны считаются основным территориальным образованием, но управляют ими избираемые населением муниципальные советы и мэры. Здесь основной акцент сделан на опосредованное народное волеизъявление через комплектование состава муниципальных советов на свободных выборах. Французский опыт получил как позитивные [Negrier 1999], так и негативные [Borraz 1999] научные оценки. Следует указать, что основные принципы формирования локального уровня управления во Франции сложились еще до принятия действующей Конституции 1959 г. [Chapman 1956], вследствие чего отчасти они представляют собой анахронизм. Применительно к казахстанским социально-правовым реалиям необходимо отметить, что в современный период правовое обеспечение локального управления продолжает динамично развиваться.

Перспективы совершенствования местного самоуправления в Республике Казахстан в условиях глобализации

Новые вызовы, с которыми столкнулись практически все современные государства в условиях глобализации, имеют свою специфику. Она детерминирована социально-экономическим положением, интеграцией, внутри- и внешнеполитическими тенденциями. Локальное управление может иметь точечные отличия, сохраняя при этом общий фундамент – защиту интересов населения. Данный тезис ученые обосновали применительно к Германии [Kuhlmann 2009], Франции [Le Cacheux, Tourjansky 1992; Schmidt 1999], Канаде [Isin 1995], Польше [Kmak 2020], Великобритании [Bailey 1999] и Австралии [Dollery,

Crace, Johnson 2001]. Опыт формирования органов местного самоуправления в отдельных штатах США был обобщен в научных исследованиях, опубликованных в начале XX в. [*Ford* 1901]. Анализ данных работ позволяет заключить, что существует исследовательский интерес к особенностям формирования органов местного самоуправления и перспективам расширения их полномочий. В частности, рассматриваются вопросы эксплуатации коммунального имущества, распределения бюджетных средств, принятия и исполнения решений в сфере социальной политики. Исследованный опыт относится к практике организации местного самоуправления в странах англосаксонской и романо-германской правовых семей, а также к постсоциалистическим государствам. Современное устройство таких государств может быть как унитарным (Франция, Великобритания, Польша), так и федеративным (Германия, Австралия, США, Канада). Однако очевиден общий социальный запрос на децентрализацию местного самоуправления и расширение полномочий на локальном управленческом уровне с учетом потребностей населения. В условиях конвергенции правовых систем возникает тенденция к определенной унификации местного самоуправления.

Казахстанский опыт в основном не был осмыслен в трудах зарубежных исследователей, однако фрагментарно освещен в работах ученых из России [*Сивицкий, Гюлюмян* 2021] и Беларуси [*Василевич* 2020] во взаимосвязи с нормами Европейской хартии местного самоуправления⁶. Интерес можно объяснить как сходством правовой платформы, так и общими тенденциями евразийской интеграции.

В 2021 г. Президент Республики Казахстан утвердил Концепцию развития местного самоуправления в Республике Казахстан до 2025 года⁷. В документе отмечено, что с 2013–2020 гг. в стране была сформирована и развивалась собственная модель местного самоуправления, основанная на участии граждан в решении вопросов местного значения. Одним из положительных результатов вовлечения граждан в обсуждение социально значимых территориальных проблем стала поэтапная передача полномочий по формированию бюджета (в том числе права расходования налоговых поступлений, уплаченных жителями поселений).

Основным приоритетом при совершенствовании местного самоуправления в Казахстане будет дальнейшая его децентрализация с повышением участия населения в формировании представительных институтов. Такой подход позволит включать в состав органов местного самоуправления жителей территорий, которые пользуются доверием граждан, а также рационально использовать бюджетные ассигнования.

Для значительной части населения индикатором эффективности деятельности органов местного самоуправления выступает повышение качества жизни. Все звенья управления должны работать в направлении повышения благосостояния людей. Именно маслихаты и акиматы имеют реальную возможность планировать и выполнять мероприятия в этой части. Выборный характер формирования маслихатов позволяет определить приоритеты, которые впоследствии будут воплощать в серии мероприятий: в организации культурно-просветительской работы, бесплатной транспортной перевозки жителей территории к удаленным объектам, помощи пожилым людям и др.

Весомым параметром эффективности местного самоуправления выступает и защищенность жителей территории от чрезвычайных ситуаций. Местные представительные и исполнительные органы не уполномочены самостоятельно решать правоохранительные

⁶ Европейская хартия местного самоуправления. Страсбург, 15 октября 1985 г.

⁷ Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан до 2025 года» от 18 августа 2021 года № 639.

задачи, но наравне с государственной властью они могут участвовать в мероприятиях, направленных на предупреждение преступлений, повышение экологического благополучия населения, защиту от пожаров и иных экстремальных событий. Кроме того, опираясь на мнения граждан, высказанные на сходе местного сообщества, можно продвигать инициативы, направленные на усиление безопасности в различных ее аспектах (личном, техногенном, экологическом).

Названные параметры не были подробно отражены в Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан. Тем не менее они могут быть освещены в проектах законов, направленных на выполнение ее положений. В перспективе к 2025 г. на территории Казахстана будет сформирована единообразная децентрализованная модель местного самоуправления, зависящая от прямого волеизъявления народа и оснащенная системой сдержек и противовесов. Сближение населения и локального уровня управления – это общемировой тренд, который упрощает взаимодействие между ними и способствует повышению качества жизни, безопасности, свободной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аманжолова Д.А. (1993) Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы: ИД «Таймас». 217 с.

Amanzholova D.A. (1993) *Alash: istoricheskij smysl demokraticeskogo vybora* [Alash: The Historical Meaning of Democratic Choice]. Almaty: ID «Taimas». 217 p. (In Russ.)

Анисимова И.В. (2017) Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // Известия Алтайского государственного университета. № 2. С. 21–27.

Anisimova I.V. (2017) *Stanovlenie sovetskoj vlasti v Kazahstane i realizaciya politiki korenizacii administrativnogo apparata v 1920–1926 gg.* [Formation of the Soviet Power in Kazakhstan and Realization of the Policy of Indigenization of Administrative Facilities in 1920–1926]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. no. 2, pp. 21–27. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-02. (In Russ.)

Асаубаев Р. (2016) Местное самоуправление – потенциал развития и текущие проблемы. Астана: Фонд Сорос-Казахстан. 144 с.

Asaubayev R. (2016) *Mestnoe samoupravlenie – potencial razvitiya i tekushchie problemy* [Local Self-Government – Development Potential and Current Challenges]. Astana: Soros Foundation-Kazakhstan. 144 p. (In Russ.)

Василевич Г.А. (2020) Актуальные проблемы развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления // Вести Национальной академии наук Беларуси. Серия «Гуманитарные науки». № 3. С. 355–366.

Vasilevich G.A. (2020) *Aktual'nye problemy razvitiya mestnogo samoupravleniya v Respublike Belarus' v kontekste Evropejskoj hartii mestnogo samoupravleniya* [Actual Problems of Development of Local Self-Government in the Republic of Belarus in the Context of the European Charter of Local Self-Government]. *Vesti Nacional'noj Akademii nauk Belarusi. Seriya "Gumanitarnye nauki"*. no. 3, pp. 355–366. (In Russ.)

Жумасултанова Г.А. (1999) Политические репрессии в Казахстане в условиях тоталитарного режима (20-е – начало 50-х годов). Караганда: Карагандинский государственный университет им. А.Е. Букетова. 198 с.

Zhumasulatanova G.A. (1999) *Politicheskie repressii v Kazahstane v usloviyah totalitarnogo rezhima (20-e – nachalo 50-h godov)* [The Political Repressions in Kazakhstan under the Totalitarian Regime (20th – Early 50th)]. Karaganda: Karaganda State University named after A.E. Buketov. 198 p. (In Russ.)

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. (1992) Казахстан: летопись трех тысячелетий. СПб: Rauan. 398 с.

Klyashtornyi S.G., Sultanov T.I. (1992) *Kazakhstan: letopis' trekh tysyacheletij* [Kazakhstan: A Chronicle of Three Millennia]. Saint Petersburg: Rauan. 398 p. (in Russ.)

Мидельский С.Л. (2010) Краткая история местного самоуправления в Казахстане: традиции и тенденции // В: Региональная Академия Менеджмента. Павлодар. (https://www.regionacadem.org/index.php?option=com_content&view=article&id=255&lang=ru)

Midelskiy S.L. (2010) *Kratkaya istoriya mestnogo samoupravleniya v Kazakhstane: tradicii i tendencii* [A Brief History of Local Self-Government in Kazakhstan: Traditions and Trends]. In: *Regional'naya Akademiya Menedzhmenta*. Pavlodar. (https://www.regionacadem.org/index.php?option=com_content&view=article&id=255&lang=ru). (In Russ.)

Мукашев Р.Ж. (1982) Из истории укрепления советского государственного аппарата в Казахстане в 20-х годах // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. № 1. С. 74–89.

Mukashev R.Zh. (1982) *Iz istorii ukrepleniya sovetskogo gosudarstvennogo apparata v Kazakhstane v 20-h godah* [From the History of Strengthening the Soviet State Apparatus in Kazakhstan in the 1920th]. *Izvestiya Akademii nauk Kazahskoj SSR. Seriya obshchestvennyh nauk*. no. 1, pp. 74–89. (In Russ.)

Нань Ч. (2017) Движение «Алаш» – значение и влияние // Социально-политические науки. № 2. С. 169–171.

Nan Ch. (2017) *Dvizhenie "Alash" – znachenie i vliyanie* [The Movement "Alash" – Meaning and Influence]. *Social'no-politicheskie nauki*. no. 2, pp. 169–171. (In Russ.)

Пешин Н.Л. (2020) Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. № 11. С. 24–29. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-11-24-29

Peshin N.L. (2020) *Konstitucionnaya reforma mestnogo samoupravleniya: edinstvo publichnoy vlasti kak novyy vseobshchij princip organizatsii mestnogo samoupravleniya* [The Constitutional Reform of Local Self-Government: The Unity of Public Government as a New Universal Principle of Arranging of Local Self-Government]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. no. 11, pp. 24–29. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-11-24-29 (In Russ.)

Рысбекова С.Т. (2011) Казахское общество к 1920 г.: структура, социально-экономическое состояние и политико-правовая культура // В: СНГ: проблемы, поиск, решения. М.: Российский университет дружбы народов. С. 272–289.

Rysbekova S.T. (2011) *Kazahskoe obshchestvo k 1920 g.: struktura, social'no-ekonomicheskoe sosvoyanie i politiko-pravovaya kul'tura* [Kazakh Society by 1920: Structure, Socio-Economic Condition and Political and Legal Culture]. In: *SNG: problemy, poisk, resheniya*, Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. Pp. 272–289. (In Russ.)

Садырбаев Е.А. (2017) Современные тенденции в развитии местного самоуправления в Республике Казахстан // Вестник Карагандинского государственного университета. № 4. С. 138–144.

Sadyrbaev E.A. (2017) *Sovremennye tendencii v razvitii mestnogo samoupravleniya v Respublike Kazakhstan* [The Modern Trends in the Development of Local Self-Government in the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta*. no. 4, pp. 138–144. (In Russ.)

Сивицкий В.А., Гюлумян В.В. (2021) Европейская хартия местного самоуправления как субсидиарная система гарантий местного самоуправления в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. № 3. С. 13–20.

Sivitskiy V.A., Gylumyan V.V. (2021) *Evropejskaya hartiya mestnogo samoupravleniya kak subsidiarnaya sistema garantij mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii* [European Charter of Local Self-Government as a Subsidiary System of Local Self-Government Guarantees in the Russian Federation]. *Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya*. no. 3, pp. 13–20. DOI: 10.18572/2072-4144-2021-3-13-20 (In Russ.)

Соловьев А.И. (2021) «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 5. С. 61–80.

Soloviev A.I. (2021) “Dokazatel’naya politika” i “politika dokazatel’stv”: dilemma postsovetских obshchestv [“Evidence-based Policy” and “Policy of Evidence”: The Dilemma of Post-Soviet Societies]. *Kontury global’nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. vol. 14, no. 5, pp. 61–80. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-3 (In Russ.)

Юдина Т.Ф. (2021) Международная правосубъектность русских земель в период феодальной раздробленности государства (XII–XVI вв.) // *Юридический Вестник Самарского университета*. № 1. С. 25–28.

Yudina T.F. (2021) Mezhdunarodnaya pravosub’ektnost’ russkikh zemel’ v period feodal’noj razdroblennosti gosudarstva (XII–XVI vv.) [International Legal Personality of Russian Lands During the Period of Feudal Fragmentation of the State (XII–XVI Centuries)]. *YUridicheskij Vestnik Samarskogo universiteta*. no. 1, pp. 25–28. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-25-28 (In Russ.)

Aubakirova Z.B., Aimagambetova E.V. (2020) Problems of Local Self-Government Development in Kazakhstan // *Central Asian Economic Review*. No. 6. Pp. 46–57.

Bailey S.J. (1999) *Local Government Economics. Principles and Practice*. London: Macmillan Press. 109 p.

Borraz O. (1999) Reforming Local Government in France: The Case of Two Communautés Urbains // *Administrative Theory & Praxis*. No. 3. Pp. 252–264.

Chapman B. (1956) French Local Government // *The American Political Science Review*. No. 4. Pp. 1108–1110.

Dollery B., Crase L., Johnson A. (2001) *Australian Local Government Economics*. Sydney: University of New South Wales Press Ltd. Pp. 16–22.

Emery C.M. (2000) Tribal Government in North America: The Evolution of Tradition // *The Urban Lawyer*. No. 2. Pp. 315–347.

Ford J. (1901) Municipal Government in the United States // *The North American Review*. No. 534. Pp. 751–763.

Froese T., Gershenson C., Manzanilla L.R. (2014) Can Government Be Self-Organized? Mathematics Model of the Collective Social of Ancient Teotihuacan, Central Mexico // *Plos One*. No. 10. Pp. 3–4.

Isin E.F. (1995) Rethinking the Origins of Canadian Municipal Government // *Canadian Journal of Urban Research*. No. 1. Pp. 73–92.

Jašina-Schäfer A. (2021) Everyday Belonging in Post-Soviet Borderlands: Russian Speakers in Estonia and Kazakhstan. Lanham: Lexington Books. Pp. 41–44.

Kaminsky H. (1993) Estate, Nobility and Exhibition of Estate in the Later Middle Ages // *Speculum*. No. 3. Pp. 684–709.

Kmak M. (2020) The Municipal Council in the Polish Local Government // *Rocznik Administracji Publicznej*. No. 6. Pp. 128–143.

Kuhlmann S. (2009) Reforming Local Government in Germany: Institutional Changes and Performance Impact // *German Politics*. No. 18. Pp. 226–245.

Kulke H. (1982) Fragmentation and Segmentation Versus Integration? Reflections on the Concepts of Indian Feudalism and the Segmentary State in Indian History // *Studies in History*. No. 2. Pp. 237–263.

Kuznetsova E., Bezikonnaya E. (2018) *Actual Problems of State and Local Government*. Hamburg: Bedey Media GMBX. 312 p.

Le Cacheux J., Tourjansky L. (1992) The French Decentralisation Ten Years On: Local Government Finances // *Local Government Studies*. No. 18. Pp. 28–38.

Liao L., Shi C. (2022) Multi-level Governance in Centralized State? Evidence from China after the Territorial Reform // *Lex Localis*. No. 1. Pp. 1–26.

Matuszewski J. (2020) The Reorganization of Public Administration in Overcoming Feudal Fragmentation in Poland // Studies and History of Polish State and Law. No. 1. Pp. 157–175.

Negrier E. (1999) The Changing Role of French Local Government // West European Politics. No. 4. Pp. 120–140.

Schmidt V.A. (1999) The Changing Dynamics of State-Society Relations in the Fifth Republic // Western European Politics. No. 4. Pp. 141–165.

Tackett T. (1989) Nobles and Third Estate in the Revolutionary Dynamic of the National Assembly, 1789-1790 // The American Historical Review. No. 2. Pp. 271–301.

Информация об авторе

Питулько Ксения Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, д. 19-А. E-mail: lokhi@yandex.ru

About the author

Kseniia V. Pitulko, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Saint Petersburg' Institute of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia). Address: 199034, Russia, Saint-Petersburg, 10 Line Vasilievskiy Island, 19-A. E-mail: lokhi@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 20.06.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.07.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 325

DOI: 10.31857/S0869049923050106
EDN: MQTOYF

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIAL STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Патриотизм и миграционные настроения поколения Z Новосибирска и Новосибирской области накануне СВО

© А.В. НОВОКРЕЩЁНОВ, В.Б. АБДРАХМАНОВА

Новокрещёнов Александр Васильевич, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск, Россия), novokreshchenov-av@ranepa.ru. ORCID: 0000-0002-3421-0482

Абдрахманова Венера Бекмуратовна, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск, Россия), abdrakhmanova-vb@ranepa.ru. ORCID: 0009-0007-5829-0345

Проведено эмпирическое исследование миграционных настроений молодежи г. Новосибирска, его пригородов и удаленных сельских населенных пунктов. Выявлены степень патриотизма, а также иные ценности и ценностные ориентации молодежи. Приведены причины, которыми молодые люди объясняют желание покинуть не только малую родину, но и Россию. Показано, что социально-экономические факторы, такие как доход семьи или качество жизни в населенном пункте, не имеют существенного значения при принятии решения о миграции. Меньшая часть стремится реализовать себя в профессии, большинство хочет осуществить мечту о «хорошей жизни», наваянную социальными сетями и блогосферой. Жители отдаленных сел и деревень стремятся в мегаполис, в то время как его обитатели и студенты массово нацелены уезжать в страны Западной Европы или в США – в том числе и на ПМЖ. Вызывает тревогу пессимизм молодежи в отношении перспективы России стать великим процветающим государством.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, миграция, урбанизация, дезурбанизация, ценности, социальные сети, блогосфера

Цитирование: Новокрещёнов А.В., Абдрахманова В.Б. (2023) Патриотизм и миграционные настроения поколения Z Новосибирска и Новосибирской области накануне СВО // Общественные науки и современность. № 5. С. 123–136. DOI: 10.31857/S0869049923050106, EDN: MQTOYF.

Patriotism and Migration Sentiments of Generation Z in Novosibirsk and the Novosibirsk Region on the Eve of the SMO

© A. NOVOKRESHCHENOV, V. ABDRAKHMANOVA

Aleksandr V. Novokreshchenov, Siberian Institute of Management – branch of RANEPa (Novosibirsk, Russia), novokreshchenov-av@ranepa.ru. ORCID: 0000-0002-3421-0482

Venera B. Abdrakhmanova, Siberian Institute of Management – branch of RANEPa (Novosibirsk, Russia), abdrakhmanova-vb@ranepa.ru. ORCID: 0009-0007-5829-0345

Abstract. The empirical study of migration attitudes among young people of Novosibirsk, its suburbs and regional remote rural settlements is conducted to reveal how widespread the sense of patriotism is among them, as well as their values and value orientations. Factors of the desire to leave not only their homes, but also their homeland, are determined. It is shown that social and economic reasons such as family income and quality of life in the settlement are not significant in making the decision to migrate. The main factor is the desire either to realize themselves in their profession (for a minority of respondents) or to carry out their dream of a “good life” inspired by social networks and bloggers. While residents of the villages seek their dreams in the megacity, its residents in large numbers intend to migrate to Western Europe or the United States, including for permanent residence. The pessimism of young people about the prospect of Russia becoming a great prosperous state is alarming.

Keywords: patriotism, youth, migration, metropolis, urbanisation, deurbanisation, values, social media, blogging

Citation: Novokreshchenov A, Abdrakhmanova V. (2023) Patriotism and Migration Sentiments of Generation Z in Novosibirsk and the Novosibirsk Region on the Eve of the SMO. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 123–136. DOI: 10.31857/S0869049923050106, EDN: MQTOYF.

Проблема патриотического воспитания молодежи многие годы остро стоит на повестке дня в России. Большое значение данному вопросу придает Президент РФ В.В. Путин. По его мнению, «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»¹. В стране продолжает действовать государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». После нее был принят еще целый ряд программ, особое место в которых занимает патриотическое воспитание молодежи. Именно молодежная тематика лежит в основе деятельности Федерального государственного бюджетного учреждения «Роспатриотцентр», миссия которого состоит в формировании «высокого патриотического сознания, развития чувств любви и верности к своей Родине». Подобные установки лежат в основе воспитательной работы учебных заведений и культурно-просветительских организаций. Однако тот факт, что с начала специальной военной операции (СВО) на Украине территорию России покинули десятки тысяч граждан – прежде всего молодые люди², говорит о том, что подобная работа в нашей стране проводится либо формально, либо не проводится вовсе.

Понятие «патриотизм» имеет многоплановое толкование. С одной стороны, патриотизм как понятие относится к идеолого-политической сфере, с другой – рассматривается

¹ В.В. Путин. Встреча с активом Клуба лидеров. Москва, 3 февраля 2016 г. Президент России. (<http://kremlin.ru/events/president/news/51263>).

² Е. Щербакова. Миграция в России по итогам первого полугодия 2022 года. Демоскоп Weekly. (<http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0961/barom01.php>).

как набор суждений обыденного сознания. Однако при всем многообразии подходов [Кузнецов 2016; Тихонов 2019; Касамара 2016; Ядова 2020] к его интерпретации, исследователи сходятся в главном: патриотизм – это любовь к своей стране. Данный подход и лежит в основе представленного исследования миграционных настроений молодежи.

Эмпирической базой для оценки стал опрос представителей так называемого поколения Z (к нему относят родившихся с 1997 по 2012 гг., в нашем исследовании – юношей и девушек, родившихся после 2000 г.). Проблема отъезда населения стоит остро, и она преимущественно связана со спецификой нового поколения. Для ее решения необходимо осознать всю сложность данного вызова и предложить меры по воспитанию подлинного патриотизма у детей и молодежи, а также у остальных возрастных групп населения, поскольку очевидно, что без участия родителей и старших родственников с этой задачей государству не справиться.

Начало поколенческому подходу к исследованию особенностей возрастных социальных групп положили американские ученые Н. Хоув и У. Штраус [Howe, Strauss 2000] еще в 1990-е гг. Они перечислили предполагаемые типические особенности поколения, которое придет в новом тысячелетии. В России данную возрастную группу в 2019 г. всесторонне проанализировал социолог В.В. Радаев [Радаев 2019]. По его мнению, «молодое поколение, не имея опыта советской жизни, повзрослев, начало воспроизводить новые поведенческие паттерны, делающие происходящие сегодня социальные сдвиги необратимыми» [Ядова 2020]. При согласии с данной характеристикой необходимо, учитывая проблематику исследования, указать на некоторые конкретные черты объекта: молодые люди уже не мыслят жизни без Интернета, который они используют во всех сферах жизни. Зачастую то, что происходит в онлайн-пространстве, для них бывает важнее, чем реальная жизнь. Реальная жизнь и онлайн-пространство для них неразделимы; в социальных сетях и на разных онлайн-платформах российская молодежь наблюдает за тем, как живут люди в других странах. Их ровесники буквально за несколько месяцев становятся популярными среди миллионов, снимая ролики и зарабатывая крупные денежные суммы. В то же время образование вовсе не гарантирует материальный достаток. Тренд задают те, кто более обеспечен, кто может позволить себе покупать дорогие вещи, путешествовать. Молодежь поколения Z хочет быть счастливой здесь и сейчас. Когда этого не происходит, причину они видят не в себе, а в среде, в которой они оказались. Соответственно, они хотят уехать туда, где, по их мнению, все мечты могут воплотиться в жизнь.

Понятие «миграционное настроение» входит в более широкое понятие «социальное настроение». Большая часть авторов, которые обращаются к данной тематике, определяют его как [Тощенко, Харченко 1996] преобладающее состояние чувств и умов тех или иных социальных групп в течение определенного времени. Предметом данного исследования стали миграционные настроения молодых людей, родившихся после 2000 г. и проживающих в г. Новосибирск и Новосибирской области. Миграционные настроения – особенно в ситуациях, когда речь идет о так называемой малой родине, – не всегда следует рассматривать как непатриотичные. Большинство из нас покинули свои родные места, но сохраняют к ним добрые чувства и при возможности стремятся побывать на «малой родине». Урбанизация представляет собой совершенно естественное явление, которое существует на протяжении веков. В последние годы и в России, и за рубежом наметилась тенденция к дезурбанизации, однако она не исключает доминирующей тенденции движения из села в город. Очевидно, естественна и миграция из периферийных городов в крупные центры, и из России в другие страны, которые интересуют самих мигрантов. Данный вид территориального перемещения не возбраняется – наоборот, он закреплен законодательно как свобода передвижения.

Также существовали возможности свободного передвижения студентов из России в рамках Болонской системы. Выпускники вузов, имея дипломы, которые признаны в государствах Болонской системы, обладают потенциальной возможностью трудоустройства во всех принявших ее странах. 11 апреля 2022 г. Болонская группа исключила сотрудничество с Россией и запретила стране принимать участие в структурах Болонского процесса. 6 июня 2022 г. Россия отменила Болонскую систему, но в период проведения опроса она действовала. На практике россиянам было сложно использовать ее преимущества, однако сама идея присутствовала в социальных сетях и не могла не вызвать интерес в молодежной среде.

Методология и эмпирическая база исследования

Принципиальное значение для данной темы имеет место жительства молодежи. Характер миграционных настроений зависит от приближенности индивида к мегаполису, от величины и степени благоустройства населенных пунктов, а также от специфики занятости в них. По данным Росстата, доля городского населения в общей численности населения Российской Федерации по состоянию на 1 января 2020 г. составила 74,7%. Соответственно, в сельской местности проживает менее трети от общей численности жителей страны. Такая же ситуация наблюдается и в Новосибирской области. Многочисленные исследования проблем внутренней миграции [Виноградский 2019, Бондаренко 2016] свидетельствуют о тотальной миграции сельского населения.

Данная особенность характерна для Сибири, в частности для Новосибирской области. Практически все выпускники местных средних школ устремляются в города. Наиболее успешные остаются там, менее успешные возвращаются и обустроиваются. Новые поколения повторяют опыт своих родителей. Этот процесс идет в течение многих десятилетий. Последние двадцать лет не стали исключением. Данный совершенно естественный процесс имеет негативные последствия. Наблюдается отрицательная селекция, которая приводит к интеллектуальному застою населения, деградации и депопуляции огромных сельских территорий. В качестве примера можно привести такой факт. Из выпускников трех средних школ, расположенных поблизости друг от друга в Барабинском районе Новосибирской области, в 2020 г. ЕГЭ сдал только один ученик. Конечно, этот факт говорит не столько об учениках, сколько об учителях и родителях. Сельская глубинка испытывает кадровые проблемы во всех сферах, в связи с чем в России сейчас разрабатывают реформу местного самоуправления. Однако сельская миграция тоже не однородна. Статистические данные показывают, что далеко не все семьи, покинувшие удаленные деревни, устремляются в крупные города. Многие оседают в пригородах в радиусе примерно 100 км от мегаполиса. Численность их населения неуклонно растет, причем прирост делится на два потока: приезжие жители отдаленных сел и деревень и горожане. Кольца коттеджных поселков вокруг городов расширяются, а дачные участки укрупняются и превращаются в своеобразные «дворянские гнезда». Вместе с урбанизацией идет дезурбанизация, в результате которой образуется новый социальный слой жителей пригородов. Его представители живут в сельской местности, а работают преимущественно в городах [Марголин 2015].

Такая структура социального пространства потребовала сформировать выборку с учетом территориальных особенностей проживания молодежи. Генеральная совокупность данного исследования – молодежь из Новосибирской области в возрасте от 14 до 20 лет. По данным государственной статистики, в регионе по состоянию на начало 2021 г. молодежи такого возраста насчитывалось 160 658 чел. – 63 308 юношей и 93 350 девушек. Выборка осуществлялась с учетом места жительства респондентов и численности жителей населенных пунктов. Объем выборки составил 300 человек. Отбор респонден-

тов происходил в Новосибирске (142 чел.), а также в населенных пунктах, отдаленных от Новосибирска на 100 км (88 чел.), 200 км (54 чел.), более 200 км (18 чел.)³. Преобладание среди респондентов обитателей пригородных и удаленных поселений вызвано большой структурной неоднородностью последних. Таким образом, выборка репрезентативна, объем выборки составляет около 2% от генеральной совокупности.

Исследование во второй половине 2021 г. провели преподаватели и сотрудники кафедры Государственного и муниципального управления Сибирского института управления (СИУ) РАНХиГС с участием студентов учебного учреждения.

Цель исследования – изучить уровень патриотического сознания, ценности и ценностные ориентации молодежи, родившейся после 2000 г., а также установить основные факторы, тенденции и закономерности, которые определяют ее поведение при выборе места жительства и образа жизни в России или за рубежом. Также будет составлен прогноз поведения при выборе места жительства и образа жизни. Объектом исследования стала городская и сельская молодежь, родившаяся после 2000 г., то есть юноши и девушки в возрасте от 14 до 21 года. Предметом исследования выступают миграционные настроения молодежи данной возрастной группы при выборе места жительства и образа жизни. Для сбора эмпирической информации использовались такие методы, как опрос, статистический анализ и наблюдение.

Результаты исследования

Молодежи свойственно стремление к перемене мест. Так было во все времена. В советском прошлом юноши и девушки ехали на целину, на великие стройки. Сейчас они тоже не хотят сидеть на месте, но выбирают уже другие маршруты. По данным опроса, только 10% молодых людей не хотят никуда уезжать и решили навсегда остаться в своем населенном пункте. Таким населенным пунктом преимущественно выступает Новосибирск.

Представим краткий социальный портрет этой группы. Отнюдь не все «патриоты малой родины» – уроженцы мегаполиса. Более половины из них приезжие, которые живут в городе менее пяти лет. Соответственно, «патриотами» их назвать трудно – большинство из них уже осуществили свои миграционные планы. В основном в этой категории представлены девушки (60%) в возрасте 18 лет и старше, студенты вузов или колледжей, которые приехали из сел и деревень и решили остаться в городе. Выпускница СИУ РАНХиГС на вопрос о том, не хотела бы она вернуться в райцентр, откуда приехала, ответила в духе современной лексики: «Я выбираю Новосибирск».

Что касается коренных новосибирцев, далеко не все из них хотели бы остаться в своем городе навсегда. На вопрос «Вы связываете свое будущее с жизнью в данном населенном пункте?» 31% респондентов ответили, что хотели бы уехать, 55% пока не определились, и только 14% решили остаться навсегда. Из юных жителей региональной периферии в городах областного подчинения хотели бы остаться 9% опрошенных, в селах – 4%, в деревнях – 0%.

Социальные факторы, обуславливающие миграционные настроения молодежи

Таким образом, преимущественное большинство молодежи из поколения Z либо уже готово мигрировать, либо обдумывает этот вариант. Важно разобраться, какая причина гонит их из родных мест. Можно предположить, что их вынуждают искать лучшую

³ Миграция населения Новосибирской области в 2020 году: Стат. сб. (2021) Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск. 125 с.

долю невыносимые условия существования в родных населенных пунктах, однако данные опроса показывают, что это совсем не так. На вопрос «Вам нравится жить в вашем населенном пункте?» 38% респондентов ответили «да», 54% – что частично нравится, частично нет, и только 8% – не нравится. Безусловно, не бывает так, чтобы все жители населенного пункта любили в нем все без исключения. Рассмотрим, что именно не нравится респондентам в разрезе типов населенных пунктов (табл. 1).

Таблица 1

**Оценка различных сторон жизни в местах проживания респондентов
 (в % от количества опрошенных)**

Table 1

**Evaluation of different aspects of life in places of residence of respondents
 (% of the number of respondents)**

Причины негативного отношения респондентов к населенным пунктам	Весь массив	Новосибирск	Города обл. подчинения	Село	Деревня
Нет хорошей работы	42	13	38	54	93
Нет возможности для учебы по профессии	27	11	46	23	17
Нет нормальных социально-бытовых условий	18	16	20	21	50
Низкий уровень культуры жителей	17	22	14	6	33
Населенный пункт грязный, неблагоустроенный	27	43	32	6	17
Плохая транспортная связь	12	14	5	8	33
Отсутствует (плохо работает) сотовая связь	4	0	0	10	50

Данные, приведенные в таблице 1, говорят не столько о причинах, побуждающих респондентов покинуть родные места (большинство все устраивает), сколько о ценностях и ценностных ориентациях молодежи. Главными ценностями для них выступают работа и учеба. Наиболее такая позиция распространена на периферии. Большая часть опрошенных заинтересована в образовании, а в малых городах и тем более в селах отсутствует возможность получить его. Чтобы получить профессию, которая обеспечит достойное существование, надо ехать в город. Однако диплом не гарантирует трудоустройство в соответствии с полученной специальностью даже в большом городе. На периферии найти хорошую работу еще сложнее.

Для решения проблемы занятости как в городе, так и в сельской местности необходима диверсификация рабочих мест. Человек рождается и социализируется со склонностью и потенциалом к определенной профессии. В сельской местности исторически предлагается только две: тракторист для юношей и доярка для девушек. В настоящее время и эти профессии в дефиците. Хорошая работа подразумевает и хорошую зарплату, однако без профессиональной подготовки, нужных навыков и знаний шансов получить такое место мало.

Из таблицы 1 видно, что в большинстве сел и деревень, не говоря уже о городах, с доступом к Интернету все обстоит благополучно. Именно из него молодые люди черпают информацию о «хорошей жизни». Когда они сравнивают реальность с благополучной онлайн-жизнью, возникает естественное желание уехать из дома. Раздражение вызывает все, что не соответствует образцам «хорошей жизни» из смартфона. Любопытно, что грязь и беспорядок в населенном пункте больше всего раздражают новосибирцев. Жителей периферии такие проблемы беспокоят меньше, так как они уже не связывают

свое будущее с этими территориями. Соответственно, не особенно беспокоит молодежь и работа органов власти, состояние жилищно-коммунального хозяйства и социальная сфера. Проблема отсутствия рабочих мест, которые соответствовали бы склонностям и интересам молодого человека, очевидна, но только ли она побуждает к миграции?

Оценка различных сторон жизни населенного пункта будет неполной без определения того, как респонденты оценивают благосостояние большинства жителей своего населенного пункта и свое собственное. Об уровне жизни в мегаполисах весьма приблизительно можно судить по количеству и маркам автомобилей, квартирам, дорогостоящей бытовой технике, компьютерам, смартфонам. В соответствии с данными признаками можно предположить, что уровень жизни в городе весьма высок. Полученная таким образом оценка довольно поверхностна. Ее нельзя рассматривать как экспертную, однако такие представления важны с социально-психологической точки зрения. Они существенно влияют на миграционные настроения: ответ на вопрос о том, остаться жить здесь или уехать. Мнения респондентов приведены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка благосостояния населенных пунктов по месту проживания респондентами по пятибалльной шкале (в % от количества опрошенных)

Table 2

Assessment of well-being of settlements by place of residence of respondents on a five-point scale (% of the number of respondents)

Место проживания респондента	Баллы					Нет данных
	1	2	3	4	5	
Весь массив	2	11	43	38	4	2
Новосибирск	1	7	51	38	2	1
Пригород	2	7	43	43	0	5
Село	3	13	44	32	8	0
Деревня	17	50	33	-	-	0

Примечание: 1 – низкий балл, 5 – высокий балл

Согласно результатам опроса, большинство жителей Новосибирска, городов областного подчинения, сел и деревень области считают свое материальное положение вполне удовлетворительным. Их оценка может вызывать большее доверие. 19% респондентов на соответствующий вопрос ответили «полностью обеспечены», 55% – «живем без особых материальных затруднений», 22% – «живем более или менее благополучно, так как на всем экономим», 1% – «едва сводим концы с концами», «бедствуем» не сказал никто.

Конечно, данные также не отражают объективную картину материального положения населения области. Тем не менее, по основным позициям они совпадают с официальной информацией. Жители региона не жалуются на ужасающую бедность. Более того, 3/4 опрошенных оценивают свой достаток положительно, причем доходы жителей мегаполиса и сельских населенных пунктов, судя по результатам, принципиально не отличаются. Однако большинство из них уже готово или готовится уехать. Материальное положение большинства семей вполне удовлетворительное, но речь идет о доходах родителей респондентов. Можно предположить, что миграционные настроения вызваны преимущественно другими факторами. Каковы собственные перспективы молодежи и что ее беспокоит?

Таблица 3

Факторы, обуславливающие беспокойство молодежи (в % от количества опрошенных)

Table 3

Factors contributing to young people's anxiety (% of number of respondents)

Причины беспокойств	Весь массив	Учащиеся ср. школы	Учащиеся колледжей	Студенты	Рабочие	Безработные
Материальное положение после окончания учебы	36	10	38	45	26	100
Сдача ЕГЭ и ОГЭ	18	78	13	4	0	0
Оплата учебы	12	13	8	16	0	0
Боюсь, что не найду хорошую работу после окончания учебы	45	18	48	58	5	50
Жилищные проблемы	24	5	17	29	47	0
Здоровье	24	10	15	32	32	0
Экономическая ситуация в стране	16	8	8	21	26	0
Проблемы в личной жизни	21	38	19	18	16	0
Коррупция в органах власти	12	3	10	17	11	0
Международная обстановка	6	3	10	2	5	0
Ничего не тревожит	0	5	13	1	21	0
Нет данных	0	0	0	1	0	0

Если не считать естественный страх школьников перед ЕГЭ, респонденты озабочены главным образом трудоустройством. Никаких гарантий получить работу в соответствии со специальностью не существует. Как рассказал в интервью выпускник Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), который работает доставщиком пиццы, большинство курьеров имеют высшее образование (чаще инженерно-техническое), однако они либо не могут найти работу по специальности, либо предлагаемая им зарплата в разы ниже, чем у доставщика пиццы.

Следует отметить, что 1/3 опрошенных рабочих беспокоятся о своем здоровье, почти половина из них озабочены жилищной проблемой. Ипотека позволяет решать эту проблему, однако многие из опрошенных не обладают средствами даже на первый взнос, да и никто не уверен, что сможет долгое время продержаться на работе.

Что касается экономической ситуации в стране, коррупции в органах власти и сложной международной обстановки, о которых много говорят средства массовой информации, то эти вопросы большинство молодых людей не интересуют. Лишь пятая часть студентов проявляет интерес к политике, другие социальные группы к ним вовсе равнодушны. Всплеск интереса к теме коррупции в органах власти, который возник в связи с активностью сторонников оппозиционера А. Навального⁴, утих. Обсуждения на эту тему в сетях оставляют молодежь равнодушной.

Надо отметить, что опрос проводился в конце 2021 г., когда международная обстановка еще была не столь напряженной. В настоящее время интерес к этой проблематике существенно возрос. В то же время информация о том, что государство принимает меры по развитию производства, открываются высокотехнологичные предприятия, вызывает у молодежи положительный отклик.

⁴ Внесен Росфинмониторингом в реестр экстремистов и террористов – прим. ред.

Может быть, важной мотивацией для миграции молодежи выступает ее стремление «вырваться» из-под опеки родителей? Опрос показывает, что это не так. До 90% респондентов характеризуют свои отношения с родителями как хорошие и отличные. Всего 8% опрошенных по всему массиву называют их напряженными. Вряд ли причиной их отъезда можно считать стремление покинуть родительский дом. Скорее всего за «напряженные» отношения наши респонденты принимают какой-то легкий семейный конфликт.

Миграционные маршруты

По оценке самих представителей молодого поколения, ситуация в городах, селах и тем более в областном центре отнюдь не катастрофическая и вполне приемлемая для нормальной жизни. Однако 90% опрошенных не хотят там оставаться. Возникает вопрос о том, куда бы хотели уехать молодые люди, родившиеся после 2000 г.

Таблица 4

Миграционные планы и целевые установки молодежи Новосибирска и Новосибирской области (% от количества опрошенных)

Table 4

Migration plans and target attitudes of young people in Novosibirsk and the Novosibirsk Region (% of the number of respondents)

Откуда эмигрировать	Куда эмигрировать								
	в село	в рай-центр	в Новоси-бирск	в др. круп-ный город	в Мос-кву	в СПб	в Сочи или др. южный город	за гра-ницу	пока не решил
из деревни	0	0	67	17	0	0	17	0	33
из села	4	2	52	17	17	17	15	23	8
из райцентра	0	4	44	16	12	16	12	4	20
из города обл. значения	0	0	29	18	16	18	9	30	11
из Новосибирска	1	0	3	15	14	18	17	33	14

Как и следовало ожидать, многие жители сел и деревень свои миграционные планы связывают с областным центром, а новосибирцы – с границей, хотя здесь не все однозначно. В России и так называемом ближнем зарубежье общая тенденция показывает, что мигранты стремятся перебраться в Москву или в Санкт-Петербург. Согласно официальным данным, по качеству жизни Москва и Санкт-Петербург занимают соответственно первое и второе места среди субъектов РФ. В настоящее время в этих двух городах и их пригородах проживает больше человек, чем в Сибири, то есть за Уралом в целом.

В ходе изучения ответов на вопрос «Если Вы хотите уехать, есть ли у вас представление, куда?» выяснилось, что среди опрошенных новосибирцев и жителей области количество желающих уехать в Москву не так велико. Гораздо больше опрошенных хотят уехать из России за границу: такую цель назвал каждый третий молодой новосибирец. 33% студентов вузов и колледжей намерены уехать за рубеж. Есть желающие и среди школьников, и среди рабочих – 16%. Желающие уехать в качестве пункта назначения выбирают: 38% – США и Канаду, 37% – страны Западной Европы, 18% – государства Восточной Европы. Некоторые респонденты стремятся мигрировать в одну из стран Ближнего Вос-

тока, Латинской Америки и даже Африки. При ответе на вопрос: «С какой целью Вы хотите уехать за границу?» предпочтения выстраиваются следующим образом (по всему массиву): посмотреть мир (44%), на постоянное место жительства (19%), найти работу в соответствии с образованием и квалификацией (18%), получить хорошее образование (12%), пожить в демократическом обществе (9%), подзаработать (5%).

Итак, большинство из желающих уехать за границу хотят просто посмотреть мир: школьники – 40%, учащиеся колледжей – 58%, студенты вузов – 44%. Такое желание можно назвать оправданным, положительным и даже реалистичным (по крайней мере, так было до февраля 2022 г.). Стремление заработать, хоть и наивно, но вполне объяснимо. Настораживает желание 10% школьников и 27% новосибирских студентов уехать в США или одну из стран Западной Европы на постоянное место жительства. В случае со школьниками свою роль, скорее всего, играют настроения в семьях, разговоры родителей, хотя исключать влияние социальных сетей тоже нельзя.

Студенты же делают осмысленный выбор, который можно объяснить экономическими факторами. Выпускнику трудно найти работу по специальности, тем более с достойной оплатой труда. Студентов НГУ, особенно механико-математического и физико-технического факультетов, с третьего курса начинают обхаживать зарубежные фирмы, обещая немислимые для России условия труда и вознаграждение за работу. Как известно, из трех важнейших мировых ресурсов – энергетических, пищевых и интеллектуальных – последний ценится особенно высоко. Студенты знают об этой потребности, и, сравнивая свои возможности с требованиями зарубежных фирм, принимают решения эмигрировать. Интеллектуальное обнищание, которое особо ощущается в отдаленных селах и деревнях, наблюдается и в городах. Их также покидают наиболее квалифицированные, но невостребованные специалисты, которые не желают доставлять пищу в родном городе.

Намерение части студентов эмигрировать из России по преимуществу наивно и в большинстве случаев практически не обосновано. На вопрос «Имеете ли вы представление о жизни в стране, куда хотели бы уехать?» 27% опрошенных ответили «да, имею полное представление», 45% – «кое-что слышал», 5% – «практически не имею представления». Следует отметить, что доля респондентов, которые имеют полное представление о стране миграции, совпадает с долей тех, кто хотел бы уехать на ПМЖ. Можно предположить, что в их случае речь идет о серьезной подготовке. Гарантировать абсолютную репрезентативность выборки в части представительства студентов нельзя, хотя при проведении опроса учтена специфика и профиль вузов. Тот факт, что почти 1/3 опрошенных студентов новосибирских вузов хотели бы эмигрировать в страны Западной Европы и США, вызывает беспокойство в условиях нынешней политической ситуации. Речь идет о студентах технических специальностей. В Новосибирске опорным вузом считается Новосибирский государственный технический университет (НГТУ). Такие вузы должны формировать необходимый для развития региона кадровый потенциал. Следует подчеркнуть, что в выборку попало немало студентов из НГТУ. Именно они не могут найти себе работу по специальности в родном городе.

Информационные каналы, влияющие на формирование миграционных настроений миллениалов

Следует разобраться в информационных факторах, которые влияют на сознание и эмиграционные настроения молодежи. Обратимся к результатам опроса, чтобы выяснить, из каких источников молодые люди берут информацию о зарубежных странах. На первом месте Интернет – 84% (в том числе среди студентов и учащихся колледжей – 92%), на

втором месте телевидение – 34%. «От друзей и знакомых» узнают данные 24% респондентов, «из художественных фильмов» – 14%, «из художественной литературы» – 10%, «из учебников» – 4%. Таким образом, основным источником информации выступают социальные сети. Смартфоны есть у 100% опрошенных. Среди социальных сетей первое место занимает VK (81%), затем идут Instagram⁵ (67%), YouTube (55%), WhatsApp (45%), TikTok (41%), Telegram (42%). Twitter и Discord интересуют совсем немногих респондентов – 6%.

Данные каналы и транслируют иностранную информацию, которую едва ли не круглосуточно потребляют дети и подростки. Удивительно, что в такой ситуации лишь треть юношей и девушек хотят покинуть родину, чтобы жить, как они говорят, в «демократическом обществе».

Среди молодежи очень популярна блогосфера – еще одна влиятельная группа «воспитателей». Отвечая на вопрос «Кому из блогеров, рассуждающих о жизни за границей, вы доверяете?», респонденты назвали 69 имен, в том числе около десятка англоязычных. Данный факт еще раз подтверждает подготовку к эмиграции в англоязычную страну. Опрошенные также выделили 27 блогеров, которые обсуждают внутреннюю политику. До недавнего времени наибольшим доверием из них пользовался А. Навальный, причем его имя назвали в том числе 10% школьников. Российским СМИ полностью доверяют 9% опрошенных, 41% в чем-то доверяют, а в чем-то не доверяют, 35% скорее не доверяют и 15% – полностью не доверяют. Если рассматривать школьников отдельно, то 48% из них в той или иной степени не доверяют средствам медиа. Среди студентов только 3% доверяют российским СМИ. Многие молодые люди данной возрастной категории вообще не смотрят телевизор, среди студентов – едва ли не все 100%.

При сопоставлении времени, которое подростки проводят со своими родителями, с тем, которое они тратят на социальные сети и блогеров, преимущество будет явно не на стороне родителей, государства и государственных средств массовой информации. Можно с уверенностью сказать, что воспитанием детей занимается преимущественно Интернет.

Социальные сети формируют не только миграционные настроения, но и политические взгляды, а также общую систему ценностей и ценностных ориентаций. По мнению 39% опрошенных, органы власти принимают решения, исходя не из потребностей и интересов населения, а из интересов партий, которые часто не совпадают с интересами граждан. Еще 21% считает, что государство руководствуется интересами олигархических групп. Многие из достигших 18-летнего возраста опрошенных весьма скептически относятся к выборам, считая, что их голос ни на что не повлияет.

Вряд ли подростки, да и 18–21-летние юноши и девушки разбираются в том, что такое коррупция в современном ее понимании, но 55% убеждены, что в России с ней борются неэффективно. Некоторые вопросы были заданы в открытой форме. Особый интерес вызывает тот факт, что часть ответов была сформирована похоже.

Следует также рассмотреть противоречивые ответы на два ключевых вопроса исследования. На вопрос «Считаете ли вы себя счастливым человеком?» положительно ответили 86%, в том числе 89% из тех, кто хотел бы остаться в своем населенном пункте навсегда, 88% не принявших решение респондентов и 85% окончательно решивших поменять место жительства. Разница между ними незначительна, в пределах статистической погрешности. Несчастливыми себя считают всего 13% опрошенных, причем в большинстве случаев их «несчастье» связано с неудачами на экзаменах или в личной жизни. Молодость – счастливая пора. Глубоких убеждений у юношества пока нет, а их социальное настроение, «напетое» социальными сетями, носит поверхностный характер. Серьезных проблем с

⁵ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией в РФ, – прим. ред.

патриотизмом молодежи не наблюдается. Однако ответы на вопрос «Вы верите, что Россия станет великим процветающим государством?» вызывают тревогу. 39% выбрали вариант «да, верю и готов приложить к этому все свои силы». Сомнения выразили 50%, не верят в это 11%. 71% из тех, кто собрался эмигрировать за границу на ПМЖ, выбрали последний вариант. Результат говорит сам за себя.

Заключение

Миграционные настроения в определенной мере можно рассматривать как индикатор патриотизма – если толковать его как любовь к своей малой и большой Родине и преданность ей. О том, что такое патриотизм, респондентов не спрашивали. Однако ответы на вопрос «Вы верите, что Россия станет великим процветающим государством?» воспринимаются неоднозначно. С одной стороны, только 39% юношей и девушек ответили положительно и выразили готовность помочь своей стране на этом пути. Данный факт огорчает, однако следует учитывать, что респонденты практически круглосуточно слушают блогеров, смотрят видео о прекрасной жизни в США и европейских странах, где их ждут, об отсутствии позитивных перспектив у России. Учитывая данный факт, результат в 39% можно рассматривать с оптимизмом.

В ходе многолетнего дискурса о патриотизме в научной среде четко выделились два подхода к его пониманию: «слепой патриотизм» («патриот любит свою родину такой, какая она есть») и «конструктивный патриотизм», в основе которого лежат общечеловеческие идеалы и ценности (сторонники могут критиковать действия руководства страны, если они не соответствуют общечеловеческим идеалам) [Касамапа, Сорокина 2016]. Российских патриотов следует отнести к первой категории. Они любят свою страну, не задавая вопросов, и готовы ей служить, отдавая все силы и средства. Чувство патриотизма возникает не в результате конструктивного размышления «выгодно – не выгодно», а инстинктивно, как любовь к матери.

Специальная военная операция и последовавшие за ней события вскрыли серьезные ошибки не только в сфере воспитания молодого поколения, но и во многих других областях. Заняв позицию поставщика сырья для высокотехнологичного производства стран Запада и Востока, Россия сосредоточилась на развитии сферы обслуживания. В результате в стране деградировало инженерно-техническое образование, а молодежь разочаровалась в своих перспективах в России. Конечно, молодежь неоднородна. Та ее часть, которую устраивает работа в сфере услуг (не требующая образования, но дающая иногда хороший доход), видит в миграции в большой город или за рубеж шанс обеспечить себе счастливую жизнь.

Другая часть, которая хочет получить качественное образование, стремится реализовать свои способности в науке, бизнесе или в высокотехнологичном производстве. Изменившаяся в результате СВО ситуация уменьшает надежды на образование и трудоустройство за рубежом, однако открывает перед ними реальные перспективы внутри страны.

39% опрошенных называют себя патриотами, что сложно считать заслугой четырехгодичной программы по воспитанию патриотизма или деятельности «Роспатриотцентра». Можно только удивляться, что немалая часть молодежи сохраняет патриотизм, несмотря на каналы информации (не говоря уже о социальных сетях), которые рекламируют общество потребления, утверждают, что история нашей страны – это цепь ошибок, что в России ничего не производится.

Сложившаяся в мире военно-политическая обстановка предоставляет шанс направить движение России по пути всестороннего развития. В случае успеха уважение к своей стране у молодежи возникнет само собой, а миграционные настроения исчезнут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Березовская И.П., Гашкова Е.М., Еркова В.А. (2015) Цифровое поколение. Перспективы фенологической дескрипции // *Россия в глобальном мире*. № 7. С. 53–64.
- Berezovskaya I.P., Gashkova E.M., Yerkova V.A. (2015) Cifrovoe pokolenie. Perspektivy fenologicheskoy deskripcii [Digital Generation. Prospects for Phenological Descriptions]. *Rossiya v global'nom mire*. no. 7, pp. 53–64. (In Russ.)
- Бондаренко Л.В. (2016) Развитие сельских территорий: оценки, мнения, ожидания // *Социс*. № 3. С. 76–84.
- Bondarenko L.V. (2016) Razvitie sel'skih territorij: ocenki, mneniya, ozhidaniya [Rural Development: Assessments, Opinions, Expectations]. *Sotsis*. no. 3, pp. 76–84. (In Russ.)
- Виноградский В.Г. (2019) Сельские миры: опыт социологической реконструкции // *Социс*. № 5. С. 3–13.
- Vinogradsky V.G. (2019) Sel'skie miry: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii [Rural Worlds: The Experience of Sociological Reconstruction]. *Sotsis*. no. 5, pp. 3–13. (In Russ.)
- Касамара В.А., Сорокина А.А. (2016) «С чего начинается Родина»: патриотизм в представлениях студенческой молодежи // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 99–109.
- Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2016) «S chego nachinaetsya Rodina»: patriotizm v predstavleniyah studencheskoj molodezhi [“Where Does the Motherland Begin”: The Patriotism in the Perceptions of Student Youth]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 99–109. (In Russ.)
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2021) Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // *Социс*. № 11. С. 49–59.
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2021) Vzaimodejstvie pokolenij v sovremennoj Rossii: evolyuciya sblizheniya [Interaction of Generations in Modern Russia: The Evolution of Convergence]. *Sotsis*. no. 11, pp. 49–59. (In Russ.)
- Кузнецов И.М. (2016) Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // *Власть*. № 7. С. 164–171.
- Kuznetsov I.M. (2016) Variativnost' diskursov patriotizma v povsednevnom soznanii rossiyan [The Variability of Discourses of Patriotism in the Everyday Consciousness of the Russians]. *Vlast*. no. 7, pp. 164–171. (In Russ.)
- Марголин А. (2015) Развитие городской агломерации как фактор повышения глобальной конкурентоспособности государств // *Государственная служба*. № 6. С. 7–23.
- Margolin A. (2015) Razvitie gorodskoj aglomeracii kak faktor povysheniya global'noj konkurentosposobnosti gosudarstv [Development of Urban Agglomeration as a Factor in Increasing the Global Competitiveness of States]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. no. 6, pp. 7–23. (In Russ.)
- Порозов Р.Ю. (2020) Современная российская молодежь в Интернете: модели поведения и особенности взаимодействия // В: *Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии*. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». С. 116–119.
- Porozov R. Y. (2020) Sovremennaya rossijskaya molodezh' v Internetе: modeli povedeniya i osobennosti vzaimodejstviya [Contemporary Russian Youth on the Internet: Behavioral Models and Interaction Features]. In: *Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i molodezhi: regional'nye modeli i tekhnologii*. Simferopol': IT «ARIAL». Pp. 116–119. (In Russ.)
- Радаев В.В. (2019) Городские и сельские миллениумы: неоднородность нового поколения // *Вопросы экономики*. № 7. С. 5–28.
- Radaev V.V. (2019) Gorodskie i sel'skie milleniumy: neodnorodnost' novogo pokoleniya [Urban and Rural Millennials: Heterogeneity of the Young Adult Generation]. *Voprosy Ekonomiki*. no. 7, pp. 5–28. (In Russ.)

Семенова В.В. (2002) Социальный портрет поколений // В: Россия реформирующаяся. Ред.: Л.М. Дробижева. М.: Academia. С. 184–210.

Semenova V.V. (2002) Social'nyj portret pokolenij [Social Portrait of Generations]. In: *Rossiya re-formiruyushchayasya*. Red.: L.M. Drobizheva. Moscow: Academia. Pp. 184–210. (In Russ.)

Скуридина Е.С., Толочко А.В. (2013) Интернет и молодежь: тенденции и перспективы взаимодействия в современной России // В: Современные проблемы развития образования и воспитания молодежи. С. 152–154.

Skuridina E.S., Tolochko A.V. (2013) Internet i molodezh': tendencii i perspektivy vzaimodejstviya v sovremennoj Rossii [The Internet and the Youth: Trends and Prospects of Interaction in Modern Russia]. In: *Sovremennye problemy razvitiya obrazovaniya i vospitaniya molodezhi*. Pp. 152–154. (In Russ.)

Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. (1996) Социальное настроение. М.: Academia. 196 с.

Toshchenko Zh.T., Harchenko S.V. (1996) *Social'noe nastroyenie* [Social Atmosphere]. Moscow: Academia. 196 p. (In Russ.)

Ядова М.Я. (2020) Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Полис. № 6. С. 181–188.

YAdova M.YA. (2020) Pokolenie millenialov v rossijskom obshchestve: v poiskah drugoj molodezhi [Millennials in the Russian Society: In Search of the Another Young People]. *Polis*. no. 6, pp. 181–188. (In Russ.)

Howe N., Strass W. (2000) *Millennials Rising: The Next Generation*. New York: Vintage Books.

Информация об авторах

Новокрещёнов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор кафедры Государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала РАНХиГС. Адрес: 630102, Россия, Новосибирск, Нижегородская ул., д. 23. E-mail: novokreshchenov-av@ranepa.ru

Абдрахманова Венера Бекмуратовна, аспирант Сибирского института управления – филиала РАНХиГС по направлению подготовки 41.06.01 «Политические науки и регионоведение». Адрес: 630102, Россия, Новосибирск, Нижегородская ул., д. 23. E-mail: abdrakhmanova-vb@ranepa.ru

About the authors

Aleksandr V. Novokreshchenov, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of State and Municipal Administration, The Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa. Address: 630102, Russia, Novosibirsk, Nizhegorodskaya st., 23. E-mail: novokreshchenov-av@ranepa.ru

Venera B. Abdrakhmanova, Postgraduate Student, 41.06.01 “Policy Sciences and Regional Studies”, Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa. Address: 630102, Russia, Novosibirsk, Nizhegorodskaya st., 23. E-mail: abdrakhmanova-vb@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 01.07.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023